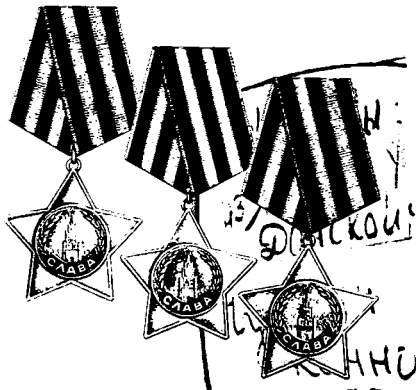

45
Олег САВИН

И родом они пензенские...

Депутат
Трудов
8/5457
Немцев

ДЕНСКОУ
ННО
РФ

ПБЕП

ВМТ

См. приложение

ЛАЗОВ

А. ЯКОВ

ОЛЕГ САВИН
ПЕНЗЕНСКИЙ
ОЛЕГ САВИН

Олег САВИН

**И РОДОМ ОНИ
ПЕНЗЕНСКИЕ...**

Очерки о полных кавалерах
ордена Славы трех степеней

Пенза
2010

УДК
ББК

Издатель:

Составитель: О.М. Савин, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова.

И родом они пензенские... : Очерки о полных кавалерах ордена Славы трех степеней / Сост. О.М. Савин. — Пенза, 2010. — 236 с.

Первое издание сборника «И родом они пензенские...» (насчитывалось в нем 24 очерка) вышло в 1968 году. Второе — подготовлено к 65-летию Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне и включает в себя 48 материалов. Их герои — кавалеры высшего солдатского ордена, ордена Славы, — своим мужеством и героизмом вписали свои имена не только в летопись минувшей войны, но и в историю родной Пензенской области, в биографию России. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Пенза, 2010. Изменения. Дополнения.
© Приволжское книжное издательство.
Саратов-Пенза, 1968.

*Хоть жизнь хороша и в порядке,
Не смолкнул времени гул...
Василий Григорьевич Жаткин
Память мою всколыхнул.*

*Душу и сердце затронул,
Вспомнить заставил своё,
Что было во время оно,
Забывлось, как в поле жнивье.*

*Но нет, нет, ничто не забывлось...
С нами всегда доброта.
И помнится всё, как служилось,
Как бралась в бою высота,*

*Как Днепр клокотал от взрывов,
А переправа шла...
Но жизнь была и счастливой,
И нужные были дела.*

*Сейчас у нас смутное время,
И снова Отчизна в бою...
Василий Григорьевич с теми,
Кто помнит Россию свою.*

*Пусть жизни осталось-то малость,
Моё пожелание — медь,
Чтоб Вы таким оставались
Добрым, красивым и впредь.*

*Олег Савин
9.6.2001 г.
Областная больница,
глазное отделение,
палата №7.*

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ОРДЕНА СЛАВЫ I, II и III СТЕПЕНИ

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Учредить для награждения лиц рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лиц, имеющих звание младшего лейтенанта, отличившихся в боях за Советскую Родину, орден Славы I, II и III степени.
2. Утвердить Статут ордена Славы I, II и III степени.
3. Утвердить описание ордена Славы I, II и III степени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль.

8 ноября 1943 г.

СТАТУТ ОРДЕНА СЛАВЫ

1. Орденом Славы награждаются лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия.

2. Орден Славы состоит из трех степеней:

орден Славы I степени,

орден Славы II степени,

орден Славы III степени.

Высшей степенью является I степень, награждение же производится последовательно: III степенью, II степенью и I степенью.

3. Орденом Славы награждаются за то, что:

ворвавшись первым в расположение противника, личной храбростью содействовал успеху общего дела;

находясь в загоревшемся танке, продолжал выполнять боевую задачу;

в минуту опасности спас знамя своей части от захвата противником;

из личного оружия меткой стрельбой уничтожил от 10 до 50 солдат и офицеров противника;

в бою огнем противотанкового ружья вывел из строя не менее двух танков противника;

уничтожил ручными гранатами на поле боя или в тылу противника от одного до трех танков;

уничтожил огнем артиллерии или пулемета не менее трех самолетов противника;

презирая опасность, первым ворвался в дзот (дот, окоп или блиндаж) противника, решительными действиями уничтожил его гарнизон;

в результате личной разведки установил слабые места обороны противника и вывел наши войска в тыл противника;

лично захватил в плен вражеского офицера;

ночью снял сторожевой пост (дозор, секрет) противника или захватил его;

лично, с находчивостью и смелостью пробравшись к позиции противника, уничтожил его пулемет или миномет;

будучи в ночной вылазке, уничтожил склад противника с военным имуществом;

рискуя жизнью, спас в бою командира от угрожавшей ему непосредственной опасности;

пренебрегая личной опасностью, в бою захватил неприятельское знамя;

будучи ранен, после перевязки снова вернулся в строй;

из личного оружия сбил самолет противника;

уничтожив огнем артиллерии или миномета огневые средства противника, обеспечил успешные действия своего подразделения;

под огнем противника проделал для наступающего подразделения проход в проволочных заграждениях противника;

рискуя жизнью, под огнем противника оказывал помощь раненым в течение ряда боев;

находясь в подбитом танке, продолжал из оружия танка выполнять боевую задачу;

стремительно врезавшись на своем танке в колонну противника, смял ее и продолжал выполнять боевое задание;

своим танком смял одно или несколько орудий противника или уничтожил не менее двух пулеметных гнезд;

находясь в разведке, добыл ценные сведения о противнике;

летчик-истребитель уничтожил в воздушном бою от двух до четырех самолетов-истребителей противника или от трех до шести самолетов-бомбардировщиков;

летчик-штурмовик в результате штурмового налета уничтожил от двух до пяти танков противника или от трех до шести паровозов, или взорвал эшелон на железнодорожной станции или перегоне, или уничтожил на аэродроме противника не менее двух самолетов;

лечник-штурмовик в результате смелых инициативных действий уничтожил в воздушном бою один или два самолета противника;

экипаж дневного бомбардировщика уничтожил железнодорожный эшелон, взорвал мост, склад боеприпасов, горючего, уничтожил штаб какого-либо соединения противника, разрушил железнодорожную станцию или перегон, взорвал электростанцию, подорвал плотину, уничтожил военное судно, транспорт, катер, уничтожил на аэродроме противника не менее двух самолетов;

экипаж легкого ночного бомбардировщика взорвал склад боеприпасов, горючего, уничтожил штаб противника, взорвал железнодорожный эшелон, подорвал мост;

экипаж дальнего ночного бомбардировщика разрушил железнодорожную станцию, взорвал склад боеприпасов, горючего, разрушил торговое сооружение, уничтожил морской транспорт или железнодорожный эшелон, разрушил или сжег важный завод или фабрику;

экипаж дневного бомбардировщика за смелое действие в воздушном бою, в результате чего было сбито от одного до двух самолетов;

экипаж разведчика за успешно выполненную разведку, в результате которой получены ценные данные о противнике.

4. Награждение орденом Славы производится Указом Президиума Верховного Совета СССР.

... 7. Награжденные орденами Славы всех трех степеней удостоиваются права:

а) присвоения воинского звания:

рядовые, ефрейторы и сержанты — старшины; имеющие звание старшины — младшего лейтенанта; младшие лейтенанты в авиации — лейтенанта;

б) увеличения пенсии при утрате ими трудоспособности против положенной пенсии на 50%.

8. Ордена Славы носятся на левой стороне груди по старшинству орденов справа налево. При наличии других орденов и медалей ордена Славы (или ленточки их, при повседневном ношении) располагаются левее других орденов, но правее медалей.

Слава — постоянная спутница воина-героя. Заслужить орден Славы — дело чести.

Каждый награжденный орденом Славы приобщается к славе наших великих предков — к славе Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, к славе непобедимой Красной Армии...

*Из листовки Главного политического управления Красной Армии,
1943 г.*

Путь славы

Сердобчанин Николай Андреевич Залётов за героизм, проявленный в боях в дни Великой Отечественной войны, награжден тремя орденами Славы. Он первым в стране получил орден Славы первой степени.

*Есть в книге армейской фото.
На вражеском доте заснят
Земляк-сердобчанин Залётов,
Сражавшийся за Ленинград:
В глазах — огонек лукавый,
В руках — автомат боевой.
Тремя орденами Славы
Страна наградила его.
Когда командира роты
Сразило пулей шальной,
Поднялся сержант Залётов
И крикнул: «Вперед! За мной!»
Он первым форсировал Нарву,
Шёл в лаве атак впереди.
Три ордена Славы — по праву
Горят у него на груди.
Давно перепаханы доты,
Построен в Сердобске завод.
Прославленный воин Залётов
По светлому цеху идет.
Все тот же веселый и зоркий,
С лукавой усмешкою взгляд.
И на фронтовой гимнастике
Три ордена Славы горят.
А в цехе такая работа.
Что подвигам новым под стать.
И рад ей товарищ Залётов
Гвардейскую душу отдать.
Стоит он на вахте рабочей.
А гул от машины такой,
Как будто бы сердце клокочет
В широкой груди заводской.
Шагает он поступью жаркой,
Как прежде, в почетном ряду.
Гордится:
с сердобскою маркой
Часы — у страны на виду.
Чем больше дает их конвейер,
Тем ярче и радостней взгляд.
И с каждой победой светлее
Три ордена Славы горят.*

Сердобск, 1950

Баллада о солдатской гимнастёрке

— Скажи мне, товарищ,
Скажи, старшина,
За что получил ты
Свои ордена?
Три ордена Славы
Большого пути.
И веер медалей
Звенит на груди.
На знаки державные
Любо смотреть.
Хотел бы тебя я,
Как должно, воспеть.
— От Волги до Шпрее
Прошел я бои...
Но, честно скажу,
Ордена не мои!..
Дружок мой, служивый
Окопный солдат...
Была гимнастёрка его
Без наград.
Лишь пот сорок первого года
На ней
В боях
проступал
И темней, и жирней.
Под Минском из пекла
Меня на спине
Волок он, как мог,
По кровавой стерне...
Меня защитил,
А себя не сумел.
Хоть силу лет на сто
Он в теле имел!
А вот не пришлось
До победы дожить
И эти награды
В боях заслужить.
Но если б меня он
Под Минском не спас,
На мне б ордена
Не звенели сейчас.
Так чьи же награды?
Выходит, его.
Была бы в придачу к ним
Жизнь у него!

Москва

Хранители солдатской доблести

В 1963 году военное издательство в Москве выпустило в свет первую из трех запланированных книг очерков «Солдатская слава», посвященных полным кавалерам ордена Славы трех степеней, и это сразу нашло отклик в областях. Заведующий Пензенским отделением Приволжского книжного издательства А.Л. Маргулис предложил выпустить такой же сборник о земляках, удостоенных высшего солдатского ордена. В группу авторов вошли участники Великой Отечественной войны В.Н. Рубцов, Т.П. Кадышев и автор этих строк. Областной военкомат назвал первые фамилии героев.

А 7 мая 1965 года в редакции «Пензенской правды» уже состоялась первая встреча с героями будущей книги. В День Победы газета поместила снимок фотокорреспондента Н.Н. Павлова и информацию журналиста А.Г. Дорошина «Хранители солдатской доблести». Николай Николаевич, ветеран печати, — участник минувшей войны, закончивший ее у стен рейхстага в Берлине. Анатолий Геннадиевич, ныне тоже покойный, только начинал репортерскую деятельность, позже трудился в газете «Молодой ленинец», многотиражных изданиях, много писал о бывших фронтовиках. А на снимке были запечатлены полные кавалеры ордена Славы: П.М. Барабанов, Д.Ф. Барышников, В.Д. Герасимов, С.Ф. Громков, С.Т. Карабанов, А.Д. Макаров, И.Ф. Максюшин, А.И. Коротков, Н.Н. Рязанцев, Е.В. Чернигин, А.С. Чехманов.

В это время Приволжское издательство, областное общество «Знание» и облвоенкомат выпустили большой красочный плакат «Пензенцы — полные кавалеры ордена Славы». В выходных данных стояло: ответственный за выпуск — участник войны, капитан первого ранга Г.Ф. Резепов, редактор А.Л. Маргулис, художник Ю.С. Иванов, технический редактор Е.Д. Воронкова. Присутствующие на встрече расписались у своих портретов с описанием подвигов. А Н.Н. Рязанцев и С.Т. Карабанов только поставили свои подписи. О том, что они полные кавалеры ордена Славы, узнали уже после выхода плаката (он был отпечатан в типографии издательства «Пензенская правда» тиражом в 1300 экземпляров). Разбирая папки с «военными» материалами, я обнаружил плакат с автографами и сразу передал его в Государственный объединенный краеведческий музей.

Когда речь зашла о названии книги, я вспомнил, что в 1942 году на страницах «Правды» печаталась с продолжением повесть Бориса Горбатова «Алексей Куликов, боец...» Начиналась она просто: «А зовут его Алексей Куликов, и родом он — пензенский, служил бойцом в батальоне старшего лейтенанта Субботина, тут его знают все». На протяжении всего произведения писатель как бы поддерживал «пензенское родство» своего героя. Об Алексее Куликове, опять же пензенце, шла речь и в повести «Непокоренные».

В областном адресном бюро оказался на учете 41 человек с таким именем и фамилией, но ближе всех к горбатовскому герою оказались двое.

19 мая 1965 года я опубликовал в «Пензенской правде» статью «Алексей Куликовы — бойцы...», где рассказал об этом необычном поиске.

Первый Куликов — фронтовик, получив мое письмо, сразу приехал в редакцию. Алексей Васильевич, уроженец деревни Кармановка Кузнецкого района, ушел на фронт в 1942 году, где и стал шофером. Нижние Котлы, Белая церковь — на военных дорогах приходилось делать многое: возить под ураганным огнем противника снаряды, вывозить в госпитали раненых, перебрасывать солдат с одного рубежа на другой. Месяцы войны связаны у него с третьей понтонной бригадой: наводили мосты через Вислу, Дунай, Днестр, Эльбу. Бережно хранил ветеран медали «За победу над Германией», «За освобождение Праги». И в мирное время он водил машину, работал на заводе «Кузтекстильмаш».

В биографии начальника мастерских автотехнического отдела управления охраны общественного порядка А.М. Куликова тоже были фронтовые страницы. Родился он в 1918 году в селе Федоровка Каменского района, отсюда, в двадцать лет, был призван в Красную Армию, где и овладел профессией шофера.

— Я читал повесть Бориса Горбатова, — вспоминал А.М. Куликов. — В войну читал. Ребята, еще шутили: не про тебя ли, Леша, написано. Всё сходится, кроме специальности. Возили мы боеприпасы, мины. Юго-Западный, Сталинградский, Степной, Прибалтийский, Белорусский фронты. Всё, как у горбатовского Куликова. Он ведь тоже на Дону и Кубани воевал...

После боев Алексей Михайлович остался на сверхсрочную службу. К боевым наградам: двум орденам Красной Звезды, двум медалям «За боевые заслуги», медалям «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» прибавились медали «За безупречную службу в рядах Советской Армии», в честь 30-летия и 40-летия Армии и Флота.

В разговоре А.М. Куликов еще раз обратился к повести Бориса Горбатова. «В ней есть главка, — говорил он, — где рассказывается о том, как Алексей искал своего земляка. Помните строки: «До зарезу нужен был ему земляк, чтобы вести с ним бесконечные беседы о родных местах, вспоминать знакомых мужиков и районных начальников... А если убьют Куликова, чтоб отписал земляк жене, душевно, обстоятельно и со слезой... Куда бы ни попадал Куликов, первым делом он выкрикнул: «Эй, пензенские тут есть?»

После некоторого молчания фронтовик добавил:

— Про всех про нас сказано. На новое место приезжали, враз земляков начинали искать. Это здорово подметил Горбатов. И встречались пензенцы. В повести Куликов их не встретил, а я вот встречал...

Так фраза из повести военных лет стала названием книги о ее героях — «И родом они пензенские...» Она вышла в свет в конце 1968 года, печаталась в издательстве газеты «Пензенская правда». На титульном листе стояло: «Приволжское книжное издательство. Саратов – Пенза». Среди

ее авторов был В.Н. Рубцов (1909-1976), инженер-подполковник, краевед, который написал для сборника 11 очерков. Виталий Николаевич с 1936 по 1960 год служил в армии, за участие в боях отмечен орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Он выпустил книгу о военных топографрах «Опорные пункты» (1960), «Одиннадцатая твердость» (о защитнике Брестской крепости, Герое Советского Союза А.М. Кижеватове, 1976). 11 очерков опубликовал в книге «И родом они пензенские» и автор этих строк.

В течение нескольких лет поисками героев минувшей войны занимался подполковник Т.П. Кадышев (1906-1977), журналист и краевед, за участие в боях отмеченный тремя орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалью «За боевые заслуги». В 1966 и 1972 годах Тихон Прокопьевич выступил составителем и автором томов из серии «Герои и подвиги». Он несколько лет возглавлял областной совет ветеранов войны.

Книгу «И родом они пензенские» редактировал опытный журналист С.П. Глебов. В соавторстве с журналистом Ф.М. Дворяновым он написал монографию «Комсомольское племя» (1968). Двумя годами раньше вместе с А.Л. Маргулисом Семен Петрович готовил к печати сборник документов «Пензенская организация в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)», вел редактуру тома из серии «Герои и подвиги» (1972).

Предисловие «Наши чудо-богатыри» к сборнику написал А.Л. Маргулис. «Пока плакат находился в производстве, — говорилось в нем, — выяснилось, что на пензенской земле живут еще два полных кавалера ордена Славы, потом стала известна фамилия еще одного героя войны. И вот сейчас выходит книжка, в которой собраны рассказы о 24 полных кавалерах, причем, о последнем из них — Василии Дмитриевиче Мещерякове — стало известно, когда книжка уже была подготовлена к печати. Тот факт, что на протяжении почти двух десятилетий мы ничего не знали о многих героях, живущих среди нас, можно, наверно, объяснить и тем, что поиск активных участников минувших битв ведется еще недостаточно активно».

Повествуя о том, что «орден Славы добывался только в бою, часто ценою крови, и получали его лишь настоящие герои, великие труженики войны», Арон Львович замечал: «Только за личные, конкретные подвиги можно было заслужить высший солдатский орден, а чтобы стать полным кавалером ордена Славы, надо было совершить не менее трех подвигов.

В годы войны я работал в газете гвардейской дивизии, видел немало настоящего героизма и мужества, знал многих подлинных героев и могу свидетельствовать, что заслужить в бою орден Славы первой степени было куда труднее, чем получить любую другую воинскую награду».

А.Л. Маргулис (1911-1996) перед войной окончил в Москве курсы редакторов, в 1940 году создавал в Пензе газету «Молодой ленинец». В 1941-1945 годах он — редактор газеты 2-й гвардейской воздушной десантной дивизии «За Родину», награжден орденом Отечественной войны 1

степени, Красной Звезды, медалью «За отвагу». Автор многих публикаций в местной печати, коллективных сборниках. Его мемуары вошли в сборник «Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах», вышедшей в Пензе в 1995 году.

Обложку для первого издания сделал художник П.Т. Милосердов, ныне тоже покойный. Выпускник Пензенского художественного училища и Московского полиграфического института, Петр Тимофеевич работал в отделении Художественного фонда и в книжном издательстве. Среди оформленных им изданий были книги по краеведению, сборник «Лермонтов с нами», первый том серии «Герои и подвиги». Техническим редактором выступила Е.Д. Воронкова, корректором А.А. Канифатьева. Они же готовили к печати и первый том серии «Герои и подвиги».

Сборник «И родом они пензенские» сразу привлек к себе внимание, вызвал многочисленные отзывы. Уже 21 января 1969 года газета «Красная звезда» рассказала о нем, а также о книгах И. Ваганова «Солдатская доблесть» (Южный Урал) и А. Николаева «Солдатская слава» (Северо-Западное книжное издательство). «Нет сомнения, — писал сержант запаса П. Константинов, — что они найдут достойное место среди многих изданий на военно-патриотические темы». Автор заметки считал: «Начинание трех издательств заслуживает всяческого одобрения», выражал надежду, что «другие местные издательства воскресят в памяти советских людей подвиги своих земляков, удостоенных ордена Славы трех степеней». Почин этот был поддержан. В разных концах страны стали выходить книги: «Солдатская слава» (Краснодар), «Во имя жизни» (Вологда), «Слава солдата» (Петрозаводск), «Героев наших имена» (Удмуртия), «Доблесть солдатская» (Алма-Ата) и др.

Выход книги о героях войны вызвал отклик и в местной прессе. Первым опубликовал рецензию в «Пензенской правде» журналист, писатель и поэт А.А. Сазонов (под псевдонимом А. Скобцов). В это время (1967-1970 годы) он заведовал отделением Приволжского издательства. «Скромность отличает героев этой книги, — писал Александр Александрович. — Когда Отчизна подверглась опасности, они грудью встали на её защиту, совершили всё, что могли. А отгремела война, вернулись к своему труду, никак не напоминали о боевых заслугах, и правильно сделали авторы книги, рассказав о сегодняшнем дне», «особенно полезна она для молодежи, которая учится на опыте старшего поколения жить и бороться».

Библиограф областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова Л.П. Полбицына, ныне заслуженный работник культуры России, директор областной юношеской библиотеки, подготовила информации, которые напечатали газеты районов, откуда будущие кавалеры ордена Славы уходили на фронт. О них читали в Беднодемьяновске, городе Белинском, Бессоновке, Городище, Лопатине, Мокшане, Нижнем Ломове, Никольске, Сердобске, Шемьшейке. В 1973 году Лидия Петровна выпустила составленный ею указатель литературы «Герои-земляки». Редакция «Пензенской правды» получила и письмо от полного кавалера ордена Славы А.И. Короткова:

он просил поблагодарить авторов и выразил уверенность, что остальные герои очерков присоединятся к нему.

В 1970-1996 годах старшим редактором Пензенского отделения Приволжского издательства, затем ответственным секретарем журнала «Сура» трудился П.Ф. Максяшев (1923-2002), журналист, литературовед, заслуженный работник культуры России. Участник Великой Отечественной войны, подполковник запаса, Петр Федорович был автором публикаций в центральной и местной печати, многое сделал для развития краеведения. Не ошибусь, если скажу, что под его редакцией: вышла в свет целая библиотека книг по истории Пензы и области, их замечательных людях и делах. Не забывалась и военно-патриотическая тематика.

В конце 1973 года П.Ф. Максяшев предложил мне участвовать в переиздании книги «И родом они пензенские». Её десяти тысячный тираж давно разошелся, авторы были еще живы, как и герои (только количество их несколько возросло), но в Саратове к этому предложению отнеслись равнодушно: книга не вышла...

Под руководством П.Ф. Максяшева несколько лет работал полковник в отставке А.И. Телешенко. Участник Великой Отечественной войны, Александр Иванович служил на Дальнем Востоке, был заместителем начальника политотдела Пензенского Высшего артиллерийского училища, работал в книжном издательстве. Он выступал как редактор-составитель шести книг из серии «Герои и подвиги» (1976-1990), готовил к печати сборник «В одном строю», посвященный женщинам — участницам войны.

Несколько книг «Герои и подвиги» отредактировал журналист и поэт Л.Г. Зефиров (1928-1989). Лев Григорьевич оставил поэтический сборник «Орбита» и книгу очерков «Годы грозные» (первоначальное название — «Тарханы в шинели»). Активное участие в подготовке краеведческой литературы принимала старейшая работница издательства Лидия Николаевна Толмириди, редактор последнего тома серии «Герои и подвиги» (1990).

В 1985 году к читателям пришла книга «Пензенская область в годы Великой Отечественной войны...», а областная библиотека имени М.Ю. Лермонтова и облвоенкомат тиражом в 300 экземпляров выпустили библиографический список литературы «Родом они пензенские». Составили его библиографы Н.И. Забродина и В.А. Дерунова, указав 37 героев, получивших орден Славы трех степеней.

5 октября 1989 года, когда еще не была закончена работа по подготовке многотомного исторического труда «Всесоюзная Книга памяти», центральные и областные газеты, в том числе «Пензенская правда», сообщили, что Министерство обороны СССР приступило к составлению еще одного уникального издания — научного справочного труда «Кавалеры ордена Славы трех степеней». Читатели с большим интересом ознакомились с интервью, которое дал специальному корреспонденту Агентства печати «Новости» заместитель министра обороны СССР Д.С. Сухоруков. Дмит-

рий Сергеевич рассказал об особенностях и значении такого словаря, о том, что в его подготовке будут заняты Главное управление кадров, Институт военной истории и Центральный архив Министерства обороны СССР (сейчас — Российской Федерации).

В это время П.Ф. Максяшев, как редактор, снова, уже в третий раз, стал вести речь о переиздании книги «И родом они пензенские...», и отправил письма оставшимся в живых кавалерам ордена, но ответов не получил. После переписки в 1973 году веры в переиздание не было.

Несколько лет пролежала в Саратове рукопись моей книги «Судьбы солдатские». И неожиданно, в начале 1991 года, оттуда прислали в Пензу ее вёрстку (поступило распоряжение свыше, что нужно выпустить книгу к 50-летию начала Великой Отечественной войны). Через несколько месяцев книга «Судьбы солдатские. Пензенцы в Великой Отечественной войне: известные и неизвестные страницы» вышла в свет. Написанная на основании печати военных лет и новых архивных документов, она рассказывает о нелегких судьбах тех, кто прошел через горнило боев, начиная с Бреста и кончая Парадом Победы. На ее страницах показаны героические и трагические события, участниками которых являлись уроженцы Пензы и области, солдаты, связанные с присурским краем. Это была последняя книга, выпущенная Приволжским издательством. Подошли коммерческие времена...

В начале 1994 года под грифом «Всероссийская Книга памяти» вышел первый том издания «Память. Пензенская область». Я входил в состав редколлегии этого издания, и мне было поручено написать к нему предисловие, которое получило название «В списке славы золотом...», и послесловие «Мы помним вас, вы — в сердце нашем...» В 10 томах были увековечены имена тех, кого издревле почитали на Руси — воинов, павших на ратных полях; даны сведения о пензенцах, не вернувшихся в родные места с самой кровавой из войн — Великой Отечественной.

С ростом негосударственных и даже частных издательств книги стали выпускаться с помощью спонсоров или же за свой счет. В 1996 году в Пензе вышла книга историка-архивиста В.А. Мочалова «354-я в боях за Родину: История дивизии». В 2002 году полковник В.И. Малышев выпустил документальную книгу «Защитим небо крепкими руками» (о ветеранах Военно-Воздушных Сил и войск противовоздушной обороны). В Кузнецке издали мемуары старейшего журналиста области П.С. Дунаева «Разные дни». Петр Степанович, ныне покойный, в 1995 году опубликовал в журнале «Сура» свои военные дневники.

Работа над словарем «Кавалеры ордена Славы трех степеней» продолжалась в Москве более 10 лет. В 2000 году, наконец, Воениздат выпустил его в свет. В состав редколлегии входили крупные военные историки, а возглавлял ее генерал армии Д.С. Сухоруков. Тираж издания был небольшим, и экземпляр книги стоил 10 тысяч рублей. Поэтому она и не появилась в пензенских библиотеках. Познакомиться с ней помог жур-

налист, краевед-историк М.С. Полубояров, сейчас консультант, советник пресс-центра Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Уроженец Малой. Сердобы, Михаил Сергеевич окончил Саратовский университет, в 1975-1987 годах редактировал районную газету «Труд», «Молодой ленинец», был заместителем редактора «Пензенской правды». Он состоял членом редакционного совета «Пензенской энциклопедии», вышедшей в 2001 году. Среди помещенных там материалов были и сведения о полных кавалерах ордена Славы.

По моей просьбе М.С. Полубояров прислал ксероксы справок, помещенных в биографическом словаре, и выяснилось, что Пензенский край — родина 48 пензенцев, кавалеров высшего солдатского ордена.

Михаил Сергеевич прислал копии материалов из книг о героях, которые не поступали в фонды областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова (главной библиотеки области). Интерес для читателя представит и статья «География подвига: центры и периферия», присланная для пензенского издания. В ней идет речь о вкладе, который внесли в Великую Победу различные регионы России.

Так было подготовлено второе издание книги «И родом они пензенские». У ее героев разные военные биографии и специальности: минеры и саперы, разведчики и телефонисты, артиллеристы и танкисты, воздушные стрелки самолетов штурмовой авиации, понтонеры, пулеметчики и минометчики, но всех их сближало и роднило одно: родная Пензенская область. Они воевали на Украинском и Белорусском, Ленинградском и Прибалтийском фронтах, на территории Беларуси, Литвы, Латвии и Эстонии, Румынии и Венгрии, Польши, Австрии, Чехословакии и Германии, но после Победы большинство возвратилось в родные места, вместе со всей страной занималось мирными трудовыми делами.

В 90-е годы прошлого столетия в Российской Федерации сели восстановлены дореволюционные ордена Святого Георгия и Святого Андрея Первозванного; учреждены: орден «За заслуги перед Отечеством» четырех степеней, ордена Мужества, «За военные заслуги», орден и медаль маршала Г. К. Жукова. Из числа советских наград вычеркнули ордена Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. Вместо ордена «Знак Почета» стал орден Почета; вместо ордена Дружбы народов стали награждать просто — орденом Дружбы.

Высший солдатский орден — орден Славы трех степеней — тоже ушел в историю, стал ее достоянием, по-прежнему занимая особое место среди других отличий за, храбрость, отвагу и героизм.

Жизнь и подвиги тех, кто был удостоен его, — неотрывная часть биографии страны. Они принадлежали к рядовым солдатам, что, по словам великого русского поэта А. Т. Твардовского, «с первых дней годины горькой, в тяжкий час земли родной» встали на ее защиту и вписали свои имена в летопись Великой Отечественной войны. В огне страшных кровопролитных боев, страшных испытаниях закалялось их мужество, росла непреклонная воля к Победе и непоколебимая вера в нее.

В предисловии к первому изданию книги «И родом они пензенские» А.Л. Маргулис писал, словно бы обращаясь к историкам и краеведам нашего времени: «...поиск должен быть продолжен. И чем дальше, тем настойчивее... Чем больше времени отделяет нас от событий великой битвы сороковых годов, тем труднее становится вести эту работу. И если удастся отыскать след хотя бы еще одного подлинного героя войны, то как бы труден ни был поиск, все усилия будут вознаграждены».

Начиная с 1968 года, со времени выхода в свет первого издания, пензенские краеведы продолжали поиски. Им как бы подвел черту выход в Москве краткого биографического словаря «Кавалеры ордена Славы трех степеней». Надо думать, что вскоре появятся и вторые издания книг из серии «Солдатская слава»...

«Народ должен знать своих героев, — писал в заключение автор предисловия. — Это не просто привычная красивая фраза. Наши современники, наши близкие и далекие потомки должны навсегда сохранить память о людях, чья отвага, мужество и героизм спасли человечество от ужасов фашизма»...

* * *

При подготовке второго издания книги «И родом они пензенские» большую помощь мне оказали: историк-архивист, заслуженный работник культуры России В.А. Мочалов; заведующая информационно-библиографическим отделом областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова М.И. Лазарева и заведующая краеведческим сектором В.А. Дерунова; начальник Адресно-справочного бюро при УВД Пензенской области А.В. Антропов, подполковник В.Е. Бойцов из облвоенкомата, начальник Бессоновского дорожного участка, инженер С.А. Голодяев, директор Пензенской многопрофильной гимназии №13, заслуженный учитель школы Российской Федерации Ю.А. Голодяев.

Очерки в книге даны в алфавитном порядке (по фамилиям героев), их заключают справки из краткого биографического словаря «Кавалеры ордена Славы трех степеней», изданного в 2000 году Московским военным издательством.

*Олег Савин
Пенза*

Орден Славы за № 1

В первый же день войны в Сердобский военкомат пришел машинист дизельной установки на городской электростанции Николай Залетов и положил на стол военкома заявление, в котором было всего четыре слова: «Прошу отправить на фронт». Не мог сидеть дома, когда на границе уже шли бои, младший командир запаса, в свое время окончивший полковую школу и школу снайперов.

В октябре 1941 года Н.А. Залетов оказался на Ленинградском фронте: гвардии старший сержант командовал отделением в 188-м полку 63-й стрелковой дивизии. Первый бой он принял под Пулковом в начале января 1944 года. Рота, которой командовал гвардии старший сержант Иван Трофимович Камышный, получила приказ: взять Воронью гору (она входила в немецкий укрепленный район и от нее зависел успех дальнейшего наступления наших частей).

«Две линии вражеских траншей, — вспоминал позднее Н.А. Залетов в книге «Бойцы переднего края», — мы преодолели минут за двадцать, перед третьей залегли — внезапно ожил немецкий дзот. Под огнем спаренных пулеметов полегло полроты, на подъеме к немецкой траншее чернеют на снегу шинели, Одна, вторая, третья... Впереди всех неподвижно лежит Демьян Лукич — боец из моего отделения...»

Путь вперед преграждал трехамбразурный дзот, поставленный на высоте, из него хлестнули свинцовой струей два пулемета. Дважды наши бойцы поднимались в атаку и снова вынуждены были ложиться в серый от порохового дыма снег. Время уходило, и старший сержант Залетов подполз к ротному:

— Разрешите уничтожить дзот.

Вместе с пулеметчиком Николаем Смирновым, автоматчиками Толстиковым, Елиным, Капустиным (двое последних погибли в этом бою) командир отделения пополз к дзоту. Смирнов дал несколько очередей, вызвал огонь на себя, но фашисты стреляли и по той группе, в которую входил Залетов. Тогда отполз в сторону Капустин, тоже обозначил себя огнем. Тем временем Николай Андреевич стремительным броском подобрался к самому дзоту. Рядом ровно и размеренно били вражеские пулеметы.

Снят часовой. Но в убежище фашистов не попасть: железная дверь закрыта изнутри — и гранатой ее не взять. Залетов взобрался на верх укрепления и в полуоткрытый люк одна за другой полетели три гранаты (первая — противотанковая). Внутри он обнаружил пять убитых фашистов, взял вражеский пулемет, укрепил на нем красный флажок и просунул в люк. Когда на помощь замолчавшему дзоту поспешили гитлеровцы, снова ударил пулемет Смирнова и автоматы товарищей. Гора Воронья была взята.

В этом бою сам Залетов уничтожил восемь гитлеровцев, За этот подвиг старший сержант был награжден орденом Славы III степени.

«В бою за гору Воронью, — вспоминал позднее Н.А. Залетов, — захватили мы фашистскую дальнобойную пушку «Берту», которая долгое время обстреливала Ленинград. 27 мая взяли Красное Село — последний оплот фашистов под Ленинградом. Блокада окончательно была снята».

В феврале того же 1944 года в Сердобск поступило письмо с адресом полевой почты, адресованное матери Н.А. Залетова. «Уважаемая Антонина Ивановна! — писали командир полка Шерстнев и комиссар Силюнян. — Благодарим вас за то, что вы своего сына Николая Андреевича Залетова воспитали подлинным героем, неустрасимо бьющим подлого врага...»

«Вторую награду — орден Славы II степени — Н.А. Залетов получил под Нарвой, — писал 6 марта 1945 года в газете «Сталинское знамя» (ныне «Пензенская правда») Д. Журавлев. — Здесь его отделение по льду форсировало реку. Бойцы перебежали под сильным огнем противника. Большим осколком льда Залетов был сбит с ног. Превозмогая боль, он поднялся и побежал к берегу. На высоком обрыве отважный командир первым воткнул в снег красный флажок. В рукопашном бою старший сержант истребил 12 немцев».

А в родной Сердобск снова пришло письмо. Солдаты роты И.Т. Камышного писали жене мужественного однополчанина: «Дорогая Анна Федоровна! Ваш муж, гвардии старший сержант Николай Андреевич Залетов в боях за священную русскую землю сражается, как подобает сыну нашей великой родины. Недавно Николай бился один с двадцатью немцами. Гитлеровцы не устояли перед богатырской силой гвардейца, бросились бежать, Вся наша рота гордится бесстрашным воином Николаем Залетовым.

Вы, Анна Федоровна, можете гордиться мужем-героем. Будьте уверены, Николай вернется к Вам с полной победой и не с одним орденом на груди. Горячо поздравляем Вас с наградой Вашего мужа».

В июле 1944 года Н.А. Залетов отличился и в боях на Карельском пешейке. В разгар одного из боев смертельное ранение получил командир роты Серов, и по распоряжению комбата Николай Андреевич принял командование на себя. Им был дан приказ — взять важный в стратегическом отношении объект, где сходились несколько шоссежных дорог. Оборону здесь держала немецкая пехотная рота с двумя батареями минометов.

«Боевой опыт у меня был, — вспоминал позднее на страницах «Пензенской правды» Н.А. Залетов, — но командовать ротой еще не приходилось. Созвал я командиров взводов, и решили мы обмануть врага. Два взвода незаметно по лесу обошли противника и ударили с тыла. Один взвод повел я на штурм поселка. Овладев им, мы значительно выдвинулись вперед линии фронта и оказались отрезанными от своих. Немцы и финны поняли, какую опасность представляем мы для их обороны и предприняли атаку за атакой, чтобы выбить нас с занятых позиций. Рота попала под сильный артиллерийский огонь, спасали только бетонные надолбы, которых было здесь великое множество. Прячась за них, мы организовали круговую оборону и трое суток, экономя боеприпасы и питание, без сна и отдыха, удерживали поселок.

Наш смелый маневр, мужество и упорство бойцов помогли полку на четвертый сутки выйти на рубеж, занятый ротой. Почти все солдаты нашей роты за этот подвиг были награждены орденами и медалями, многие — посмертно».

За этот бой, личную храбрость и командирское мастерство сердобчанин Н.А. Залетов был награжден орденом Славы I степени за № 1, стал первым в Советской Армии кавалером ордена Славы трех степеней с присвоением офицерского звания — младший лейтенант.

«Полк построился в лесу, — рассказывал в 1974 году корреспондентам «Комсомольской правды» Н.А. Залетов. — Рядом, метров так двести, — землянка, в ней боеприпасы. Чуть что — сразу туда, и в бой. Говорили, конечно, мало, да и о чем говорить — война... Командир полка читает Указ о награждении, я слушаю и удивляюсь, знаете, чему? Что жив! Сначала удивился, а потом обрадовался. Ну, а потом по уставу: «Служу Советскому Союзу!» Вот так это было...»

Потом брали Таллинн, освобождали Литву. Н.А. Залетов был награжден орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, многими медалями, получил пять ранений. После Победы он вернулся в родной Сердобск, работал на городской электростанции, часовом заводе, возглавлял подразделение гражданской охраны. Ветеран нередко встречался с молодежью. Его хорошо знали на промышленных предприятиях города, в школах и ПТУ (профессионально-технических училищах), селах района.

В 1970 году, в канун 25-летия Великой Победы, в Москве состоялась встреча воинов — кавалеров ордена Славы трех степеней. На него был приглашен и моторист Сердобского часового завода Н.А. Залетов. Из рук Министра Обороны СССР, Маршала Советского Союза А.А. Гречко Николай Андреевич получил ценный памятный подарок, а потом, уже находясь в президиуме, Маршал поставил и автограф в юбилейном блокноте ветерана: «На добрую память т. Залетову Н.А. в юбилейные дни 25-летия Победы над фашистской Германией. А. Гречко 25.4.70». Вторую подпись сделал Маршал Советского Союза А.И. Еременко. «Тов. Залетову Н.А., — написал Андрей Иванович. — Помните войну. Рад нашей встрече, А. Еременко. 25.4.70».

Говоря о книгах «Солдатской серии» в №5 журнала «В мире книг» за 1972 год, главный маршал бронетанковых войск, Герой Советского Союза П.А. Ротмистров писал о старшем сержанте Н.А. Залетове: «Его отвага — не дело случая; он постоянно был на гребне атаки. Читая о нем, можно обратить внимание, что Николай всегда был первым: прорывая блокаду Ленинграда, он первым ворвался во вражескую траншею, вступил в рукопашный бой. В критический момент ликвидировал немецкий дзот и пулемет с прислугой, уничтожил десятки фашистов».

Н.А. Залетов почти ежегодно приезжал в Ленинград для встреч с трудящимися, был его Почетным гражданином. Ни одна книга, повествующая о местах боевой славы города на Неве, не обходится без упоминания о подвигах сердобчанина, совершенных у Пулковских высот, при переправе через реку Нарву, на Карельском перешейке.

На одну из ленинградских встреч приезжал пензенский тележурналист Виктор Вольнов, который снял фильм «Славы первый кавалер», показанный по местному телевидению. «На экране прошли волнующие эпизоды военных времен, — писал в отзыве корреспондент «Пензенской правды» Владимир Егоров. — Зрители увидели Н.А. Залетова в минуты боя, и когда всесоюзный староста М.И. Калинин вручает ему награду. В фильме умело использованы документальные киноленты. Можно побывать на местах сражений под Ленинградом и посмотреть, что стало там сейчас. Показан волнующий момент, когда защитники города-героя встречаются вместе в Ленинграде».

Н.А. Залетов скончался 23 октября 1977 года и похоронен на городском кладбище с воинскими почестями. Там, почти у берега пруда, сооружен мемориальный комплекс воинам Советской Армии, погибшим в боях за Родину. Здесь, у братской могилы, взмывает в небо реактивный самолет, и в нескольких метрах от нее находится могила первого в стране полного кавалера ордена Славы.

Сердобчане чтят память о герое-земляке. В мае 1984 года в районном центре состоялся многолюдный митинг, посвященный открытию бюста Н.А. Залетову. Есть он и в Аллее Героев. С 1975 года в городе стали традиционными соревнования по боксу на приз имени Николая Андреевича. Ежегодно проводится праздник и на «именной» улице солдата, чье имя вписано в историю Великой Отечественной войны.

ЗАЛЁТОВ Николай Андреевич, род. 28.02.1914 в г. Сердобск Пензен. обл. в семье рабочего. Русский. Член КПСС с 1945. Окончил 5 классов. Был машинистом дизельной установки на электростанции. В Кр. Армии с 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с окт. 1941. Ком-р отделения 188-го гв. стр. полка (63-я стр. див., 42-я армия Ленингр. фронт) гв. ст. сержант 3. 15.01.44 в бою в 4 км зап. Пулково (под Ленинградом) с отделением первым ворвался в траншею пр-ка, лично уничтожил св. 10 фашистов. 17.01.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 11.02.44 3. (полк и див. те же, 2-я уд. армия Ленингр. фронт) близ нас. пункта Тропи (Эстония) в ходе наступления первым переправился через р. Нарва, захватил с бойцами опорный пункт, в бою уничтожил св. 10 враж. солдат. 16.3.44 нагр. орд. Славы 2 ст. В июле 1944 во время боев. действий на Карельском перешейке, сражаясь в составе того же полка, 3. заменил ком-ра попавшей в окружение роты и 3 суток вместе с бойцами отбивал контратаки врага, способствуя выполнению боев. задачи. 5.3.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1946 лейтенант 3. уволен в запас. Жил в Сердобске. Работал механиком на часовом з-де. Нагр. орд. Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 24.10.1977.

Соч.: Бойцы переднего края. М., 1976. 136 с.

Лит.: Коротеев Н.И. Три подвига. М., 1966. С. 30; Кавалеры ордена Славы. Л., 1971. С. 25-44; Кавалеры ордена Славы. М., 1977. С. 18-27; Сгибнев А.А. Человек из легенды. М., 1966. С. 22-31; И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 7-16.

Талант солдата

Что такое вообще талант? Словарь утверждает, что это — дарование, одаренность, выдающиеся природные способности. Мы говорим о талантливом музыканте, писателе, поэте, инженере, враче, о талантливом токаре или фрезеровщике.

А вот на войне эпитет «талантливый» чаще всего применялся, когда говорили о высших военачальниках. Им, как и орденом Победы, награждали только полководцев. Но были и талантливые солдаты.

Правда, может, звучит это не совсем привычно, но были такие солдаты. Из многого складывался их талант. Никто не родился солдатом. Время одевает на плечи погоны и ставит в суровый воинский строй.

Петр Барабанов тоже никогда не думал, что станет солдатом. Работал в колхозе, зимой возил на ферму корма, весной садился за трактор. А примерно за год до начала войны подался на сторону — больно уж ярко и живописно расписывал уполномоченный по набору жизнь в сибирских краях. Уехал один — жена с ребенком оставались пока в родной деревне.

Долго не выдержал там, затосковал по родным архангельским полям, речке Юловке, над которой склоняются зеленолистые березы, могучим дубам, что глухо шумят на холме, круто поднимающемся по направлению к Чадаевке.

Приехал домой и уже через два месяца снова собирал вещмешок. Война громыхала на западных границах.

Но на фронт Петра Михайловича Барабанова взяли не сразу. Опытный он был тракторист, и руководители МТС добились для него брони. В хлебе нуждались фронты. И кто знает, сколько продлятся бои.

Убрали до зернышка урожай, подняли зябку, и Барабанов снова пошел в военкомат. Домой заявился рано — обычно возвращался, когда деревню окутывала мгла.

«Пошутил: Собирай ложку с кружкой, — завтра утром в поход».

Уезжали из Архангельского вчетвером: вместе с Барабановым призывались Василий Кузин, Иван Прицеляев и Степан Коньгин. Уезжали просто и буднично, словно на работу собрались. Не было всхлипов гармонии, ни горестных, ни ухарских песен. Не было даже напутствия от сельсовета — почти все архангельские мужики уже воевали, и стоило ли собирать митинг ради четверых.

Шел октябрь первого военного года. В село доставили уже похоронные, первые письма из госпиталей. Немец наступал, напролом лез к столице.

Расстались в Пензе. Простились — сведут ли фронтовые дороги? Барабанов вместе с Конигиным был направлен в саперный батальон.

Больше года находился в резерве. Лишь в декабре сорок второго при-был со «свежим» пополнением на станцию Чернь Орловской области. От-сюда в составе 564-го отдельного гвардейского саперного батальона 283-й стрелковой дивизии выступил на фронт.

Приехал туда Барабанов опытным, умелым минером. Не было, навер-но, в учебном подразделении таких мин, к которым не прикоснулись бы чуткие, внимательные руки солдата. Детально, во всех мелочах, изучил свои и чужие. Подними ночью по тревоге, в темноте мог разобрать и соб-рать любую из них. Учился ставить: летом не отыщешь среди травы и пес-ка; зимой — все сливалось с белизной снега. Умел и находить их, снимать, — не было равных в этом деле рядовому Барабанову. Слово чутье какое имел он на мины.

Не раз после выполнения задания, пусть и учебного, командир восхи-щенно говорил:

— Ну силен ты, Барабанов! Талант у тебя в руках.

Эти же слова не раз повторяли и на фронте, когда рядовой Барабанов проделывал проходы для пехоты там, где, казалось, и не подойти. Талант-ливый он был солдат.

...Тоненькой ниточкой протянулась на карте речка Зуша. Это на карте. А как перейти ее, когда весь берег простреливается?

Но задание есть задание. Штабу нужен «язык». И пятеро из развед-роты пошли на тот берег: четыре разведчика во главе с сержантом Бекле-мишевым и минер Барабанов. Ему приказ был иным — сделать проходы в проволочном заграждении, чтобы утром наши части, переправившись через Зушу, не задерживаясь, могли продолжать наступление.

Сдали документы, письма. Орденов пока не было. Двинулись в путь, перебрались на тот берег, а там, где перебежками, где ползком. Заметят не-мцы, засекут — и всех, как одного, покосят. Пулеметные очереди доноси-лись с обоих флангов. Да и на церкви, что возвышается над селом (видно ее днем), тоже, верно, есть пулемет.

Ткнулся в мерзлую землю Куракин, молча, кричать нельзя, какая бы не была боль. Подполз к нему Барабанов, перевернул на спину — руки бессиль-но раскинулись — убит. Рядом упал Заедалов — и ему попала в голову пуля.

Но вот и ряды колючей проволоки. Мин, вроде, нет. Проверил еще раз, поползал со щупом — нет. Начал резать проволоку. Лишь с рассветом отползли. Задание выполнено.

Немного пересидели в воронке, передохнули, поползли снова. Вот и берег близко. Но ползущий впереди минер услышал, как сзади тихо ойкнул сержант, задышал тяжело. Вернулся к нему Барабанов, а у того вся рука в крови. Как приложил к левой стороне шинели, да так и не отпустил.

— Напишешь домой. Адрес у старшины...

— Не брошу я тебя.

— Ползи к нашим. Надо передать...

Взметнулась в небо ракета. Откуда-то закосил пулемет. Как позднее оказалось — точно, бил с церкви. Первым же снарядом накрыли его утром, — срезали церковную макушку. Раньше не трогали, думали — может, памятник культуры какой, не стоит рушить.

Утром началось наступление. В проходы, сделанные саперами, устремилась пехота. Высота и деревня были взяты.

Погибших разведчиков похоронили в той же самой воронке, в которой укрывались они с сержантом. Поставили столбик, вырезали звезду, положили на могильный холмик пробитую каску. Залпа не было — и так гремело все вокруг.

На другой день Барабанову вручили медаль «За отвагу». А вечером, сидя в окопе, при колеблющемся свете каганца вывел он негнушимися пальцами адрес жены сержанта Беклемишева. Нелегко писалось это письмо...

Быстрая, синяя и холодная вода в реке Сож. Ледяные закраины появились на ее берегах. Взводу, в котором служил Барабанов (он уже командир отделения), было приказано навести переправу, за ночь построить мост.

Собрались на своем берегу, присели, как и бывает перед всякой работой. Кто-то прикинул:

— Метров двадцать с лишним будет.

— Да, около этого...

Положили первые козлы, на них бревна. Переправа начала расти. Не смущало, что вокруг рвались снаряды и свистели пули, — враг вел беспрерывный обстрел, — привыкли работать под огнем.

Когда уже наращивали предпоследний пролет, потоком воды подмыло козлы, рухнуло звено переправы, и вместе с ним очутился в ледяной воде отделенный. Кричать нельзя, а течение быстрое, несет и несет, причем к чужому вражескому берегу.

Быстро сбросил шинель. Держась одной рукой за скользкое, вёрткое бревно, другой стянул сапоги. Стало легче.

«Автомат бы, — подумал с горечью, — а то, кроме ножа, ничего нет»...

Вручили свои. С левого берега тихо-тихо почти без плеска двигалась лодка. Оказалось, что эта наши связисты тянули через Сож кабель — наступление готовилось на большом участке фронта. Они-то и вытащили сержанта из воды, дали глотнуть спирта, перевезли на свою сторону.

Полураздетый, босой, обледеневший, пришел Барабанов в свой взвод, к переправе. Там обрадовались, ведь посчитали погибшим.

И ничего не сделалось солдату. Выдал ему старшина новые сапоги, шинель, сказал: «Удачлив ты, брат!» — и снова в дороге сапер. Вместе с другими наутро он форсировал реку, в которой пришлось так неожиданно искупаться, пережить несколько неприятных трудных минут.

За форсирование Сожа он получил орден Славы третьей степени. Когда остановились перед решающим броском через Днепр, Петр Михайлович подал заявление о приеме в партию. Коммунисты собрались накоротке. Решили единодушно — принять. Знали в полку отважного минера.

— Поздравляю. Пока ты кандидат, а на тот берег перейдем, станешь коммунистом. Днепр надежней всякого стажа, — пожимая руку, сказал замполит.

Река была закована во льды. На всем ее протяжении фашисты поставили проволочные заграждения. Каждый участок простреливался перекрестным огнем. Надо было расчистить дорогу для наступления, подготовить проходы для пехоты, разминировать дорогу.

В одном месте сделали проход — на ту сторону с рацией перебрался комбат. Залегли, Два пулемета били равномерно, методично, только летели осколки льда. Подняться было трудно.

Но поднялись, сделали еще один проход, переползли на тот берег. Отыскали комбата.

— Что дальше делать?

— Пока всё. Будем ждать приказа.

Часа через полтора началось наступление. С атакующими цепями вошли в деревню и саперы. Не полагалось им отставать от пехоты.

Здесь Петр Михайлович был ранен. Пулеметная очередь прошла ногу. На два месяца пришлось распрощаться с боевыми друзьями.

Когда лежал в госпитале, шутил:

— Ну ладно, хоть бы от своей подружки мины пострадал. А то как пехотинца ранило. Обидно...

На многих минных полях пришлось побывать находчивому и умелому, везучему, как говорили в полку, саперу. В совершенстве познал он минную технику, не было для него в минном деле тайн. Словно бы каким-то подсознательным чувством разгадывал Петр Михайлович замыслы маскировки вражеских мин, их расстановку на поле боя, читал эти поля без карты.

На самые трудные участки посылало командование сержанта Барабанова и его отделение. Все приказы выполнялись точно. Хладнокровно, расчетливо, смекалисто делал свое дело отделенный, под любым огнем выводил с минного поля своих бойцов.

За Днепр Барабанов получил орден Славы второй степени. На правом берегу стал коммунистом. Прав был замполит — это форсирование любого стажа стоит. Многие остались на днепровских берегах...

Стоял сержант Барабанов и на берегу реки Нарев. Здесь тоже надо было навести переправу.

Приказ-то приказом, но как выполнить его — и в срок, и так, чтобы не допустить потерь? Решили пойти на хитрость.

В ночь отчалили от своего берега. Тихо, без плеска шел плот, только вода журчала между наспех связанных бревен. Оставалось до конца пути каких-то десять метров, как послышался знакомый воющий звук мины. Так и есть, разорвалась рядом.

От разрыва плот здорово качнуло, он накренился, и все бойцы оказались в воде. Хорошо, что случилось это на отмели. По одному выбрались на берег. Уже далеко за полночь подошли к вражеским траншеям. По пути снимали мины. Ведь утром здесь станут переправляться свои.

Замысел Барабанова был простым: вплотную подобраться к фашистским окопам и завязать, бой, отвлечь огонь врага на себя, дать тем самым возможность саперам нанести переправу.

То-то было шуму, когда во вражеских траншеях начали рваться русские гранаты, ровно и четко заговорил пулемет, не давая гитлеровцам поднять головы. Они были в смятении. Решив, что Нарев уже форсирован, всю силу своего огня они сконцентрировали на том участке, где находились солдаты из барабановского отделения.

Жаркие это были часы. Но подоспело подкрепление. По наведенному товарищами мосту на другой берег уже переправлялись наши пехотинцы.

Шел дальше и сержант, обезвреживая чужие минные поля, ставя свои мины. Сколько тысяч их (если бы счет вести!) прошло через его руки. Выручал миноискатель. Но не всегда. А если деревянная мина? Тогда к палке крепился штык — и лучшего щупа не отыскать. Надежен и прост в обращении...

Это было уже на вражеской территории. Третий день отсиживались в своих окопах саперы, а с наступлением темноты ползли к переднему краю. На подступах к нему надо было расчищать минные поля — обычная повседневная работа.

Тихо так, что не звякнет оружие, не хрустнет упавшая с дерева ветка. Проползли метров двести, прислушались. Справа нет-нет да и доносились редкие пулеметные очереди. Вспыхивали ракеты, четко обозначая деревья и кустарники, линию проволочного ограждения.

Барабанов, как и всегда, полз первым. И не то, чтобы не доверял своим солдатам, просто считал, что место командира отделения — впереди. На то он и командир. Осторожно подтягивался на локтях, зорко вглядывался в темноту.

— Всем оставаться на месте, — подал он команду ползущему сзади солдату. — Свежей землей пахнет. Наверное, мины ставили.

Так и оказалось. До тридцати противотанковых мин обезвредили саперы. Снова поползли вперед.

И снова пришлось замереть. Чуть в отдалении темнело несколько человеческих фигур, слышалась чужая речь. Фашисты минировали свой участок обороны. Надо было лежать, вжимаясь в землю, чтобы ничем — ни шорохом, ни скрипом, ни кашлем не выдать себя.

Томительно тянулись минуты, часы. Только за полночь фашистские саперы ушли к своим позициям.

И тогда началась работа. Барабанов первым нащупал только что поставленную немцем мину, снял с нее свежий слой земли, вывернул взрыватель. Рядом в поте лица трудились его товарищи. Ведь надо было все закончить до света и возвратиться к своим.

Как гром среди ясного неба, было для гитлеровцев утреннее наступление наших войск. Стремительным броском пехота и танки ворвались во вражескую оборону. И удивлены были пленные офицеры и солдаты тем, что ни один русский танк, ни один боец не подорвались на минах. А ведь они ставили их всю ночь...

Когда Петр Михайлович был в госпитале (тогда, после Днепра), то шутил, что ранило его пулеметной очередью, а не подружкой-миной. Пришлось пострадать и от нее. Такая уж, видно, судьба у минера. Случилось это 4 декабря 1944 года. Возвращался сержант с боевого задания, и уже в нейтральной зоне, метрах в трехстах от своей землянки, раздался невдалеке взрыв. Боль почувствовал в правой ноге. Вгорячах прошел еще метров пятьдесят, потом упал. Совсем немного и не дотянул до своей траншеи, потерял сознание.

Заметил помкомвзвода. Через край окопа перекинулся старшина. Пополз к раненому, взвалил его на себя, так и доставил к своим. Когда в блиндаже разрезали сапог, стянули его, оказалось, что осколок сидит в ноге.

Так сержант Барабанов оторвался от своей части. Почти пять месяцев пробыл в госпиталях. И все равно шутил:

— Вот теперь я настоящий минер...

Шутки-то шутками, а выписали солдата домой только 26 апреля 1945 года. Страна уже жила ожиданием Победы. До нее оставались считанные дни.

Возвращался он домой той же дорогой, что и уходил тогда — в сорок первом. Только сейчас весна шла по земле, ярко зеленела пробившаяся на буграх трава, тонкой зеленью отсвечивали мокрые листья берез. А тогда была осень — хмурая, неприветливая...

Дорогой он думал, что вот здесь, в начале сорок третьего, проходил почтальон, принес домой письмо, в котором друзья сообщали, что Петр Михайлович Барабанов пропал без вести.

Да было и такое в его жизни. Ушли они тогда к переднему краю впятером. Должны были вернуться на другое утро, но не удалось пройти через заслон вражеского огня, и лежали там еще сутки, и еще день.

А когда пробились к своим — усталые, измученные, голодные — начальник штаба сказал радостно и в то же время смущенно:

— Пишите скорей письма домой. Ведь мы уже извещения о вашей гибели послали. Слез-то, поди, сколько дома было...

Были слезы и сейчас. Радостные, всеочищающие слезы. Вернулся солдат домой, хоть и покалеченный вражескими пулями и осколками, но живой. С орденами и медалью.

Сразу же сел на трактор, и дня не пробыл без дела. Вот почему рядом с его боевыми наградами можно видеть и скромную медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Не там, так здесь, в тылу, ковал победу в последние дни войны бывший минер.

Нашла его и еще одна награда. В 1957 году — в День Советской Армии — городищенский военком вручил бывшему минеру орден Славы первой степени. Это за ту «злую» шутку с фашистскими минерами.

...Мы разговаривали с Петром Михайловичем у него дома. В окошко видно было трассу, по которой с гулом и шумом пронеслись на Москву и Куйбышев машины. Ребятишки гоняли мяч, и вместе с ними играла в

футбол белая собачонка с черным ухом, пыталась укусить мяч, да не удавалось.

Петр Михайлович сидел, положив руки на стол. Тяжелые, мозолистые руки человека, привыкшего держать в руках штурвал трактора, рубанок и топор. Добрые, спокойные, талантливые руки!

* * *

Прокатилось над землей почти четыре десятилетия. И все это время П.М. Барабанов был связан с родным селом, работал трактористом, строил новые дома и фермы, зернохранилища и тока. Лишь в последние годы переехал он в село Чаадаевку, где и скончался 25 февраля 1997 года. Ушла из жизни Евдокия Андриановна, вместе с которой они вырастили двух дочерей и четырех сыновей. Любовь Петровна (ее тоже нет в живых) была птичницей и телятницей в совхозе «Чаадаевский». Мария, пенсионерка, живет на станции Шнаево. Старший, Степан, тоже ушедший на пенсию, проживает в Челябинске. Василий работал на деревообрабатывающем заводе в Городище, Александр — в Чаадаевке, но не оставил родного села. Там же находится и получивший инвалидность Егор Барабанов.

БАРАБАНОВ Пётр Михайлович, род. 13.01.1916 в с. Архангельское ныне Городищенского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1943. Окончил 3 класса. Работал в колхозе. В Кр. Армии с 1941.

В боях Вел. Отеч. войны с дек. 1941. Ком-р отделения 564-го отд. сап. батальона (283-я стр. див., 3-я армия, Белорус. фронт) сержант Б. 21.11.43 близ г. Пропойск (ныне Славгород Могилёв, обл.), проделав проход в проволоч. заграждении и обезвредив 17 противотанк. мин, одним из первых ворвался в траншею врага и захватил в плен 2 солдата. 25.11.43 в бою в р-не г. Селец-Холопеево (Могилёв, обл.) сразил 4 гитлеровцев и 2 пленил. 11.12.43 нагр. орд. Славы 3 ст. 21.02.44 Б. в том же боев. составе (50-я армия, 1-й Белорус. фронт) в р-не нас. пункта Хомичи (Калинковичск. р-н Гомельской обл.) со своим отделением, проделав ночью под огнем проход в проволоч. заграждении, первым бросился в атаку и нанес врагу урон. Будучи раненным, поле боя не покинул. 6.3.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 4.8.44 (3-я армия, 2-й Белорус. фронт) с 2 саперами переплыл р. Нарев в р-не г. Остроленка (Польша) и закрепился на берегу. Отбивая контратаки, лично уничтожил св. 10 гитлеровцев. В критич. момент боя воины вызвали огонь на себя. 24.3.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

Демобилизован в апр. 1945. Вернулся в с. Архангельское. Трудился трактористом. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Жил в с. Чаадаевка Пензен. обл. Умер 25.02.1997.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 17-28; Андреев Г. И., Вакуров И.Д. Солдатская слава. М., 1981. Кн. 5. С. 28-30.

За бои в Белоруссии, Литве, Польше

Бардин Владимир Васильевич (1924-1953)

БАРДИН Владимир Васильевич, род. 11.8.1924 в г. Пенза в семье рабочего. Русский. Член КПСС с 1944. Образование неполное среднее. В Кр. Армии с 1942.

В действ. армии с авг. 1942. Пом. ком-ра взвода 147-й отд. развед. роты (88-я стр. див., 31-я армия, 3-й Белорус. фронт) старшина Б. близ нас. пункта Ивенец (40 км сев. г. Минск) 10.7.44 участвовал в захвате «языка». При выполнении задачи истребил 4 гитлеровцев, затем прикрывал отход группы разведчиков. 19.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. В боях в р-не г. Друскининкай (Литва) 16.7.44 Б. поразил ок. 10 солдат и 1 офицера, противотанк. гранатой взорвал пулемет пр-ка. 24.8.44 нагр. орд. Славы 2 ст. В боях с 21.01.45 по 17.02.45 уничтожил св. 20 фашистов, особо отличившись при освобождении г. Ландсберг (Гурово-Илавецке, Польша). 29.6.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

После войны продолжал службу в армии. В 1951 старшина Б. уволен в запас. Жил на родине, работал во вневедомственной охране. Награжден орд. Отечественной войны 1 и 2 ст., медалями. Умер 11.10.1953.

Хозяин сорокапятки

Праздничный Октябрьский парад в Москве Дмитрий Федорович Барышников смотрел по телевизору. Вот прозвучали фанфары, донеслись команды, и со стороны Исторического музея двинулись по площади бронетранспортеры с пехотой. Это — прославленная Таманская дивизия. Впереди — знамя, овеванное ветрами многих боев.

Чеканя шаг, проходят слушатели академий, моряки, пограничники, нахимовцы, суворовцы...

Маленький интервал — и наступает минута, которую Дмитрий Федорович ждет с особым волнением. Мощный гул моторов прокатывается над площадью: на ее брусчатке появляются ракеты. Их много — самых разных конструкций и систем. В это время оператор обязательно показывает дипломатический корпус. Иностранцы торопливо приникают к фотоаппаратам и кинокамерам — Москва обязательно «угостит» какой-либо новинкой. Идут по площади пушки. Дмитрий Федорович подходит ближе к экрану, всматривается в лица солдат, сидящих в кузовах мощных тягачей. Кто они, эти незнакомые молодые ребята? Крепко ли держат в руках доверенное им грозное оружие?

И каждый раз, когда по Красной площади проходят артиллеристы, вспоминается старому солдату военная пора, лица товарищей по расчету, его сорокапятка — оплавленная вражеским огнем, с обгоревшей на щите краской, царапинами и вмятинами от осколков. Кажется, вот шевельни рукой, и почувствуешь их шероховатость, теплоту нагретшегося от стрельбы ствола.

Что ты сделаешь с солдатским сердцем! Давно списана его пушка с армейского вооружения, хранится разве только что в артиллерийском музее, рядом с единорогами и бомбардами, мортирами и гаубицами, а вот не спишешь ее из памяти, не позабудишь!

...Весть о войне застала Дмитрия Барышникова на Камчатке — за тысячи километров от родных мест. Случилось так, что жил он в своей родной Веселовке, работал в Пензе монтером, но поманила романтика морских приключений. Захотелось посмотреть мир. В марте подписал контракт на полгода, и пароход «Чукча» привез его к камчатским берегам.

Романтика оказалась будничной — засолочный цех рыбокомбината. Туда и пришло черное известие о войне.

Обратно на материк вез пароход «Скала», только в ноябре попали во Владивосток. Разговора о том, чтобы ехать домой, не могло и быть. На фронт не брали.

Далеко от родного села оказался Дмитрий. Не знал он, что оба его брата — и Алексей, и Николай уже воюют, в первые дни ушли на фронт.

Что в марте сорок второго, когда его вызовут в военкомат, домой старшей сестре принесут известие: Алексей пропал без вести.

Амурская станция. Школа артиллерийско-инструментальной разведки (сокращенно — АИР), 50-й артполк.

Здесь под командованием опытных артиллеристов учился рядовой Барышников владеть специальными приборами, быстро и точно, в считанные секунды наводить орудие на цель. Своими становились для него слова — артподготовка, числители, буссоли, прямой выстрел линия прицеливания, ось бокового уравнения...

А сколько земли пришлось перекопать! Сколько огневых позиций оборудовать! Были они временными — для выполнения частной огневой задачи; запасными — на случай, если придется выводить орудие из-под огня; тыловыми — на случай отхода; ложными — для обмана противника. Были основными, открытыми и закрытыми. Что говорить, нелегко давалась учеба, но не раз позднее вспомнит добрым словом сержант Барышников артиллерийскую школу, своих командиров.

Рвались на фронт, но только в 1943 году их вновь / сформированная часть попала на 3-й Украинский — 27-я армия, которой командовал генерал Толбухин, 155-я дивизия, 436-й стрелковый полк.

Дали новичкам новую пушку — 45-миллиметровое орудие. Такое же необстрелянное, как и они. Ровная зеленая краска на щите и стволе, заводская смазка в казеннике. Подобрался и расчет. Барышников стал первым номером-наводчиком, Миша Соколов — заряжающим, а рядовой Ванин — подносчиком. Кроме того, был ездовой и две лошади.

На Днепре с ходу вступили в бой. Батарея получила приказ — поддерживать огнем полк, форсировавший реку. Ночь прошла спокойно — переправа началась с рассветом.

Шла пехота, устала, пропотевшая. Прошла по понтону и их сорокапятка. Всегда так было — куда пехота-магушка, туда и орудие. Снег ли, грязь, река или пески...

На том берегу оборудовали огневую позицию, открыли огонь. Сразу сняли два пулемета. Стрелял наводчик наверняка — расстояние 150—200 метров (бывало, и до ста подпускали), не торопился. Но стоило только врагу попасть в перекрестье прицела — горе было ему.

Здесь Дмитрий Барышников по-настоящему узнал цену тем словам, которые слышал в школе АИР. Массированный огонь — и по какому-нибудь одному объекту бьют десятки, сотни орудий. Подвижный и неподвижный заградительный огонь, огневой вал... Узнал он на практике, что означают слова — массированность огня, его внезапность и скрытность, точность и гибкость маневрирования. Для их расчета сорокапятка стала надежным товарищем и помощником, верным работягой. Броней защищала от вражеских пуль. Не подводила своих хозяев, выручала в самые трудные моменты боя.

Так дошла пушка до зеленых Карпат. Нелегко приходилось с ней в горах. Лошадей оставляли в лесу, а орудие везли больше на себе. Бои шли за каждую сопку. Попадались поровнее позиция, ставили сорокапятку,

развертывали за станины, и прикинул первый номер к прицелу. Били наверх, когда враг, как на ладони.

А однажды чуть не попали в беду. Увлечлись стрельбой, разгоряченные боем, и не заметили, как с тыла, из-за высотки появились немцы. Едва успели развернуться в другую сторону, открыть огонь.

Со своей сорокапяткой прошли через Дрогобыч и Стрый, форсировали Буг и Двину...

Нигде, ни в одном самом жестоком переплете, не бросали свое орудие артиллеристы. Был щит ее оплавлен и поцарапан осколками — не брали они семимиллиметровую броню. Были отметины на стволе. Но из любого боя выходили вместе. И снова слышался на передовой ее негромкий голос. Знали его враги. Менялись заряжающие и подносчики снарядов, а наводчика не брала вражеская пуля. И осколки не трогали, хоть и рвались около их орудия вражеские снаряды.

Трудно было. Иногда сутками не выходили из боя, по 30-40 километров марши-броски делали. И сразу вступали в бой.

Груды земли перекопаны. Как остановились, сразу огневую позицию готовить, маскировку, ровики для расчета, чтобы можно было укрыться на случай бомбежки.

Так дошли до озера Балатон. Было это уже в Венгрии. Гитлеровцы двинули против наших артиллеристов и пехоты танки. Их шло много — бронированных чудовищ, грозящих смять наши боевые порядки.

Рвались снаряды, свистели осколки, но не дрогнули артиллеристы. Вот дымным черным факелом занялся один танк. Остановился с перебитой гусеницей другой — подбили соседи. Заклинило пушку у третьего.

Раненые не отходили от пушек. Кострами чадили впереди батареи чужие танки — враг не прошел.

Но с сорокапяткой пришлось расстаться. Погнуло литой ствол. Вынули артиллеристы замок, взяли с собой, стали отходить к лесу — отслужила своё пушка. Получили новую — и опять в наступление. Уже шли и шли вперед наши войска.

Жестокие бои завязались в Будапеште — за каждый дом, каждую улицу. Орудие сержанта Барышникова заняло хорошую позицию: просматривалась вся улица. Вынырнувший из-за угла бронетранспортер был остановлен с первого же снаряда. Второй пробил борт. Солдаты, высыпавшие было из кузова, попали под огонь автоматов пехоты.

— Сержант, пулемет! — крикнул заряжающий, показывая в сторону одного из пятиэтажных зданий. Из верхнего углового окна высовывалось жало пулемета.

Только не торопиться, бить наверняка! Ствол орудия медленно развертывается в сторону дома. Вот и окошко — в перекрестье прицела. Огонь!

Но из другого окна — из другого дома опять рвется пулеметная очередь, стреляют тоже вдоль улицы. Падает, не выронив из рук снаряда, подносчик. Подползли к нему, подтащили к лафету, — мертвый: пули прошли насквозь.

И снова наводит Барышников свое орудие. Снова гремит выстрел — нет больше пулемётной точки.

Жестокими были эти уличные бои. Но очистили город, двинулись дальше.

Вот тут-то в Австрии и ранило неуязвимого сержанта — теперь уже командира сорокапятки. Было это под городом Папа. Солдаты еще шутили: нам что «папа», что «мама» — все одно возьмем.

Массированным было наступление — шли в едином строю, поддерживая друг друга, пехота, танки, со всех сторон била артиллерия. Расчет Барышникова прошел через небольшой лесок, только успели развернуть орудие, как грохнуло рядом. Упал, держась руками за окровавленное лицо, наводчик Павлыга. Лег рядом с ним заряжающий Кузьмов — тоже пробилась через шинель кровь. Ударило осколком в бедро и командира орудия Барышникова. Хотел ступить, да ослепила острая боль, закружила, бросила на землю.

Всех троих подобрали шедшие сзади санитары. Попали в один госпиталь — в венгерском городке. Больше воевать не пришлось.

Сфотографировались на память всем расчетом. И разъехались в разные стороны. Сейчас только вспоминается, что вроде Павлыга был тверской (из Твери), а, может, и не оттуда. Брал адрес, когда расставались, да все недосуг написать было.

Домой, в родную Веселовку, Дмитрий Федорович Барышников вернулся с орденом Красной Звезды (получил в декабре 1944 года) и двумя орденами Славы (третьей степени — за форсирование Днестра, второй — за уличные бои в Будапеште). Устроился на работу по старой специальности в Пензенской конторе связи монтером по радиофикации. Здесь узнал о том, что пропал без вести Алексей (еще тогда, в сорок втором). Николай был дома. Воевал на Ленинградском фронте, трижды тяжело ранен, контужен.

Сыграл Дмитрий свадьбу. Родился сын — Виктор. Сейчас он уже взрослый, работает на дизельном заводе в Пензе.

Родились Павел, затем Владимир... Первый в железнодорожном техникуме учится, второй пока в школу ходит, отличник...

Иногда вспоминал о войне. Ребята на узле связи расспрашивали, в школы приглашали. Говорил коротко: что ж, воевал, как и все — не лучше, не хуже...

А в 1956 году пришла повестка из военкомата. Думал, на сборы или курсы какие, оказалось другое. Военком вручил сержанту запаса Дмитрию Федоровичу Барышникову орден Славы первой степени.

— За бои на озере Балатон, — коротко сказал он, пожимая руку.

...К восьми утра приходил Дмитрий Федорович на работу в свой узел связи — старинное каменное здание на углу улиц Куприна и Славы (бывшая Сборная). Приходил по-солдатски точно, изо дня в день, вплоть до ухода на пенсию.

На его глазах менялась Пенза. Вот и на бывшей Сборной снесены многие деревянные дома, уступив место многоэтажным. Разбит сквер, и рванулась ввысь стрела Ростка, памятника Славы погибшим на войне солдатам. Дмитрий Федорович был на его открытии вместе со своими товарищами. При нем замуровали в памятник письмо потомкам...

Последний район его работы — Южная Поляна, окрестности дизельного завода. Было время, росли здесь полынь, да бурьян, картошка на огородах. А сейчас? Стоят один к одному многоэтажные дома — и в каждой квартире радио. Значит, есть работа монтеру по радиофикации.

... Когда перестали показывать праздничный парад, Дмитрий Федорович зашел к брату Николаю — жили на одной улице.

— Видел передачу, — сказал Николай Федорович, — только нет больше твоих пушек, твоей сорокапятки. На ракеты перешли...

Гордость звучала в его голосе. Гордость за брата, за себя, своих односельчан и товарищей, передавших эстафету могучему ракетному племени наших дней. Они, солдаты Великой Отечественной, прошли тернистым путем боев, через смерть и раны. Отблеск зорь, которые встречали они у своих сорокапятки, горит теперь на остриях высоко поднятых в небо ракет.

* * *

Д.Ф. Барышников нередко встречался с молодежью, с членами ДОСААФ. А 20 апреля 1985 года его пригласили в областной театр драмы на премьеру спектакля «Светлый май» по пьесе Л.Г. Зорина, Зал, стоя, аплодировал не только мастерству актеров и сценографов, но и участникам войны: Герою Советского Союза В.С. Зикееву и полному кавалеру ордена Славы Д.Ф. Барышникову, которые дали постановке высокую оценку, поблагодарили за память о минувших боях.

8 мая 2001 года «Пензенская правда» опубликовала на первой полосе фотографию Дмитрия Федоровича. Сейчас он живет у внучки: Наталья Владимировна работает экономистом в Заречном. Жены Анны Терентьевны уже нет в живых, отдельно живут и сыновья.

БАРЫШНИКОВ Дмитрий Фёдорович, род. 28.10.1918 в с. Веселовка ныне Пензенского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1944. Образование неполное среднее. Работал на рыбных промыслах Камчатки. В Кр. Армии с 1942.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июня 1943. Заряжающий 45-мм пушки 436-го стр. полка (155-я стр. див., 1-й Укр. фронт) мл. сержант Б. в бою у дер. Пеньки (Терноп. обл.) 3.4.44 вместе с расчетом истребил св. 10 враж. солдат и подбил 2 автомобиля. 6.4.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 9-13.9.44 в боях в р-не г. Санок, Кросно (Польша) ком-р расчета 45-мм пушки (тот же боев. состав, 1-я гв. армия, 4-й Укр. фронт) сержант Б., командуя бойцами, разрушил 2 дзота, подавил миномет. батарею. 29.10.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 8.01.45 при отражении контратак пр-ка Б. (полк и див. те же, 7-я гв. армия, 2-й Укр. фронт), командуя расчетом, близ ж.-д. ст. Ракош (Венгрия) поразил св. 20 пехотинцев, подбил танк и БТР, подавил неск. огн. точек. 2.3.45 нагр. орд. Славы 2 ст., 31.3.56 перенагр. орд. Славы 1 ст. В 1945 демобилизован. Трудился электромонтером на радиоузле г. Пенза. Нагр. орд. Отечественной войны 1 и 2 ст., Красной Звезды, медалями.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 32-33.

Из-за проливных дождей в непрерывных боях наступило некоторое затишье. В блиндаже секретаря партийной организации штаба 286-го стрелкового полка 181-й стрелковой дивизии собрались коммунисты штабных подразделений. Принимали в партию рядового Ивана Михайловича Бешнова. Уроженец села Шунькино Тамалинского района Пензенской области (родился там в 1922 году) после неполной средней школы заведовал сельским клубом, возглавлял полеводческую бригаду «Хлебороб»...

Прочитав заявление, которое заканчивалось словами: «Если погибну, прошу считать меня коммунистом...», секретарь обратился к собравшимся:

— Вопросы будут?

— Всё ясно...

— Знаем его...

— Хороший разведчик...

— Тогда кто желает выступить?

Слова попросил командир взвода конной разведки лейтенант Овсянников:

— Здесь многие хорошо знают Бешнова и уже высказали свое мнение: хороший разведчик. Под Сталинградом и в ходе последующих боев он не раз глядел в лицо смерти, но каждый раз боевые задания выполнял в намеченный срок.

Вскоре за мужество и отвагу, проявленные в боях с гитлеровскими захватчиками на брянском направлении, командир полка наградил его медалью «За боевые заслуги» и присвоил воинское звание — ефрейтор.

В середине января 1944 года в районе населенного пункта Волошино Ровенской области разгорелся ожесточенный бой. Артиллерийская канонада и ружейно-пулеметный огонь не смолкали ни днем, ни ночью.

Командир дивизии генерал-майор Сараев, разгадав момент перегруппировки гитлеровских частей перед передним краем обороны дивизии, принял решение выбросить в тыл противника десант и совместным ударом с тыла и фронта овладеть населенным пунктом Волошино.

В ночь на 12 января взвод автоматчиков учебной роты дивизии с группой разведчиков, преодолевая снежный покров и лесной массив обходил опорные пункты противника. Гитлеровцы вели себя беспокойно: промежутки между опорными пунктами беспрерывно простреливались и освещались.

Намеченного района действий первыми достигли разведчики, среди которых был и ефрейтор Бешнов. Выйдя на грунтовую дорогу они осто-

рожно пошли по ней, углубляясь в тыл врага. Послышался шум движения вражеской колонны. Командир взвода, расположив разведчиков по одной стороне придорожного кювета и отдав необходимые распоряжения автоматчикам, приказал:

— Огонь открывать только по моему сигналу!

Прошло несколько минут. Вражеские солдаты, неся автоматы за спиной, беспечно шли в пяти—семи метрах от советских разведчиков. Многие курили, и это хорошо обозначило ширину и длину колонны.

— Чего медлите, товарищ командир?.. — шепотом спросил Бешнов.

— Необходимо определить состав колонны, — тихо ответил офицер.

Вскоре раздались первые взрывы двух гранат, брошенных в последние ряды идущих. И тут же заработали тридцать автоматов.

Раздались крики. Было уничтожено около семидесяти гитлеровцев, но некоторым удалось под покровом леса скрыться и отойти в Волошино.

Завязавшийся в тылу врага бой послужил сигналом к наступлению дивизии.

У Бешнова кончились патроны. Зная, что главный бой впереди, отважный разведчик схватил трофейный пулемет и ленты к нему, и устремился к мосту. К противоположному берегу реки подходили наши подразделения. Почти в течение часа Бешнов умело прикрывал переправу пехоты.

Противник дрогнул и стал отступать. Разведчик первым ворвался в Волошино, уничтожил еще около десятка гитлеровцев и двух взял в плен. За эти подвиги его наградили орденом Славы III степени.

В период общего летнего наступления Иван Бешнов исполнял обязанности конного связного. 27 июля произошел интересный случай. Бешнову предстояло передать приказание командира полка командирам батальонов, совершающих боевые марши. Переезжая из подразделения в подразделение, он случайно наткнулся на две пароконные повозки. «Вот и второй батальон», — подумал связной. Когда подъехал вплотную и хотел уже спросить, где командир батальона, его передернуло: повозки оказались немецкими. В каждой повозке сидело по два гитлеровца, которые, видимо считая, что кругом свои, спокойно разговаривали и курили.

«Что делать?» — пронеслось у него в голове. И, мгновенно оценив обстановку, решил: «Нужно их пленить!» Выпустив над головами фашистов автоматную очередь, разведчик громко крикнул:

— Хенде хох!

Гитлеровцы послушно подняли руки вверх и наперебой заговорили:

— Гитлер капут... Гитлер капут...

Доставив пленных командиру полка подполковнику Пономаренко, ефрейтор Бешнов доложил:

— Вот эти голубчики говорят — Гитлеру капут!

— Если они расскажут про свою группировку и какая перед ними была поставлена задача, тогда поверим, что они от души говорили о конце Гитлера, — улыбаясь, ответил подполковник.

В повозках оказались новые 81-миллиметровые минометы. Пленные сообщили ценные сведения, которые были учтены командованием при дальнейшем наступлении.

За смелые и инициативные действия при выполнении боевых заданий командующий войсками 13-й армии генерал-полковник Н.П. Пухов наградил ефрейтора Бешнова орденом Славы II степени.

Наступил 1945 год. Сержант Бешнов принял активное участие в крупнейшей стратегической Висло-Одерской наступательной операции, проводимой на главном варшавско-берлинском направлении.

Чтобы задержать продвижение наших войск на территории Германии, гитлеровское командование создало между реками Вислой и Одрой в полосе глубиной до 50 километров оборонительные рубежи. Наиболее сильным рубежом являлся первый — висленский.

13 января после мощной артиллерийской подготовки подразделения 181-й стрелковой дивизии в районе населенного пункта Рудники перешли в наступление. Еще до начала его подполковник Пономаренко, учитывая, что полковые разведчики хорошо знают систему обороны противника и местность, приказал на период прорыва первой полосы обороны распределить их между стрелковыми подразделениями.

Сержант Бешнов действовал в рядах 1-й стрелковой роты. Когда до первой вражеской траншеи оставалось 100 — 120 метров, вдруг заработал станковый пулемет противника. Появились убитые и раненые. Стрелки залегли. В этот критический момент разведчик принимает смелое решение.

— Пулемет беру на себя. Готовьте роту к атаке, — сказал он командиру роты.

И, не задумываясь, огибая бугорки, пополз вперед. Действия разведчика хорошо были видны нашим бойцам.

— Приготовиться к атаке!.. — передавалось по цепи.

«Семьдесят... шестьдесят... пятьдесят метров...» — считал Бешнов.

— За Родину! — раздалось над полем боя.

И почти одновременно сержант услышал дружное, раскатистое «ура!». Он моментально вскочил, бросился вперед, и через несколько мгновений в расположение огневой точки врага полетели гранаты. Пулемет замолчал. Ворвавшись в траншею, Бешнов огнем своего автомата уничтожил еще четырех гитлеровцев.

«При преследовании противника, — писал подполковник Пономаренко в представлении к награждению орденом Славы I степени, — сержант Бешнов, будучи в конном разъезде, всегда давал своевременные и точные данные о противнике, анализ которых позволял принимать правильные решения по окружению и уничтожению отдельных вражеских подразделений. 21 января неожиданно столкнувшись с отступающей группой гитлеровцев, он в упор уничтожил пятнадцать и пленил десять солдат и офицеров».

Дальнейший боевой путь полного кавалера ордена Славы пролегал через Бреслау и Вену. В последних боях Ивана Михайловича контузило. Демобилизовавшись, он вернулся на родину.

Земляки радушно встретили ветерана войны и избрали его председателем правления колхоза имени Ф. Э. Дзержинского. Вновь, как и на фронте, И.М. Бешнов стал в первые ряды труженников, восстанавливающих разрушенное войной хозяйство. Но полученные во время войны ранения дали о себе знать. В 1949 году врачебная комиссия признала Бешнова инвалидом II группы, и он вынужден был уйти на отдых. По семейным обстоятельствам Иван Михайлович переехал в Саратов.

Но недолго отдыхал бывший фронтовик. Через год стал контролером-ревизором Саратовского отделения Приволжской железной дороги.

В 1984 году И.М. Бешнов ушел из жизни.

БЕШНОВ Иван Михайлович, род. 28.8.1922 в с. Шунькино ныне Тамалинского р-на Пензен. обл. в крестьянской семье. Русский. Член КПСС с 1943. В 1940 окончил семилетнюю школу. Был бригадиром полевод. бригады колхоза «Хлебороб». В Кр. Армии с 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с февр. 1943. Разведчик взвода конной разведки 286-го стр. полка (181-я стр. див., 13-я армия, 1-й Укр. фронт) рядовой Б. 12.01.44, действуя близ дер. Волошино Степаньского (ныне Сарненского) р-на Ровенской обл., в составе группы разведчиков скрытно проник в расположение пр-ка и участвовал в захвате 2 «языков». Прикрывая группу, из захваченного пулемета уничтожил до 10 гитлеровцев. 10.3.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 27.7.44 в р-не г. Красник (Польша) автоматчик 283-го стр. полка (тот же боев. состав, 3-я гв. армия) Б. вступил в бой с отходящей в тыл конной группой гитлеровцев. Пользуясь внезапностью нападения, поразил 5 солдат, пленил ездового, а также захватил повозку с 81-мм минометом. 28.10.44 нагр. орд. Славы 2 ст. Разведчик взвода конной разведки 243-го стр. полка (тот же боевой состав, 6-я армия) ефрейтор Б. 15.01.45 одним из первых проник в расположение пр-ка близ г. Радомско (Польша), из автомата сразил 4 фашистов, затем противотанк. гранатой уничтожил огн. точку вместе с расчетом. 21.01.45, находясь в тылу пр-ка в составе группы захвата, у нас. пункта Острув-Велькопольски (Польша) вступил в схватку с гитлеровцами. В составе группы уничтожил 16 солдат и офицеров и неск. человек пленил. 10.4.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 старшина Б. демобилизован. Трудился ревизором в фин. отделе на Саратов. ж.д. Жил в г. Саратов. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями. Умер в 1984.

Лит.: Созвездие славных. Саратов, 1967. С. 35-45; Павловский И.Г. Перегон длиной в сто лет. Саратов, 1970. С. 230; Андреев Г.И., Вакуров И.Д. Солдатская слава. М., 1976. Кн. 4. С. 31-34.

Никто не забыт, ничто не забыто

В минувшую субботу тысячи пензенцев впервые увидели на голубых экранах заставку «Никто не забыт, ничто не забыто». А потом стали свидетелями волнующего события. На Пензенскую студию телевидения пришел человек, которому здесь сообщили; что он является полным кавалером орденов Славы. Объятия друзей, цветы...

Редакционная почта «Актуальной панорамы» Пензенской студии телевидения богата новостями. Но одно письмо особенно взволновало редактора панорамы В. И. Кирюшкина. Это было письмо от жительницы нашего города Любови Александровны Якушевой. Каждая строчка в нем волновала, звала к действиям. Вот что сообщала Л.А. Якушева: «Был у нас сослуживец — Ферапонт Никифорович Видов». Часто он рассказывал нам о своем боевом пути, о друзьях-товарищах по оружию. Великая Отечественная война оставила немало следов на теле фронтовика. Он шесть раз был ранен. Грудь героя украшают многие ордена и медали... Как-то в рассказе о ратных подвигах советских воинов-освободителей у Ферапонта Никаноровича проскользнуло, что незадолго до конца войны он был награжден еще одним орденом. Каким? Не знает. Но сам видел приказ. Почему-то до сих пор не получил своей награды. Может быть, студия телевидения начнет поиск?».

И на телестудии начали поиск, поручив его подполковнику в отставке Т.П. Кадышеву. Шли дни, недели... Наконец на запрос из Президиума Верховного Совета СССР пришел ответ: всё точно!

На четвертый день войны под Новоград-Волынском Ф.Н. Видов вступил в свой первый бой с фашистскими захватчиками. Вскоре, получив тяжелое ранение, попал в госпиталь. Выздоровел — снова ушел на фронт. Сражался под Ельцом, Воронежем. Опять госпиталь. В Финляндии участвовал в ликвидации Курляндской группировки.

За два месяца до Дня Победы храбрый воин снова угодил в госпиталь. Это было его шестое ранение. Но он выстоял, выжил. Перед самой отправкой в тыл боец видел приказ о награждении орденом. Но каким — не запомнил. И награду так и не получил.

И вот, не подозревая, зачем его пригласили, фронтовик входит в студию телевидения. Его бывший сослуживец Л.А. Якушева, которая начала поиск, подполковник в отставке Т.П. Кадышев, который продолжил его, операторы, режиссеры, ведущие передачу, тепло поздравили Ферапонта Никифоровича Видова с орденом Славы I степени. А так как Ф. Н. Видов

уже имел ордена Славы II и III степеней, то теперь он тал полным кавалером главного знака солдатской доблести и мужества.

— Так держать! — хочется сказать журналистам, чьими руками подготовлена эта интересная передача.

Ферапонт — русский солдат

Сильнейший удар в спину потряс его. Колени стали ватными. Он почувствовал, что падает. В это время наводчик орудия закричал: «Ферапонта ранило! Санитара скорее!» И наступила тьма...

Когда Видов очнулся, он долго не мог понять, где находится. Сосредоточился на одном: госпиталь. Ну, конечно, потому и белым-бело вокруг. А за окном мечутся на ветру голые ветки берез. Чужая речь доносится из коридора. Неужели он в плену? Попытался приподняться — резкая боль пронзила грудь. И снова впал в беспамятство...

...Еще в школе мечтал он стать артиллеристом. Поступил в Киевское училище, а тут война. И пришлось ему артиллерийскую науку осваивать на полях сражений.

Уже 27 июня 1941 года он был со своей частью в Новограде-Волынском. Бойцов распределили по дотам. Рано утром в воздухе показались краснозвездные самолеты, летящие в сторону укрепрайона. Красиво летели. Высыпавшие из дотов красноармейцы махали им руками. Вдруг: «Назад! В укрытие!» Вовремя крикнул командир. Сверху посыпались бомбы. С первого боя враг показал свое коварство. После бомбежки началась танковая атака фашистов. Красноармейцы отбили ее.

Долго еще после войны снились Ферапонту Видову доты Новограда-Волынского. Он просыпался среди ночи от крика: «Назад! В укрытие!» Особенно часто приходил во сне один эпизод, пережитый на фронте.

— Вижу, бежит здоровый рыжий немец, — вспоминает Видов, — я ему до плеча еле буду. Оскалился и замахнулся большим ножом, в голову метит. Что делать? Выставил я штык. Он наткнулся на него и стал падать, а я никак штык вынуть не могу: ранен в руку. И так мне нехорошо стало, замутило даже: первый раз в жизни человека убил! А потом думаю: разве он человек, он бандит и захватчик, разве я его звал сюда? Нет моей вины в его смерти, сам виноват.

Наводчиком 76-миллиметровой пушки провоевал он вплоть до 1942 года. Мужал солдат, росло его боевое мастерство. Рядом все больше становилось бывалых воинов. Они крепко усваивали науку побеждать.

Вскоре сержант Видов стал командиром орудия.

Немецкое подразделение обороняло железнодорожную станцию в районе Великих Лук. Вызвал сержанта командир батареи Волков и приказал уничтожить огневые точки врага на ближайшей высоте. В темноте подкатили орудие со стороны болота, откуда фашисты никак не ждали «сюрприза». Замаскировали пушку ветками ивняка, притаились.

Наши пулеметчики открыли отвлекающий огонь с другой стороны. Нервы у врага не выдержали: заговорили все три его пулемета. Видов засек их, и через несколько минут с «осиным гнездом» было покончено. За этот бой Ферапонт был награжден орденом Славы третьей степени.

До конца февраля 1945 года противник на Земландском полуострове ожесточенно контратаковал. Тридцать дивизий фашистов из Клайпеды и Лиепая рвались на помощь осажденному советскими войсками Берлину. Один из боев произошел 6 марта 1945 года на Жмудской возвышенности северо-западнее Шяуляя. Батарея вела бой с прорвавшимися танками и пехотой гитлеровцев, которые из Вайнёде хотели любой ценой пробиться в Клайпеду. Одна за другой вышли из строя две полковые пушки. Фашисты стали заходить нашим артиллеристам в тыл. Командира взвода лейтенанта Кочергина вызвал по телефону комбат:

— У тебя в тылу шесть танков противника. Держись, лейтенант!

— Ферапонт, — сказал лейтенант Видову, — разверни свою пушку. Кроши их, гадов!..

Выстрел, второй... Два «тигра» запылали. Атака врагов захлебнулась.

— Смотри, — обрадовался наводчик орудия, — наша пехота подошла, погнала фрицев!

Ферапонт повернул голову, и в это время осколок снаряда ударил ему в спину...

Пробуждение было тяжелым. Когда очнулся, услышал голос медицинской сестры:

— Молодец, что в себя пришел. Это переливание крови помогло.

«Все-таки госпиталь!» — говорил он себе, а девушка продолжала объяснять:

— Я от самого Шяуляя тебя сопровождаю. Майор Волков приказал тебе выжить. Герой, говорит, Ферапонт. Сначала самолетом в Москву приехали, там профессор один есть, во всем мире известный. Но не повезло тебе: в Действующую армию он вылетел. Потом нас в Ленинград доставили. И там нужный хирург оказался в отъезде. Я уж заволновалась. Но пришел приказ доставить тебя в Хельсинки. Здесь есть замечательный финский хирург... Он тебя будет оперировать. Ой, да что же это я разговорила-то... Обрадовалась, что сознание к тебе вернулось...

Ферапонт выжил после сложнейшей операции, которую ему сделал старый финский профессор. «Держи свою смерть, солдат, — сказал он на ломаном русском языке, отдавая ему осколок весом в 52 грамма, который всего на миллиметр на дошел до сердца. — Теперь всё зависит от тебя!»

Через две недели после операции по госпиталю прошел слух: Ферапонта наградили орденом Славы. Кто-то видел газету и обратил внимание на редкое имя.

— Сколько у тебя наград, браток? — спросил раненный в голову лейтенант.

— Вроде, четыре: медаль «За отвагу», орден Красной Звезды и ордена Славы двух степеней... Правда, второй еще не успел получить.

— Точно! Там как раз был указан орден Славы. Первой, заметь, степени!

— Почему обязательно мне этот орден предназначен? Мало ли Ферапонтов на свете...

— Мало! Вот именно, мало! Я первого тебя встречаю. Интересно, как тебя в детстве звали?

— Мать Фирой называла, а отец всегда полным именем. Ждут меня теперь, никак не дождутся! Мать, помню, долго не могла назвать меня Ферапонтом, не выговаривала мудреное это имя. Потом привыкла.

Через несколько дней его отправили в Выборг. Дальше везти не решались, слаб был старший сержант Видов. Там и встретил он долгожданный день Победы. Разговор про орден как-то забылся...

Прошло 25 мирных лет, страна залечила раны, нанесенные войной. Как-то в беседе с сослуживцами Ферапонт Никифорович обмолвился, что в госпитале города Хельсинки раненный в голову лейтенант все подшучивал над ним, что его, Видова, якобы наградили орденом Славы первой степени.

— А что? Очень может быть, — сказала одна из сотрудниц. — Мало ли орденов вручили уже после войны. Да вы сами говорили, что Славу второй степени только в 1948 году получили.

— Шутишь, что ли, — остановил ее Видов. — Ведь на дворе 1970 год!

Тайком от Ферапонта Никифоровича друзья сделали запрос в Министерство обороны СССР. Да, ответили им, не вручен орден...

Так стал Ферапонт Никифорович Видов полным кавалером ордена Славы.

Весной стропальщик объединения «Пензтяжпромарматура» Видов узнал, что будет участвовать в параде на Красной площади столицы в честь 40-й годовщины великой Победы. Только четверо бывших фронтовиков от нашей области удостоились такой чести: Герои Советского Союза В. Зикеев, М. Волков и А. Еманов, и он, Ф. Видов, кавалер ордена Славы трех степеней, а также Герой Социалистического Труда, ударник тыла В. Лапин.

Все они прошли почетным строем мимо Мавзолея Ленина. Накануне, на последней подготовке к параду, к ветеранам подошли молодые солдаты, которые должны были завершить праздничный марш, и, видя, как волнуется воины, подбадривали их: «Держитесь, деды! Мы с вами! Поддержим вашу славу!»

Прошли ветераны войны железным строем, и люди рукоплескали им. И в этом строю был артиллерист, сержант Ф.Н. Видов — человек с трудной, но счастливой судьбой.

ВИДОВ Ферапонт Никифорович, род. 2.6.1922 в с. Митрофаново ныне Башмаковского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. Работал счетоводом в леспромхозе. В Кр. Армии с мая 1941.

В боях в Вел. Отеч. войну с сент. 1941. Наводчик 45-мм орудия истр.-противотанк. арт. батареи 210-го гв. стр. полка (71-я гв. стр. див., 6-я гв. армия, 2-й Прибалт. фронт) гв. ст. сержант В. 16.12.43 в бою у дер. Хохонино (Невельский р-н ныне Тверск. обл.) при прорыве обороны пр-ка действовал в боевых порядках стрелк. подразделений. Метким огнем уничтожил НП, 4 огневые точки и св. 10 солдат пр-ка. 10.01.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 15.5.44 В. в бою в р-не дер. Гора (Идрицкий р-н ныне Тверск. обл.) выкатил орудие на прямую наводку и уничтожил дзот пр-ка с пулеметом и его расчетом. 8.7.44 нагр. орд. Славы 3 ст., 10.11.70 пере-нагр. орд. Славы 1 ст. Ком-р оруд. расчета гв. ст. сержант В. (1-й Прибалт. фронт) 2.02.45 у нас. пункта Риши (Латвия) выкатил свое орудие перед боевыми порядками пехоты и прямой наводкой ликвидировал 2 пулемета с прислужгой. 15.4.45 нагр. орд. Славы 2 ст. В июле 1945 демобилизован. Жил в г. Пенза. Работал слесарем в производств. объединении «Тяжпромарматура». Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Скончался 9 марта 1992 года.

Друзьям сержант с оружием

Год призыва на срочную службу у Герасимова совпал с началом войны. Ничего еще парень в жизни видел, не познал, никакого опыта не скопил. И вот — война. Великая и священная ответственность легла на плечи Володи и его сверстников за жизнь матерей, сестер, всего советского народа, за историческую справедливость на земле.

Формировалась стрелковая дивизия. В ней и оказался призывник из села Нечаевки. Война торопила. Посвящение в

солдаты было скорое и простое: одели в военную форму, внесли в ротный список — и солдат. Построили в одну шеренгу, подали команду: «На пять рассчитайсь!», — и вот минометные расчеты. Три расчета — взвод, два взвода — рота батальонных минометов. Немного строевой подготовки, немного уставы поучили, рассказали о долге советского воина. Получили карабины и минометы. Несложную технику изучали недолго: «82-миллиметровый миномет состоит из четырех частей: ствола, опорной плиты, двуноги и угломера», — объяснял сержант.

Призывников особенно напугал вес их оружия: 64 килограмма! Миномет, хоть и приспособлен к конному выюку, но в современной войне лошадей не напасешься: слишком уязвима цель. «Больше на своем горбу носить придется, — предупредил сержант. — Ладно, не пушка досталась, та в десять раз тяжелее. Соображаете, в чем выгода миномета?!». Солдаты посчитали себя удачниками и прониклись к миномету уважением. Мин сначала побаивались, помнились слова сержанта: «Тысяча двести осколков, копейка в копеечку, и в радиусе четырехсот метров нечистую фашистскую силу — под метелочку». Потом привыкли, что поленья в печурку, что мины из охапки брали и в ствол кидали. Мины тут же выскакивали из ствола, только руку успевай убирать. И если смотреть им вслед, видно, как они летят галками со сложенными крыльями.

По наставлению, в расчете распределялись обязанности: командир миномета, наводчик, заряжающий, снарядный, подносчик мин. Но это было самое трудновыполнимое требование наставления: уж очень часто в боях редел расчет. Что же было делать, если в строю оставалось два или всего один человек? Все равно стрелять, пусть хоть ты заряжающий или подносчик. Поэтому каждому в расчете приходилось быть на все руки.

Нагрузившись минометом, лотками с минами, карабинами, вещевыми мешками шагали минометчики по тревожным, необозримым русским

просторам. А гитлеровские полчища словно ножницами отрезали и отрезали полоса за полосой эти просторы. Жаркие бои, большие утраты, на душе тяжелый камень. Но отчаяния не было. Верили: настанет перелом, измотается враг, вырастут свои силы. В письмах домой ни одной жалобы, утешали: «Потерпите немного, дорогие, бьем фашистов несчетно. Остатки их скоро погоним обратно до самого Берлина и там прикончим. А пока поздравьте с первой медалью «За отвагу». Поздравят родственники, а толком не знают, как медали достаются, думают, что для этого Суворовым надо быть, а тут какой-то мальчишка...

Уже битва за Волгу началась. 57-я стрелковая дивизия отошла к Дону. Реки, реки, чего они стоят на войне — главные виновницы самых крупных сражений, свидетели самого высокого и массового героизма. На их берегах всего больше солдатских могил. Спроси любого, чья грудь в орденах и медалях, за что он их получил и окажется, что две трети — за форсирование рек.

Начало осени. Дивизия форсировала широкий, уже захламленный Дон в районе станицы Казанской. Был дан приказ переправляться и последним прикрывающим подразделениям, прижатым врагом к самому берегу. А переправляться не на чем: что под руками было, дивизия использовала, и немцы в щепки разбили. У прикрытия станковые пулеметы и тут же вся минометная рота со своим вооружением. Некоторые кое на чем приспособились, но под сильным огнем и до середины реки не доплыли. Большинство пулеметчиков и минометчиков полегло около своего оружия на вражеском берегу...

С обломком жерди в руках, который мог только солдатский дух на плаву держать, Герасимов оказался в воде. Кругом ни души. Впервые в жизни человек через реку плыл и невероятно, как переплыл.

Не успела вода с него стечь, появился командир полка. Спрашивает:

— Где минометная рота?

Герасимов молча развел руками и вопросительно посмотрел еще на одного минометчика, рядового Дроботова.

— Н-да... — задумался немного командир полка. — Ну, роту сформируем, начало ее — вы двое. На первых порах боевое задание: есть лодка, как стемнеет, отправляйтесь на тот берег, соберите все минометы, заодно и пулеметы и доставьте сюда. В один раз, пожалуй, не управитесь, там дело покажет, только врагу оружия не оставлять.

Слова не сказали Герасимов с Дроботовым и только со шмящей тоской посмотрели на тот страшный берег. Догорела вечерняя заря. Темноту над Доном изредка линовали трассирующие пулеметные очереди. Где-то выше по реке шел бой: по воде гулко доносилась артиллерийская канонада. Герасимов с Дроботовым оттолкнули от берега лодку. Переживали уже меньше чем днем. Герасимов замечал, что всякое дело, начатое по приказу начальника, меньше страшит, чем свой почин. Думалось: старший, опытный товарищ больше знает, незримо как бы присутствует с тобой и может вовремя прийти на помощь.

Вот и на этот раз всего вдвоем благополучно высадились во вражеском стане. Передовой немецкий отряд, видимо, ждал подхода главных сил и, заняв оборону поодаль, контролировал реку огнем. К самой береговой кромке, где раскиданы были тела советских солдат и их оружие, не выходил.

Гитлеровцы что-то заподозрили, пустили одну, другую, третью осветительные ракеты. Пока светила очередная, минометчики, носившие в лодку оружие, падали и в позе убитых замирали на земле. Двигался в выси источник света, и двигались, шевелились тени от предметов. Особенно неприятно было смотреть на подвижные тени трупов. Казалось, немцы еще и забавляются зловещим эффектом, заставляя мертвых оживать.

Под тяжестью груза маленькая лодка опасно осела, больше она не могла взять, а оружия на берегу оставалось еще много. Немцы заметили лодку и открыли по ней пулеметный огонь. Но дальняя дистанция, смена ярких вспышек ракет и густой темноты слепила пулеметчиков и это вырвало двух наших бойцов. Когда пули секли воду у самой лодки, Герасимов с Дроботовым пригибались за поставленными на ребро минометными опорными плитами. Небольшая смекалка, а и она спасала солдата.

За ночь три рейса сделали, пока из-под носа врага не вывезли все оружие. Так и достаются солдатам боевые награды.

А вскоре была сформирована новая минометная рота. Погиб Дроботов, ранен Герасимов. На войне все происходит вскоре, время она не тянет. А Герасимову не пришлось даже «вскоре» и из госпиталя возвращаться, так и проковылял на раненой ноге в роте, на ходу поджила.

После памятной переправы через Дон Владимир Дмитриевич отыскал свой миномет и не расставался с ним до конца. Удивительная судьба их связала, оба под стать оказались выносливыми, надежными. И фашистские снаряды их накрывали, и бомбы, и танки сминали. Засыпало обоих землей. Раз Герасимова так завалило в противотанковой щели, что товарищи еле откопали. Отдышался Володя и принялся разыскивать и откапывать «четыре части» своего миномета. Сколь легко они разлетались, столь же легко и соединялись. Через минуту, вытряхнув из ствола землю, в него уже опускали мину за миной. И миномет добросовестно кидал их на фашистские головы. Бессменно оставались в расчете Герасимов и миномет.

Когда в горячем бою, в грохоте разрывов, встряске земли не слышно становилось выстрелов своего миномета, Герасимов ставил на опорную плиту ногу, чтобы чувствовать отдачу. Если на невыведшую из ствола мину посадить другую, может произойти непоправимая беда. Но миномет никогда не подводил, напрасно его контролировали.

Не отказывался русский миномет и от немецких трофейных мин. На один миллиметр у них калибр был меньше, что снижало немного дальность стрельбы, но они не залеживались, использовались по назначению.

Полубился Герасимов миномет, тогда сравнительно новое массовое оружие. Пятидесятимиллиметровый и совсем слабенький миномет-лопата не оправдали себя, быстро сошли с вооружения. А 82-миллиметровый,

самый признанный, немалую долю победы добыл. Памятник бы ему следовало поставить, какие ставят другому оружию, воздвигая его на постаменты!

Назывался он батальонным. Стрелковый батальон на переднем крае и огневые позиции его минометной роты здесь же. Так что Герасимов испытал все фронтовые тяготы пехоты, плюс минометные. Как быть, когда немцы, прорвавшись через заградительный артиллерийско-минометный огонь, шли в атаку. Миномету нужна дистанция не меньше четырехсот метров, а атакующие — вот они, рукой подать. Брались минометчики за автоматы и пулеметы. А поскольку пулеметы им по штату не полагались, запасались трофейными. Случалось, что и пехоты нет — побита или отошла, а минометчики держатся до подкрепления. Бывало и в контратаки ходили, и в рукопашной «части миномета» в ход пускали, за исключением угламера — легковат и попортить прибор боялись.

Не только за свои минометные дела Герасимов награждался. Орден Славы второй степени ему за разведку и захват «языка» дали.

На немецкую сторону забросили одного разведчика-наблюдателя, с заданием приглядеться, где и как лучше языка взять, а ночью встретить разведгруппу и подсказать ей, как действовать наверняка. Но получилось все не так. Свободных разведчиков не нашлось. Не могли что-то и простых пехотинцев подобрать, послали семерых минометчиков — не боги горшки лепят. Попал в группу и Герасимов. Высланного раньше разведчика не нашли. Что делать, не знали бы, не столкнусь с немецким взводом, пробирающимся к переднему краю, как видно, тоже в разведку. Фашистов около тридцати человек. Избежать встречи было нельзя, и советские минометчики первыми начали бой. Враг не ожидал такого от русских. Поднялась сумятица на всей глубине первого эшелона. Изрядно перебив переполошенных гитлеровцев, минометчики под шумок прихватили пару «языков» и вернулись в роту. А на месте стычки еще некоторое время продолжалась стрельба: немцы всё разбирались, что же произошло в глубине их обороны.

Первые бои запоминались по их характеру, по местности, по погибшим в них товарищам. Потом столько этих боев за плечами солдата накопилось, что они начали путаться в памяти. Старый Оскол, Новый Оскол, какой-то из них брали, какой-то в стороне остался. Когда и где погиб подвозчик мин Яковенко, рядовой Раменский, три сменившихся командира взвода и много других — все смешалось. Из тысяч населенных пунктов название маленького городка, зажатого с двух сторон танконедоступной местностью, не запомнилось, а бой в нем до сих пор держится в памяти. Такой бой в новинку был. По всем военным канонам, которых немцы держались, как каменной стены, оборона населенных пунктов строилась на подступах и на входах в них. А в этот раз немцы изменили себе: выставив слабенькое охранение на подступах, оказали упорное сопротивление на выходах из городка. Советские танки без боя вошли в город, а выйти через противоположную окраину не смогли. Несколько машин было уже потеряно. Авиацией или артиллерией обработать бы западную окраину

— погода нелетная, а гаубичной артиллерии на этом направлении не оказалось.

— Ну, как, достанете подлюг за домами вслепую, на ощупь? — обратился комбат прямо к солдатам-минометчикам и посмотрел на Герасимова, ветерана роты.

— А что же не достать, — за всех ответил тот. — Мин бы только побольше, стрелять по площади придется, неэкономно.

— Тогда считайте это приказом. А мин подвезем, не поскупимся.

И рота принялась бить изо всех своих стволов, равномерно рассеивая мины по квадрату, застроенному небольшими домами. Подключились минометы двух остальных батальонов полка. Стреляли по крутой траектории, мины, падая почти отвесно, попадали во все закоулки и засыпали немцев осколками. Не выдержал враг, снял оборону и советские танки, а за ними и пехота, прошли окраину беспрепятственно.

На месте обычного боя, в котором совместно потрудились минометы, артиллерия, авиация определить результаты минометного огня невозможно. А в этот раз Герасимов впервые увидел «чистую» свою работу. От сотен тысяч осколков «гитлеровцам дышать было нечем», как определили минометчики. Разрушений мало, но крыши домов превратились в решета, стены как оспой побило, на трупах фашистов «живого места не осталось». Уверовал Герасимов в силу своего оружия, очень почтительно отзывается о нем и до сих пор. Только боясь обидеть чувства пушкарей и летчиков, Владимир Дмитриевич не хочет утверждать, что миномет был оружием из всего оружия. Слов нет, артиллерия нарезная и авиация сильнее, зато миномет проще, каждому доступнее, неприхотливее. Всюду проходил на солдатских ногах. На любом пяточке, в любой ямке к стрельбе приспособивался, не знал износу. Не осудишь Герасимова за такую веру в свое оружие и крепкую любовь к нему. Грозное это содружество солдата с оружием было.

По наставлению можно было ставить на мину три пороховых кольца дополнительного вышибного заряда. Немцы хорошо знали предельную дальность стрельбы советского миномета и без опасения вели себя за этим пределом. В открытую строили позиции, на автомашинах подвозили материалы, боеприпасы. В бинокль было видно, как они обедали и брились на брустверах. Тогда минометчики решили рискнуть и добавили к заряду четвертое пороховое кольцо. Первая же пристрелочная мина из миномета Герасимова разорвалась в немецком окопе. Поправок не пришлось вносить, сразу ударили из шести минометов и положили конец немецкой безопасности. Впрочем, новые сменяющиеся перед дивизией немецкие части продолжали верить в дистанционный предел русского миномета, и Герасимову еще не раз приходилось «разуверять» их лихим огненным налетом. Минометы с успехом выдерживали лишний заряд, конструкторы дали им большой запас прочности.

К 1944 году Герасимов возмужал, стал опытным воином, минометным снайпером. Освобождал Краматорск и Славянск, Одессу, Люблин и Краков, Щецин. Был кавалером ордена Славы двух степеней.

Два ранения Владимир Дмитриевич перенес на ногах, а за три недели до окончания войны третья рана, в области сердца, уложила его на девять месяцев в госпиталь. Тем временем бойца искала уже последняя награда — орден Славы первой степени. И в сорок седьмом году нашла в родном селе Нечаевке.

ГЕРАСИМОВ Владимир Дмитриевич, род. 15.9.1922 в с. Нечаевка ныне Мокшанского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1944. Окончил 7 классов. Работал в колхозе. В Кр. Армии с 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июля 1942. Ком-р расчёта 82-мм миномета 170-го гв. стр. полка (57-я гв. стр. див., 46-я армия, 4-й Укр. фронт) гв. сержант Г. в боях за с. Широкое, нас. пункты Рудники, Зелёный Став в составе расчета миномет. огнем поразил до 15 солдат и офицеров, подавил огонь крупнокалиб. пулемета. 7.4.44 у с. Дальний Овидиопольского р-на Одес. обл. интенсивным миномет. огнем нанес пр-ку значительный урон. Его расчет в числе первых ворвался в г. Одесса, подавляя огн. средства врага и его живую силу. 22.4.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Ком-р расчета 82-мм миномёта тех же полка, див. (8-я гв. армия, 1-й Белорус. фронт) гв. сержант Г. при форсировании р. Висла в р-не нас. пункта Ходкув (р-н г. Сташув, Польша) и расширении плацдарма эффективным миномет. огнем разил живую силу и технику пр-ка, способствуя успешному продвижению стрелк. подразделений. 10-14.8.44 в ходе отражения контратак пр-ка подавил 4 его огн. точки, рассеял и частично уничтожил до двух взводов пехоты. 19.9.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 3.02.45 при форсировании р. Одер в р-не нас. пункта Рейтвейн (8,5 км юго-зап. г. Кюстрин, ныне Костшин, Польша) со своим расчетом первым переправился на плацдарм и открыл миномет. огонь, истребив при этом неск. десятков солдат и офицеров врага, подавил 3 пулемёта. 6.02.45 в боях за с. Маншнов (6,5 км юго-зап. г. Кюстрин) огнем миномета поразил до 20 враж. солдат и разбил 2 пулемета. 31.5.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В августе 1945 гв. старшина Г. демобилизован. Вернулся на родину. Работал зам. зав. свеклопунктом на ст. Симанщина Мокшанского р-на. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями.

Лит.: Лобода В.Ф. Солдатская слава. М., 1963. Кн. 1. С. 175; И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 38-48.

За гаубичным прицелом

Из Сибири к фронту шли воинские эшелоны. Дни и ночи на железнодорожных перегонах стучали колеса, лязгали вагонные сцепы. В открытых дверях теплушек солдаты, солдаты, на платформах пушки, танки. Дыхание фронта в тылу больше всего чувствовалось на железных дорогах.

Двинулась из таежного края на фронт и стрелковая дивизия, наполовину состоявшая из тамбовцев, рязанцев, ульяновцев и других европейских россиян. Были в дивизии и пензенцы, в том числе Сергей Громков, тоже сходявший за си-

биряка. Он только отслужил в саперных войсках срочную службу, и началась война. Дивизия доукомплектовывалась, саперы оказались лишние, а артиллеристов не хватало. Зная, что в колхозе Громков работал трактористом, его и в гаубичном артиллерийском полку хотели посадить на трактор-тягач. Сергей отказался от такой, как ему казалось, небоевой обязанности и просил, чтобы назначили в огневики. А куда было его поставить, если он даже банник шомполом называл. Назначили правильным, чего проще: поворачивай за правило лафет гаубицы, куда укажут. Другому учить не было времени, если способным окажется, так в дороге и в боях научится остальному. А то, что он тракторист, да еще и сапер — тоже хорошо.

Ехали артиллеристы на фронт и считали себя большой силой. Вот, думали, пустим в ход могучие гаубицы и, может, поворот в войне сделаем. Для этого перевес сил нужен, а перевес с малого начинается: брось на весы какой-то грамм, и перетянуло. А ну как мы и есть этот самый грамм, нас-то и не хватает. Правильно думали, каждый солдат так должен считать, верить в себя.

В первых боях Громков участвовал восточнее Старой Руссы, в районе населенных пунктов Белый Бор, Сухая Нива, станции Любницы. Советские войска на этом направлении угрожали правому флангу, а при прорыве — и тылу немецкой Северной группы армий, осаждавшей Ленинград. Всякое усиление здесь действий немцев отзывалось активными противодействиями советских частей под Старой Руссой. Еще тяжелее сложилось бы положение города на Неве, если бы немецкое командование не было вынуждено держать на своем правом фланге большие силы, опасаясь прорыва наших дивизий.

С упорными боями прошел Громков Старую Руссу, затем Порхов, Латвию, Литву, Восточную Пруссию, с ее твердыней Кенигсбергом, Данциг и за город Кезлин, ныне польский Кошелин, где его гаубица сделала последние выстрелы. А гаубица была именно его; он был уже ее командиром.

Как коротки эти строки по сравнению с тем длинным и длительным, полным напряжения всех физических и духовных сил походом, какой совершил Громков! «Сухая Нива», упомянутая в одной из строк, — это всего один шаг, сделанный солдатом в боевом походе. А что за шаг! Чтобы познать его до конца, нужно самому стать этим солдатом. Так мал населенный пункт Сухая Нива в географическом масштабе, что на карте ему и точки не могли уделить. А что стоило солдату «шагнуть» через него! Все человеческие силы, затраченные многими людьми, основавшими это селение, наверное, были меньше тех усилий, какие положили солдаты, чтобы пройти через разоренные улицы. За все существование села, в нем вряд ли похоронено столько людей, сколько за время длительных боев оставили здесь могил войска обеих сторон.

Всего только маленький эпизод, или даже штрих из одного боя. Из последних сил билась советская пехота, несла потери и не могла продвигаться к укрепленным позициям в Сухой Ниве. Пущены были в ход все огневые средства, подтянули раньше срока с отдыха последний гаубичный полк. Пристрелку в батарее поручили расчету, в котором наводчиком был Громков. Девятью снарядами Сергей нашупал огневые позиции противника, уничтожив три особенно злые огневые точки и немало солдат. Его девять выстрелов положили начало продолжительному огневому бою полка. Черная стена из земли и гари поднялась над фашистскими позициями и не могла осесть и развестись — так часты были разрывы, сосредоточенные на узенькой полоске переднего края. И пехота имела успех, продвинувшись вперед на... несколько сот метров. Вот они, солдатские боевые шаги! А до Берлина по прямой надо было «прошагать» около полутора тысяч километров!

В памяти Громкова удержался этот бой только потому, пожалуй, что тогда его наградили первой медалью. В представлении к награде обычно указывают последнее, чем отличился награждаемый. Но, конечно, не забывают и все предыдущие его заслуги, ничем еще не отмеченные. Только их не описывают, слишком большой бы наградной лист получился. Да и когда, кому в боях столько писать и читать.

Поэтому нигде не было записано, сколько раз до первой награды Громков проводил отличную пристрелку, сколько фашистов и их техники перевел при стрельбе в составе батареи! На себе вытаскивал из снежных заносов гаубицу, а порой и сам трактор-тягач! За зиму редко когда удавалось погреться у печки. Даже зарыться в снег и накрыться плащ-палаткой часто было заветной мечтой. Короткая стеганка, шинелька и проледеневшие насквозь валенки — вот и весь запас тепла. «Сама война, что ли, еще грела, — гадают Громков. — Теперь, в мирное время, всю зиму без тепла не выдержал бы: застудился насмерть».

Число наград не определяет число подвигов. У героя война — один единственный подвиг, ступени которого отмечаются наградами. Награды и на будущие подвиги зовут.

Гаубичная артиллерия, как известно, предназначена для стрельбы с дальних дистанций, закрытых позиций, навесным огнем побатарейно и по-

дивизионно. А вот под Старой Руссой, где проходили жестокие сражения, в одном бою сильно поредевшая пехота в обороне дрогнула и начала отходить. Оголила огневую позицию батареи, в которой был Громков. Лицом к лицу оказались артиллеристы с немцами. Тут уж и данные для стрельбы не потребовались, и взвод управления не у дел остался. Все зависело от наводчиков, от слаженности и расторопности расчетов. В упор, прямой наводкой, шрапнелью ударила батарея. Отбила атаку, не счесть, сколько фашистов уничтожила. Особенно Громков отличился. Тем временем пехота в себя пришла, вернулась на оставленный рубеж и даже контратакой ответила.

Полученный в том бою орден Славы третьей степени стал служить Громкову памяткой-подсказкой: не так уж, как раньше считали, плохи дела гаубичников, когда на них в атаку вражеская пехота идет. Только не теряйся, пошевеливайся, а в кинжальном огне гаубица и пушка не уступит.

И все же главная сила гаубицы — на дальних дистанциях. Пятьдесят танков немцы бросили на узком участке фронта плохо укрепленной и не обеспеченной противотанковыми средствами обороны советских войск. Грозная сила двигалась, выручай бог войны — артиллерия! И не в пример всем богам, артиллерия выручила. Семь танков подбила батарея, а у остальных сбила наступательный пыл, И они повернули назад. Семь из пятидесяти — может быть, кому и мало покажется, только не артиллеристу; этот знает сложность стрельбы с дальних закрытых позиций по быстро движущимся бронированным целям.

Громков не только орден Красной Звезды, а и две остальные степени ордена Славы за уничтожение танков получил.

Перед наступлением провели артподготовку, и батарея стала менять огневую позицию. А тут пехота просит: «Фашистская «пантера», как бешеная собака, мечется и сыплет из пушки и пулеметов — головы поднять не дает. Помогите!». Посмотрел командир батареи с наблюдательного пункта: действительно, какой-то отчаянный и, надо сказать, ловкий танк носится перед немецким передним краем, так, что «сорокапятка» его на прицел не возьмет. Да, видно, и «не просверлит» его своим калибром.

— А ну-ка, Громков, у тебя на танках рука набитая. Даю три пристрелочных фугасных, — передал по телефону командир батареи. — Не получится, придется развертывать взвод управления и накрывать батареей, а то пехота у нас пролежни належит,

Сам он по карте и данные для стрельбы прикинул.

Командир орудия за прицел сел и третий снаряд, а в нем двадцать два килограмма, на «пантеру» положил. Может, это удачная случайность?

Но уж очень много таких «случайностей» у Громкова было.

Выпал на долю сержанта Громкова и очень неприятный случай, когда, по существу говоря, ему пришлось стрелять по... своим! И за это он еще первой степени орден Славы получил...

Зимой, уже под Шауляем, немцы прорвали на участке дивизии линию обороны. Командный пункт батареи, на котором находился и ее командир капитан Усов, оказался в окружении. Пятнадцать фашистских танков на-

валились на окруженных. У командира батареи с товарищами оставался только выбор, как умирать: под гусеницами вражеских танков или под своими снарядами. Какие могли быть раздумья, если в последнем «варианте» можно было на несколько танков убавить гитлеровскую армию. Капитан Усов вызвал огонь на себя.

А каково было огневикам расстреливать свой взвод управления и командира батареи. Легче на себя просить огонь, чем давать его на товарищей. Но от приказа, хотя бы и предсмертного, никуда не денешься — законы войны суровы. Сжались сердца у солдат, руки не слушались, а огонь пришлось открывать. После первых залпов капитан Усов по телефону давал еще поправки и требовал усилить огонь, а потом связь прервалась. Двенадцать танков подбили. Двенадцать из пятнадцати, тут уж каждый согласится: «Вот это тризну по погибшим товарищам справили!». Может быть, и тризну, но не по управлению батареей. Оно целехоньким осталось! Чего считать, что на несколько дней все оглохли и ранило одного связиста. В таком кекле, где песок кипался, танковая броня, как каленый горшок, трескалась!

К концу войны Сергей Федорович не стал уже ничему удивляться. К примеру, хоть себя взять: царапины не получил, словно заговоренный. Контузить, несколько раз легко контузило, а ранений — ни одного. Непонятный выбор у смерти на войне, капризный. Сколько товарищей похоронил, раненых в тыл отправил, а ведь плечом к плечу с ними у орудия стоял, во время авиабомбежек в одном окопе вповалку лежал. Что там в окопе, в авиационные налеты с одним-двумя у орудия оставался, а остальных в укрытие отсылал, чтобы всем не рисковать. Так надо же, случилось, как раз в укрытии бомбы и поражали.

А почему, кстати, в авианалеты не все в укрытия уходили? Приспособились из гаубицы по самолетам стрелять. Указаний на это не было, просто в порядке рационализации практиковались. Чтобы ствол, как у зенитной пушки, покруче поднять, гаубицу на метр-два откатывали назад и сошник лафета в приготовленный ровик опускали. Два-три выстрела с дистанционным взрывом успевали делать: поворотные механизмы у гаубицы не той скорости, что у зенитки, и зарядание раздельное. Сбивать самолеты, правда, не удавалось, но остратку давали, боевой строй бомбардировщиков ломали.

...Соберутся иногда фронтовики у чьего-нибудь двора вечерком и такие разговоры поведут, что молодежь, затаив дыхание, слушает, а женщины постарше и слезу украдкой пустят. На раны начнут жаловаться. Громкову как-то неудобно делается, будто бы его раны война на других разложила. Но на нем война по-иному аукнулась. После победы он еще год сверхсрочно служил и хорошо себя чувствовал, а демобилизовался, и дома тяжело заболел. Война все болезни как-то приглушала, организм крепился. А фронтовые лишения все же свои следы оставляли и потом они скопом отозвались. Думали, не выживет Сергей Федорович, но выправился. «Теперь из болезней только так уж, кое-что мирное по мелочи пристает» — говорит он.

Несколько лет Громков работал мастером на лесоразработках, справлялся хорошо, ценили его, но самого работа не удовлетворяла. Не нравилась ему начальственная должность. Пошел грузчиком на лесопункт станции Ночка. Отгружал кругляк, материалы во все концы страны и за границу.

Жене Громкова, Елизавете Михайловне, немного даже было обидно, что иные товарищи мужа «в гору пошли, а он все бревна свои ворочает». Поворчит и тут же оправдывает, что он по своему характеру и не сможет работать на административно-хозяйственной должности.

Жили Громковы в селе Заречном Никольского района. Из окон их дома, за рекой, виден был лесосклад. Елизавета Михайловна смотрела, как мостовой кран играючи поднимал пачки бревен и укладывал на железнодорожные платформы. А под многопудовыми пачками ей всегда представлялся зазевавшийся муж, стропальщик. Крепок стальной трос, схватывающий бревна, а чего стоит женской мнительности разорвать его и тогда... Бог уж с ней, с высокой должностью, он бы хоть с этой тяжелой работы ушел куда полегче и безопаснее. Уж не молод, одногодок с Октябрем, на месяц только постарше. И дома не семеро по лавкам, чтобы за заработком гнаться.

Нет, грузил Сергей Федорович лес и страхи жены не признавал. То ли он на фронте повидал, а тут всего только безобидные бревна и мирная, послушная техника. Чем не работа, всякий труд уважения достоин, а труд рабочего больше всего...

ГРОМКОВ Сергей Фёдорович, род. 2.11.1917 в пос. Заречный Никольского р-на Пензен. обл. в семье рабочего. Русский. Член КПСС с 1943. Окончил 4 класса. Работал в колхозе трактористом. В Кр. Армии с 1939.

На фронте в Вел. Отеч. войну с авг. 1941. Наводчик орудия 625-го арт. полка (182-я стр. див., 1-я уд. армия, 2-й Прибалт. фронт) мл. сержант Г. 26.3.44 у дер. Середкина-Слепни (Пушкиногорский р-н, Псков. обл.) при овладении переправой через р. Великая подавил огонь двух дзотов, чем способствовал захвату и удержанию плацдарма на др. берегу реки. 20.4.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Наводчик орудия тех же полка, див. (43-я армия, 1-й Прибалт. фронт) Г. 31.01—1.02.45 ок. нас. пункта Зергиттен (8 км сев.-зап. г. Кенигсберг) вместе с расчетом подавил враж. огн. точку, отразил неск. контратак пр-ка. 6.3.45 нагр. орд. Славы 2 ст. Г. в том же составе (2-я гв. армия, 3-й Белорус. фронт) 13-15.4.45 у нас. пункта Койенен (22 км сев.-зап. г. Кенигсберг) огнем орудия поразил 2 пулемета и более 20 гитлеровцев, разрушил 2 блиндажа. Отражая контратаку, подбил тяж. танк «тигр» и орудие. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст. Старшина Г. демобилизован в 1946. Жил в родной деревне. Работал мастером в леспромхозе. Нагр. орд. Красной Звезды, медалями. Умер 20.7.1984.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 49-57; В наступлении гвардия. М., 1971. С. 308.

«Каждый бой был трудным...»

Наш земляк сержант П. В. Денисов воевал в батарее 76-миллиметровых пушек. Это те орудия, которые сопровождали пехоту в наступлении, использовались для стрельбы прямой наводкой по фашистским танкам, выкатывались впереди пехоты, чтобы подавлять огневые точки.

За время войны наводчик, а позже командир орудия Денисов сменил три пушки: одну как устаревшую, а две вышли из строя от вражеской бомбежки и обстрела. Выходили из строя товарищи по боевому расчету, менялись взводные и батарейные. Но отважный артиллерист оставался невредим. В батарее, да и в полку восхищались мужеством Петра Васильевича: «Этого пензяка ни пуля, ни осколки не берут».

265-я стрелковая дивизия, в которой воевал Денисов около четырех лет, прошла большой боевой путь. В 1941 году она вела бои на Карельском перешейке. Личный состав дивизии сражался в осажденном блокированном Ленинграде. Солдаты стояли насмерть на знаменитом «Невском пятачке», который вошел в историю Отечественной войны. Воевали на Черной речке и на других направлениях осажденного города. После прорыва блокады освобождали от фашистов город Выборг, а дальше их путь лежал через Прибалтийские республики. Воевали в Польше, освобождали Варшаву. За Польшей — Германия и, наконец, штурм Берлина в составе 3-й ударной армии.

— Много городов и сел пришлось пройти с боями. Каждый бой, в обороне ли, в наступлении, был трудным и кровопролитным, — говорит Петр Васильевич. — Но самое тяжелое выпало нам в блокированном Ленинграде. Пришлось пережить не только физические трудности, но и моральные.

О себе, своих ратных делах П. В. Денисов говорит скупо:

— Воевал, как все. Выполнял точно приказы, хорошо знал свою пушку, верил в нее, знал, что она не подведет, надеялся на боевых друзей. Больше двух десятков раз ставили орудия на прямую наводку против фашистских танков. На счету батареи сожжено и подбито до 40 фашистских танков. В этом доля и нашего орудия.

А вот что писалось о нем в донесениях, в коротких наградных листах:

«Во время боев в укрепленной полосе немцев Денисов со своим орудием подавил две минометные батареи, два станковых пулемета, которые систематически обстреливали наши подразделения, в этом же районе был разбит дзот».

Эти строки писались, когда дивизия стояла, в обороне. А вот два примера героизма нашего земляка в период наступательных операций:

«В районе города Р. противник предпринял контратаку против наших подразделений. Орудие Денисова было выставлено на самое опасное направление. И его расчет оправдал доверие командования. Бойцы отбили все атаки. Только за один день расчету удалось остановить продвижение 6 танков и 4 самоходных установок. В этом трудном бою Денисов стал к орудью за наводчика и поджег один немецкий танк, а второй подбил. Мужество Денисова и его друзей воодушевляло пехотинцев, и они пошли в атаку в надежде, что артиллеристы окажут помощь».

Вторая выдержка из наградного листа рассказывает об уличных боях в Берлине:

«Орудие сержанта Денисова сопровождало пехоту в наступлении. Артиллеристы на руках везли свою пушку метр за метром, продвигаясь по улицам незнакомого города. Их часто встречал вражеский огонь из пулеметов и автоматов. Но смелые бойцы вместе со своим командиром шли вперед. Они уничтожили два дота со станковыми пулеметами, разбили одно орудие вместе с прислугой, вывели из строя огневую точку, что позволило нашему батальону занять квартал без потерь».

Командиры — лейтенант Новиков и старший лейтенант Сельников — всегда восхищались спокойствием и хладнокровием Денисова в бою: «Он никогда не суетился, все делал размеренно и точно. Команды подавал уверенно. Расчет понимал его с полуслова. Своей смелостью воодушевлял личный состав».

До Отечественной войны у Петра Васильевича была самая мирная профессия — он сеял и выращивал хлеб, руководил полеводческой бригадой колхоза имени Чапаева Городищенского района.

После Победы вернулся в родное село Юлово. Отдавал все силы колхозному производству. В 1950 году по призыву партии П.В. Денисов добровольцем поехал на север страны — в Архангельскую область — на заготовку леса. Он знал, что его ждут трудности, но фронтовика это не страшило. Ехал на два года, а проработал больше двадцати лет — до заслуженного отдыха.

От Ленинграда до Берлина

— В январе 1944 года немцы усиленно охраняли район станции Сиверской, что недалеко от Ленинграда, — вспоминал Денисов. — Здесь находился штаб 18-й полевой армии немцев. 14 января 1943 года мы получили приказ: во всю свою мощь ударить по частям и подразделениям этого вражеского соединения...

Батарея, в составе которой был и расчет Денисова, находилась на самой передней линии обороны, проходившей в 100 — 150 метрах от траншей гитлеровцев.

К операции усиленно готовились все бойцы 798-го артиллерийского полка. До тонкостей были сверены данные, пополнен и подготовлен к стрельбе боекомплект. С нетерпением ждали лишь одного — сигнала к бою. И дождались. Утром 14 января артиллеристы открыли по вражеским укреплениям ураганный огонь. Задрожала земля. От порохового дыма было трудно дышать. Позже газеты писали, что артиллеристы выпустили по противнику десятки тысяч снарядов.

После такой мощной подготовки в бой вступила пехота. Лавина бойцов в белых маскировочных халатах двинулась на укрепления врага. И в это время из-за бугра начал бить немецкий пулемет.

Неподалеку от орудийного расчета Денисова оказался командир дивизиона:

— А ну-ка, Денисов, — сказал он, — дай по тому бугорку пару снарядов!

Расчет мгновенно выполнил команду. Пушка заряжена. Секунда — и последовал выстрел.

— Цель уничтожена! — с радостью доложил Петр Васильевич.

Тем временем пехотинцы вплотную подошли к позиции противника. Все новые и новые огневые точки обнаруживали себя. Поэтому приходилось стрелять то по одной, то по другой цели...

Бой продолжался двое суток. На третий день рано утром немцы выкачали из лесочка пушку. Где-то справа, у линии наших окопов, разорвался снаряд, потом второй, третий Денисов быстро определил местонахождение вражеского орудия. Расчет мигом пришел в движение. Раздался выстрел, но снаряд упал чуть правее цели. Сделана поправка, и следующий снаряд поразил вражескую пушку.

Через несколько минут командир пехотного полка звонил в штаб артиллеристов:

— Передайте вашему орудийному расчету большое спасибо за меткую стрельбу.

Этот день для сержанта был самый счастливый: всему расчету командир дивизиона объявил благодарность.

В боях на Ленинградском направлении орудийный расчет Денисова неоднократно проявлял большое мужество и смелость. Командир его был удостоен ордена Славы III степени.

Враг отброшен от города на Неве. Но он еще не разбит, отступает на укрепленные рубежи и начинает активно атаковать наши позиции. Одно из сражений произошло у небольшой безымянной высоты.

Взводный собрал командиров орудий у головной машины и повел на высоту, в район огневых позиций. лейтенант осмотрелся, воткнул в снег валяющуюся рядом палку и сказал:

— Вот, Денисов, твое место! Направление стрельбы сорок пять ноль-ноль. К рассвету огневая должна быть готова! Понял? — И командир взвода пошел с сержантами дальше.

Осмотревшись вокруг, Денисов заметил впереди более подходящую площадку для стрельбы прямой наводкой. Медленно продвигаясь к ней

по глубокому снегу, он увидел поднимавшегося навстречу ему человека в белом маскировочном халате. Это был его наводчик.

— Товарищ сержант, — доложил он, — до нашего переднего края метров двести. Метрах в ста впереди и чуть правее — наблюдательный пункт командира роты. А здесь, рядом, я нашел окоп, куда орудие поставить можно. Мне его стрелки показали. Оттуда весь передний край немцев, — как на ладони. Танки прямо в борт бить можно! Пойдемте, я покажу вам это место, — и он пошел впереди сержанта. — Вот здесь, — показал солдат на окоп и первым прыгнул в него.

Спрятавшись за бруствер, Денисов стал осматривать местность.

— Отличное место, — вновь заметил наводчик.

— Так-то оно так, — тихо поддакнул Денисов. — Но разрешит ли командир взвода занимать здесь позиции? Да и пушку сюда закатить трудно.

Все обошлось как нельзя лучше. Разрешение было получено, и часам к двум ночи орудие стояло готовым к бою.

Утром внезапный артиллерийский огонь фашистов заставил бойцов минут двадцать отсиживаться в ровиках. Немного времени спустя в воздухе появились «юнкерсы». Летя по кругу друг за другом, они кренились на левое крыло, включали сирену и с отвратительным воем пикировали, сбрасывая бомбы. Бойцы знали, что теперь надо ждать атаки с фронта. Тактику фашистов они уже изучили. И точно. Вскоре послышался тяжелый рокот моторов. На горизонте показались бронированные машины, а за ними пехота. Артиллеристы выжидали, когда танки подойдут на расстояние прямого выстрела.

Наводчик Денисова замер у панорамы.

— Огонь! — скомандовал сержант.

Первый снаряд не достиг цели, зато от второго загорелся танк. Во время этой атаки удалось подбить еще одну машину противника.

В разгар боя Денисов получил пулевое ранение, но продолжал командовать расчетом. Внезапно смолкло соседнее орудие. «Может быть, нужна помощь?» — подумал сержант и послал туда наводчика, а сам занял место у прицела.

Передышка длилась недолго. Вражеские танки вновь устремились к высоте, но были встречены сильным огнем советской артиллерии. На счету Денисова еще одна подбитая машина. Вдруг совсем рядом с орудием разорвалось несколько мин. В глазах у сержанта потемнело, и он потерял сознание.

Очнулся Денисов в медпункте, и увидел рядом своего наводчика.

— Все в порядке, товарищ сержант, — тихо доложил солдат. — Наши в наступление перешли...

За мужество, проявленное в этом бою, сержант Денисов был удостоен ордена Славы второй степени.

...Враг отступал. Наши войска преследовали его в Прибалтике, Польше, на территории самой Германии. Бойцам расчета Денисова много раз приходилось участвовать в упорных боях.

Шестнадцатого апреля 1945 года в 5 часов утра на Берлинском направлении началось большое наступление. Артиллеристы полка открыли по врагу ураганный огонь. Вместе с первым залпом наших пушек на передовой вспыхнули сотни ослепительно ярких лучей прожекторов, направленных в сторону противника. Враг, ослепленный светом, был лишен возможности вести прицельный огонь по нашим боевым порядкам и отступил.

За отличное выполнение заданий командования и умелые действия в боях на Берлинском направлении сержант Денисов был награжден орденом Славы первой степени.

...Фронтвые пути-дороги, которыми шёл солдат, теперь давно позади. Но часто вспоминал о них Петр Васильевич Денисов, полный кавалер ордена Славы...

ДЕНИСОВ Петр Васильевич, род. 1.6.1913 в с. Юлово ныне Городищенского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1942. Окончил 3 класса. Работал бригадиром полеводч. бригады в колхозе. В Кр. Армии и на фронте в Вел. Отеч. войну с июля 1941.

Ком-р орудия 798-го арт. полка (265-я стр. див., 23-я армия, Ленингр. фронт) сержант Д. отличился в боях 15-16.6.44 под нас. пунктами Тибор и Корхула (Финляндия, ныне Карелия). Огнем из орудия подавил 2 враж. миномет. батареи, 2 пулемет. точки, разбил дзот. 22.6.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 17.02.45 в бою сев.-зап. г. Реец, 80 км зап. г. Шнайдемюль (Германия), действуя в составе того же полка и див. (3-я уд. армия, 1-й Белорус. фронт), Д. при отражении атаки пр-ка на огневую позицию батареи заменил наводчика и поджег танк, истребив до 15 сопровождавших его солдат. 11.4.45 нагр. орд. Славы 2 ст. В боях за Берлин 23.4-2.5.45 двигался с наступающей пехотой, в р-не Лихтенберга прямой наводкой уничтожил 2 крупнокалибер. пулемета, орудие с расчетом. 29.4.45 подбил штурм. орудие врага. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В окт. 1945 старшина Д. демобилизован. Возвратился в родные места. Работал пред. колхоза «Красная Заря», нач-ком техн. снабжения в леспромхозе. С 1985 живет в с. Барлук (Куйтунский р-н Иркутской обл.) Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями.

Лит.: Николаев А.Н. Солдатская слава. Архангельск, 1968. С. 53-58; Пятков В.К., Белов К.С., Фролов С.С. Третья ударная. М., 1976. С. 243.

*«Разминировано.
Долматов...»*

Мы (О.М. Савин и подполковник Т.П. Кадышев) знали об этом человеке немного: его фамилию — Долматов, что он полный кавалер ордена Славы, наш земляк, кажется, из Белинского района. И что в последние годы своей жизни он, вроде бы, жил где-то на Украине, в Сумах.

Поиск оказался нелегким. Вот короткое сообщение из Белинского райвоенкомата: «На ваше письмо отвечаем, что, по сообщению дальних родственников,

проживающих в селе Невежкино Белинского района, кавалер ордена Славы Петр Евгеньевич Долматов, 1915 года рождения, умер в 1947 году. Ранее проживал в Сумской области (точного адреса родственники не знают).

Фотокарточки или другого документа на П.Е. Долматова родственники на руках не имеют».

Неутешительными оказались и ответы из Сум. Директор музея писал: «На ваш запрос сообщаем, что в Сумском краеведческом музее сведений о П.Е. Долматове не имеется».

В картотеке Сумского областного и городского военкоматов наш земляк тоже не числился. Облвоенкомат сообщил, что розыск родственников Долматова проводился во всех городских и районных военкоматах, но положительных результатов не дал.

Отдел актов государственного состояния сообщил, что в Сумах среди умерших П. Е. Долматов не зарегистрирован.

Поиски грозили зайти в тупик. Но теперь мы знали имя и отчество — Петр Евгеньевич Долматов, место рождения — село Невежкино Белинского района, год рождения и смерти.

Летом удалось побывать в Невежкине, большом старинном селе, расположившемся в восемнадцати километрах от города Белинского. Разбросанные в низине дома, небольшая речка.

Родственники Долматова, и правда, мало что могли сказать о Петре Евгеньевиче. Да, он родился здесь, был бригадиром полеводческой бригады, растил хлеб. Уважали его в колхозе за энергичность, хозяйскую сметку. В октябре 1941 года ушел на фронт. С тех пор ничего и не знают о нем в Невежкине.

Мы разговаривали со стариками, но и они не все вспомнили Петра Долматова, разное говорили о своем односельчанине. Одни утверждали, что, якобы, погиб он под Москвой. Ведь в начале 1942 года его семья получила

извещение о том, что «рядовой Долматов числится в списках без вести пропавших». Другие не соглашались, говорили, что Петр жил где-то на Украине. Нет, не на Украине, а в Тульской области, — доказывали третьи.

Был ли он полный кавалер ордена Славы? Этого в Невежкине не знал никто.

Что делать дальше? А не поможет ли архив Министерства обороны Союза ССР? Его сотрудники уже не раз охотно откликались на просьбы журналистов Пензы, помогали в поисках материалов о неизвестных героях.

Розыск в архиве, видимо, тоже был нелегким, но все же, примерно через полтора месяца, мы получили из города Подольска Московской области пакет. Письмо за подписью начальника архивохранилища было по-военному кратким: «Высылаю копии наградных листов на П. Е. Долматова...».

Вот они — наградные листы, бесценные документы, через годы донесшие до нас жаркое пороховое дыхание боев, гул канонады сражений. Мы не знаем фамилий фронтовых писарей, которые заполняли их, но именно им, летописцам событий, обяваны памятью о героях, тем, что подвиги их не забыты.

...Гвардии старший сержант Петр Евгеньевич Долматов, командир отделения 21-го инженерного саперного батальона, коммунист. Войну начал в первую же осень сорок первого. Призывался Поимским райвоенкоматом. К августу 1944 года был уже награжден орденом Красной Звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» и «За отвагу». Значит, было окружение, прорыв в леса, бои в партизанском отряде, потом снова регулярные части Советской Армии.

Но обо всем этом мы могли только догадываться. Не рассказывают о трех годах боевой деятельности Долматова наградные листы. Первый из них заполнил четвертого августа 1944 года командир батальона, гвардии майор Малашенко. В графе: «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг» он записал:

«Тов. Долматов, выполняя боевое задание командования по переправе наступающих войск через реку Висла, 2.8.1944 г. совершил десять рейсов, переправляя технику, живую силу и грузы, не имея потерь».

Всего несколько строк, но в них уместилась та августовская ночь. К вечеру навели паром — под жестоким обстрелом артиллерии, под бомбами. С темнотой начали переправу. Первые солдаты, первые орудия были доставлены на противоположный берег

Обратно возвращались порожняком. На разрывы снарядов не обращали внимания. Только уж если вражеский снаряд разрывался особенно близко, кто-нибудь из бойцов пускал в его адрес крепкое словцо.

Была артиллерия, вздымая фонтаны воды, а паром, для которого предназначались все эти снаряды, медленно, но верно ходил от берега к берегу. Бойцы устали, соль выступила на гимнастерках, хотя прохладой тянуло от реки и летняя стояла ночь. Старший сержант шутил, ободряя бойцов. Ведь это была их работа, их долг.

Десять рейсов, десять взглядов в лицо смерти. А холодна и темна вода чужой реки Вислы. Да и обидно было погибнуть, когда пройдены тяжелые

три года, когда бои шли уже на территории другой страны, а до окончания войны оставались какие-то месяцы. Слишком стремительным и дерзновенным был натиск наших войск. Не могли сдержать его измотанные, хоть и озлобленные гитлеровские войска.

«Паром при совершении каждого рейса, — писал в наградном листе майор Малашенко, — подвергался обстрелу противника, но, несмотря на обстрел, проявляя мужество и отвагу, тов. Долматов, презируя опасность для жизни, воодушевлял бойцов на боевые подвиги».

Приказом по войскам 69-й армии от 23 октября Петр Евгеньевич Долматов был награжден орденом Славы третьей степени. В это время армией командовал генерал-лейтенант В.Я. Колпакчи, впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза.

...А война шла дальше. С боями двигался вперед и инженерно-саперный батальон, в котором служил гвардии старший сержант Долматов. Входил этот батальон в прославленную 35-ю инженерно-саперную Краснознаменную бригаду.

Шел уже январь последнего победного года войны. В ночь с 12 на 13 число группе старшего сержанта Долматова было дано задание — проделывать проходы в минных полях противника.

Комбат Малашенко, теперь уже подполковник, лично разговаривал с бойцами, проверял снаряжение, оружие. Заботливый это был командир, внимательный к бойцам. Обнял каждого. Ведь от долматовцев зависел успех атаки. На рассвете наши войска должны были пойти в наступление по всему фронту дивизии.

Над вражескими траншеями взлетали ракеты, дымно сторали, чертя в небе крутые траектории. А саперы, одетые в белые маскировочные халаты, ползли по снегу на минное поле.

Метель перемела поле, загладила «работу» немецких минеров. Не так-то просто будет отыскать мины.

Долматов осторожно разгребал снег. Есть! Не особенно глубоко зарыли фрицы свою мину, видно, торопились-.

Вторая мина, третья... Еще одна. Где-то рядом работают товарищи. Когда вспыхивает ракета, видно, как вжимаются в снег белые халаты.

Девятнадцать мин снял в ту ночь старший сержант Долматов. Достиг первых траншей, четко обозначил проход.

На рассвете вся группа вернулась в свои окопы. Задание выполнили.

Отогревались в блиндаже. Старшина угостил ранним завтраком, выдал по сто граммов спирта.

В эту же ночь в холодном блиндаже, при свете коптилки, сделанной из патронной гильзы, комбат заполнил на группу Долматова наградные листы. О старшем сержанте написал: «Тов. Долматов достоин правительственной награды — ордена Славы второй степени».

Этот орден и был вручен бесстрашному минеру. И продолжались бои, теперь уже на территории Германии. Батальон стал Краснознаменным, шел впереди наступающих войск, проделывая проходы в минных полях и

проволочных заграждениях. Такова уж судьба минеров и саперов — идти первыми, расчищать дорогу для войск.

«Разминировано. Долматов» — эти лаконичные надписи, сделанные мелом или краской, видели раньше на Украине и в Белоруссии, в Польше, а теперь они неизменно появлялись и в Германии.

«Разминировано. Долматов» — значит, путь вперед свободен, значит, уже прошли вперед саперы, и можно не опасаться, что взметнется под ногами земля...

На дорогах войны встречались и другие росписи: «Мин нет. Зайцев», «Проход безопасен. Платонов». Ведь на каждом участке фронта были свои первопроходцы, которые шли с передовыми советскими подразделениями и, рискуя жизнью, обнаруживали расставленные фашистами мины, разгадывая уловки врага, спасая от верной гибели бойцов и мирное население.

16 апреля 247-я стрелковая дивизия готовилась к прорыву обороны противника в районе города Лебус. Долматовской группе было дано очередное боевое задание — проделать проходы в минных полях.

Поручение не из легких. Враг ни на минуту не прекращал огня: тяжело била артиллерия, строчили пулеметы, резко разрывали воздух автоматные очереди. Четко виднелись трассы пуль. Идти в этот ад казалось делом невозможным.

Но надо было идти. И снова комбат собрал группу. Только был это уже не подполковник Малашенко, а инженер-капитан Сиротченко. Неизвестна нам судьба командира батальона, дважды подписывавшего наградные листы Долматову. Или перевели в другую часть, или погиб в одном из боев. Но был это, видимо, настоящий командир, храбрый и мужественный солдат.

Инженер-капитан тоже не говорил много. Понимал он, что, возможно, посылает своих бойцов на гибель. Но кто, кроме группы Долматова, сумеет выполнить приказ? Ведь ребята со славой прошли через десятки боев, не раз глядели в лицо смерти.

И снова первым пошел в поиск командир. За ним бойцы. Ударила наша артиллерия, заговорили пулеметы на флангах — поддерживали «огоньком» своих саперов, которые ползли по апрельскому полю к вражеским проволочным заграждениям, по пути обезвреживая мины.

В сделанные проходы сразу же устремилась пехота. Жаркие, возбужденные атакой, пробегали мимо саперов бойцы, преодолевая линии вражеских траншей, выбивая оттуда врага.

Гремели взрывы, и летела прочь проволока, отброшенная в сторону ловкими руками сапера, лежали на промерзшей еще земле мины-коробки, грозные на вид, но уже безвредные.

А через два дня, 18 апреля, гвардии старший сержант Долматов сопровождал через проходы в минных полях наши танки. Стремительно и мощно шли могучие машины в сторону врага, круша колючую проволоку, орудия, пулеметы.

И когда проходов оказалось недостаточно, Долматов снова пополз по минному полю. Снова обозначил проход. Фронт наступления танков расширился.

«Тов. Долматов, — писал в наградном листе командир 21-го гвардейского Краснознаменного инженерно-саперного батальона инженер-капитан Сиротченко, — проявил исключительную смелость и стойкость, личным примером отваги воодушевляя бойцов отделения на успешное выполнение боевого задания».

Наградной лист был заполнен 21 апреля 1945 года.

«Достоин награды — ордена Славы первой степени» — написал комбат.

Через четыре дня эти же слова: «Достоин награждения», — напишет командир Радомской Краснознаменной бригады полковник Рапопорт. Пятого мая к ним присоединится начальник инженерных войск 69-й армии генерал-майор танковых войск Шапиро.

На другой день после победы, 10 мая 1945 года, Военный Совет армии даст свое заключение: «Достоин награждения орденом Славы первой степени». Подпишут его командующий войсками армии и член Военного Совета.

Вот и все, о чем рассказали наградные листы, хранящиеся в Архиве Министерства обороны СССР.

А что было в первые три военных года? В одном из листов указано что орден Красной Звезды и медаль «За отвагу» Долматов получил на Белорусском фронте. А когда награжден медалью «Партизану Отечественной войны»?

Удалось разыскать сослуживцев нашего земляка, в том числе и комбата, капитана Сиротченко. Они-то и рассказали то, о чем молчали наградные листы.

...Нелегким был боевой путь Петра Долматова. В сорок первом пришлось ему пережить отступление, оборонять рубежи столицы нашей Родины. Дни и ночи рядовой находился на переднем крае, а когда части Советской Армии перешли под Москвой в решительное наступление, в рядах тех, кто шел вперед, освобождая города и села от незваных гостей, был и пехотинец Долматов.

1942 год. Соединение, в котором воевал наш земляк, попало в окружение. Группами, а зачастую по одному выходили из вражеского кольца бойцы и командиры. Шли ночами. Днем отсиживались в лесу: по дорогам шли немецкие машины, войска.

Долматов был тяжело болен. Раскалывалась голова, свинцовой тяжестью наливались опухшие, отекавшие ноги, скручивали адские боли в животе.

Бойцы поддерживали своего товарища, он шел, опираясь на их плечи. Но силы оставляли и их: все чаще и чаще делались привалы. И тогда Петр Евгеньевич сказал:

— Все, ребята! Не мучайтесь больше со мной. Оставьте в каком-нибудь селе. Чувствую, не дойти мне до своих...

Солдаты запротестовали было, но поняли потом — это единственное правильное решение. И верно, не дойти Петру.

Ночью один из бойцов сходил в село. Немцев здесь не было. Договорился в одной семье, что оставят они у них красноармейца — здоровье малость подправить, пока на ноги не станет.

Товарищи ушли. Петр лежал на широкой деревянной кровати, тепло укрытый ватным одеялом. Свиристел за печкой сверчок. Шептала на печке молитвы старуха. В соседней комнате ворочался, вздыхая, хозяин избы — плотный, высокий старик. Он-то и дал согласие спрятать от немцев раненого красноармейца. Может, и его сын где-то так же...

Товарищи ушли. А Петра вдруг охватил страх. Как же так — он один, без друзей, бессильно распростертый на тюфяке! А вдруг фашисты? Долматова словно встряхнуло. С трудом поднявшись с кровати, преодолевая адскую боль в животе, он прошел на хозяйскую половину.

— Не спится, солдат? — окликнул хозяин.

— Не спится... Не могу я у вас находиться...

— Ты отлежись денек-другой, — голос старика был ровным, спокойным. — А там решим. Выспаться тебе надо хорошенько, парень.

Лечили солдата травмами, тем, что под рукой было. А через несколько дней старик свел Долматова с партизанским связным.

В тылу врага, в партизанском отряде, и приобрел Долматов специальность сапера. Она и стала его главной военной профессией; Ходил в разведку в составе подрывной группы. Смелому саперу поручали самые ответственные, самые опасные задания: то взорвать водокачку, из которой немцы заправляли паровозы, то подложить мину под немецкую комендатуру, то взорвать мост через реку. Немало спустил он под откос вражеских эшелонов, сотни гитлеровцев не дошли до переднего края, найдя могилу в своем же тылу. За личную отвагу и мужество рядовой Петр Долматов и получил первую свою правительственную награду — медаль «Партизану Отечественной войны» второй степени.

Когда территория, где воевали партизаны, была освобождена от врага, Петр Евгеньевич, как бывалый сапер, получил назначение в тридцать пятую инженерно-саперную Радомскую бригаду. Стал командиром отделения, получил орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

О дальнейшем рассказали наградные листы. Мужественному бойцу приходилось не только разминировать дома, мосты, дороги. Он наводил переправы, форсировал полноводные реки, сопровождал в бою танки и пехоту.

«Когда шел выполнять задания Долматов, — рассказывал в своем письме капитан Сиротченко, — можно было надеяться: приказ будет выполнен...».

Через всю войну прошел сапер, перенес лишения и невзгоды, хотя и давали о себе знать ранения. Но домой, в родное Нежежино, не вернулся. Была тому еще и другая причина: не стало семьи. Жена не дождала с фронта солдата, вышла замуж. Правда, Петр Евгеньевич не судил ее за это строго. У нее на руках было то злополучное извещение — «пропал без вести». Но обиды сдержат не мог. В Нежежине его больше не видели.

Но куда уехал после войны солдат? Оказалось, что в Тульскую область. Там, до самой смерти (Петр Евгеньевич умер в 1947 году) кавалер

ордена Славы работал председателем одного из сельсоветов. Там жила и его старенькая мать. Второй семьей солдат так и не обзавелся...

Удалось нам заполучить и фотографию Петра Евгеньевича. И вот, глядя на нее, один из авторов очерка, участник войны, вдруг припомнил, что когда-то встречался с этим сержантом. Да, встречался!

А было это так. Наши части только что заняли один из польских городов. Солдаты зашли в богатый особняк и стали устраиваться на ночлег. Не успели расположиться поудобнее, как в комнату вбежал сержант-сапер. Не обращая внимания на присутствие старших по званию, он закричал:

— Уходите отсюда скорей! Здание заминировано!..

Дом вмиг опустел. А через какие-нибудь пять-шесть минут раздался оглушительный взрыв.

Кто-то попытался тогда разыскать сапера, чтобы поблагодарить и узнать, как все это произошло, но он уже ушел вперед. Как потом выяснилось, саперы обнаружили в доме большую мину с часовым механизмом, но извлечь ее быстро не удалось; мина была зацементирована в фундаменте здания...

...Бывают и такие встречи... Через годы узнается фамилия человека, который спас сорок солдатских жизней, всегда шел впереди, оставляя за собой надписи на домах и заборах краской или просто мелом: «Разминировано. Долматов».

ДОЛМАТОВ Пётр Евгеньевич, род. в 1915 в с. Нежежино ныне Белинского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. Работал в колхозе бригадиром. В Кр. Армии и в боях Вел. Отеч. войны с окт. 1941.

Ком-р отделения 21-го гв. инж.-сап. батальона (35-я гв. инж.-сап. бригада, 69-я армия, 1-й Белорус. фронт) гв. ст. сержант Д. 2.8.44 под сильным обстрелом совершил на пароме 10 рейсов через р. Висла у нас. пункта Казимеж-Дольны (Польша), переправив без потерь воен. технику людей и грузы. 23.10.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 13.01.45 близ нас. пункта Облясы, 7 км юго-зап. Пулавы, под враж. огнем Д. снял 19 мин и обозначил проходы в заграждениях пр-ка. 15.02.45 нагр. орд. Славы 2 ст. На подступах к г. Лебус, 7 км сев. г. Франкфурт (Германия), 16.4.45 под арт. и ружейно-пулемет. огнем гитлеровцев проделал проходы для танков в минных полях, после чего сопровождал их до выхода на рубеж атаки. 31.5.45 нагр. орд. Славы 1 ст. В 1945 демобилизован. Работал в дер. Каменка Узловского р-на Моск. обл., затем пред. сельсовета в Тульской обл. Нагр. орд. Отечественной войны 2 ст., Красной Звезды и медалями. Умер в 1947.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 58-69.

1. В предгорье Кавказа

Фронтная солдатская дорога Андрея Яковлевича Дырова взяла начало на Северном Кавказе в 1942 году. Когда 389-я стрелковая дивизия заняла оборону по правому берегу реки Терек, неподалеку от Грозного, сержант Дыров был тогда командиром расчета «сорокапяток» (45-мм пушек). Гитлеровцы до десяти раз в день атаковывали позиции дивизии, стремясь прорвать линию обороны. И на

этой дороге на долю артиллериста выпало все, что выпадает солдату на войне. Форсировал реки, уничтожал своими пушками вражеские танки и самоходки, был ранен, держал оборону, наступал. Делал это днем и ночью, зимой и летом. И так с весны 1942-го до мая 1945 года.

...Орудийный расчет занимал огневую позицию на важнейшем направлении обороны дивизии. Именно сюда немцы и двинули свои танки. С рассветом на линию обороны «навалилась» авиация, на позиции артиллеристов гитлеровцы обрушили ураганный артиллерийский огонь. Потери были большие. Погиб командир батареи, часть орудий вышла из строя, санитары выносили раненых...

А теперь еще лавина фашистских танков, набирая скорость, ведя прицельный огонь, устремилась вперед. Казалось, что эта чудовищная сила сомнет все, что еще осталось в живых.

Артиллеристы приняли бой. Это был невиданный бой трех «сорокапяток», трех боевых расчетов с превосходящими силами противника. Содрогалась земля, в воздухе стало тесно от огня и металла. В первые же минуты этого неравного боя был убит командир первого расчета сержант Стародубцев. А фашистский головной танк несся на это орудие. Дыров бросился к соседям.

— Стреляй! — крикнул. Дырову заряжающий Зима. Танк двигался с такой скоростью, что через минуту мог смять пушку. Дыров, не торопясь, послал снаряд навстречу стальной глыбе со свастикой на борту. Машина резко остановилась, как бы удивляясь смелости солдата. Секунда, вторая — и она вертится на месте, черный дым повис над башней. Фашисты выскочили из танка, стали сбивать пламя с горящей громады. Автоматная очередь бросила их к мертвым гусеницам танка. Но бой еще не кончился, он принимал все более ожесточенный характер. Артиллерия фашистов, не умолкая, била по позициям «сорокапяток». У орудия в живых остались Дыров и заряжающий Селезнев. Гитлеровские танки снова-наползают на героев-артиллеристов. Селезнев кричит:

— Дыров! Бьем гадов! До последнего! Давай!

Дыров ответил снарядом «в лоб» танку. Танк вздрогнул, но продолжал мчаться вперед, поливая свинцовым огнем пушкарей. Третий снаряд в борт! Теперь конец: горит!

Пыль, пот, гарь слепят глаза. А из дыма показываются новые бронированные чудовища.

Вражеский снаряд разбил щит орудия, осколками ранен Дыров. Он оглянулся и увидел — Селезнев лежит, уткнувшись головой в ящик со снарядами. В вытянутой правой руке зажат снаряд...

Один! Один против нескольких танков! Пусть один! Пока бьется сердце, он будет стрелять, стрелять, стрелять!

Стих неумолчный грохот боя. Фашисты, понеся большие потери, откатились назад. Советские войска готовились к решительному наступлению. Боевые товарищи провожали в последний путь павших на поле брани, Дыров поцеловал в лоб мертвого Селезнева, сказал:

— Браток, мы сделали, что могли. Прощай! — На глазах блеснули слезы и перехватило дыхание...

Командир дивизии снял каску, подошел к Дырову.

— Наши герои-артиллеристы выполнили свой священный долг перед Родиной. Они завещали нам драться и побеждать.

Вынул из полевой сумки орден Красной Звезды.

— Сержант Дыров! От имени Родины и советского народа вручаю Вам орден!

Приколов к гимнастерке боевую награду, комдив пожал руку сержанту.

— Желаю боевой удачи! Хочу видеть тебя, Дыров, в Берлине, когда будем праздновать нашу победу!

Слова комдива стали пророческими. Дыров воевал до дня Победы и отпраздновал его в Берлине.

2. На Сандомирском плацдарме

Всю войну уроженец села Лягушовка Чембарского (ныне Белинского) района находился на передовой. Освобождал Украину и Польшу, форсировал Вислу, удерживал плацдарм у Сандомира, форсировал Нейсе и Одру, добивал фашистского зверя в его берлоге. Трудно подсчитать, в скольких боях побывал отважный солдат, сколько раз обманывал злую старуху — смерть!

Но бой на Сандомирском плацдарме Андрею Яковлевичу запомнился на всю жизнь. И все так свежо в памяти, как будто происходило только вчера.

...Бой разгорался. Били пушки, строчили пулеметы, землю перепахивал металл. Тучи пыли и дыма висели над полем боя.

Десятки вражеских танков, самоходок рвались к позициям советских воинов. Гулкие разрывы бомб, рев самолетов придавали этой картине боя черты законченного ада.

Артиллеристы расстреливали стальные чудовища фашистов в упор — прямой наводкой. Но гитлеровцы перестали считаться с потерями, перли

и перли вперед, хотя поле боя покрыто зловещими черными кострами. У орудий осталось всего по два-три бойца. Командир батареи сам вел огонь по фашистам, не отрываясь от прицела окровавленный, перебинтованный Дыров. Метрах в двадцати от пушки загорелся еще один немецкий танк. И тут же тревожный выкрик подающего снаряды Глотова.

— Танк!

Обернувшись, Дыров увидел в десяти шагах от себя еще одну вражескую машину, даже почувствовал жар раскаленного металла.

— Огонь!

Танк клонул стволом и, словно подавился дымом, заглох. Дыров смахнул холодный пот с лица, длинно выругался:

— Тут тебе и могила...

Орден Славы первой степени украсил грудь Андрея Яковлевича.

Никогда не забывал старший сержант Дыров напутственных слов командира батареи, провожавшего его на вокзал. Не забывал и трогательно прощания с однополчанами. Сколько трудных солдатских дорог прошли вместе! Сколько боевых друзей потеряли на этих дорогах!

А вот сейчас расстанутся, горькие мужские слезы оросили лица солдат. Дыров вошел в вагон, вслед донесся голос командира расчета Пятакова:

— Андрюша, не забывай! Живи счастливо!

Паровоз, набирая скорость, приговаривал: «Домой, домой, домой пора! Домой, домой, домой пора!»

Андрей Яковлевич проводил глазами перрон, присел, достал кيسет с махоркой, свернул самокрутку, глубоко затянулся. Скоро будет дома... В семье... Как они там! Ведь почти четыре года прошло!

Соседи по купе затянули песню: «Давно мы дома не были...» И совсем растаял солдат.

Время в дороге тянется — ужас как. Будто в сутках стало не 24 часа, а все 72! Наконец, улыбающийся проводник объявил:

— Подъезжаешь, собирайся, солдат!

Сердце застучало сильнее. Закинул вещмешок за плечи, взял в руки чемодан. Пассажиры расступились в проходе, давая дорогу воину: пусть первым выйдет из вагона.

Паровоз медленно подходил к перрону. Звуки оркестра несли мелодии марша.

Город встречал солдата-победителя...

ДЫРОВ Андрей Яковлевич, род. 15.9.1903 в с. Лягушовка ныне Белинского р-на Пензен. обл. Русский. Окончил 2 класса. Был продавцом в магазине г. Фергана. В Кр. Армии в 1925-27 и с 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с авг. 1942. Ком-р расчета 45-мм пушки 1279-го стр. полка (389-я стр. див., 38-я армия, 1-й Укр. фронт) ст. сержант Д. 16.01.44 близ

с. Зозово (40 км сев.-вост. г. Винница), отбивая контратаку врага, с открытой огв. позиции поразил 4 пулемета, до взвода жив. силы пр-ка и автомашину, в результате чего заставил враж. пехоту залечь, а затем отойти. 11.02.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Ст. сержант Д. (тот же боев. состав, 3-я гв. армия, 1-й Укр. фронт) 13.7.44 при прорыве обороны пр-ка на рубеже г. Луцк — г. Горохов (Волын. обл.), командуя расчетом, прямой наводкой подавил 3 пулемета, а в период преследования пр-ка — противотанк. орудие; 14.7 под нас. пунктом Порванче, 20 км зап. р. Стырь, вместе с бойцами уничтожил 2 БТР и св. 10 гитлеровцев. 10.11.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 14.01.45 Д. в бою за нас. пункт Домашевичи (Польша) обнаружил на его окраине скопление враж. пехоты и арт. огнем поразил до 10 солдат и офицеров. При подходе к нас. пункту Слопец-Шляхецки, 14 км юго-вост. г. Кельце (Польша), а затем в уличных боях подавил 3 огн. точки, истребил много живой силы пр-ка. После того как выбыли из строя все номера расчета, один вел огонь из орудия по враж. пехоте, уничтожив св. 10 солдат. 27.6.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

После демобилизации в сент. 1945 жил в Фергане. Работал плотником. Нагр. орд. Красной Звезды, медалями. Умер 5.9.1977.

Лит.: Кургузов И.П. Солдатская доблесть. Ташкент, 1970. С. 149-154.

С гордостью шел на воинскую службу учитель из пензенского села Александр Егоркин! Было это осенью 1939 года. Направили в танковый полк в Забайкалье. Быстро входил в армейскую жизнь, старался не отставать от опытных бойцов танковой части, освоил специальность связиста. На учениях показывал высокое воинское мастерство.

В июне 1941 года часть, в которой он служил, подняли по тревоге, погрузили в железнодорожные эшелоны, и покапали танкисты на запад! А когда эшелоны разгрузились, над станцией появились самолеты с черными крестами на крыльях. Каждый понял — война.

Боевое крещение Александр принял под городом Лепель. При переправе через реку получил тяжелое ранение и надолго оказался в госпитале. Только в 1943 году вернулся на фронт.

Меня зачислили в кавалерию, — рассказывал Александр Васильевич, — в часть с богатыми боевыми традициями. Это была 6-я гвардейская кавалерийская дивизия, входившая в 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Дивизию эту создавал еще Александр Пархоменко в 1920 году. Она прославилась во многих боях с белогвардейцами и иностранными интервентами. В Великой Отечественной — с первых дней. Участвовала в Сталинградской битве. Я как-то сразу вошел в семью кавалеристов. Определили меня во взвод конной разведки.

— Нас, кавалеристов, — вспоминал Егоркин, — как правило, использовали в наступательных операциях. Дивизия вводилась в прорыв, и мы давали фашистам жару. Страшны были мы для врага и во время рейдов по его тылам. Особенно успешны были наши действия в составе конно-механизированных групп.

Александр Егоркин как кавалерист участвовал в боевых операциях с сентября 1943 года на Смоленщине и при освобождении восточных районов Белоруссии. Тогда дивизия, в которой он воевал, была удостоена ордена Суворова II степени.

— Разведчики в кавалерии действуют, как и в других частях, всегда впереди наступающих, — рассказывал Александр Васильевич. — Они и «языков» захватывали. Мы, кавалеристы, брали сразу по несколько «языков». Обычно действовали внезапно и решительно. Проникая в тыл противника, налетали на небольшие группы солдат. Один вид летящих на конях с обнаженными шашками всадников приводил их в ужас и замешательство. Страшно боялись гитлеровцы сабельных атак.

Героически действовала 6-я гвардейская кавдивизия в составе конно-механизированной группы во время Белорусской операции в полосе наступления 3-го Белорусского фронта. Введенная в прорыв утром 24 июня 1944 года, она прошла с боями свыше 700 километров, участвовала в освобождении городов Молодечно, Лида, Гродно. За образцовое выполнение боевой задачи в боях за освобождение Гродно 16 июля дивизия удостоилась почетного наименования Гродненской.

В боях за Гродно отличился и взвод конных разведчиков, в котором воевал Егоркин.

— Под Гродно наш взвод на рассвете ворвался в деревню Алексиничи и столкнулся там с конной группой противника, — вспоминал Александр Васильевич. — Когда заметили гитлеровцев, командир взвода скомандовал: «Шашки к бою!» И пошли рубить. В конном строю перемешались с врагами. Порой рубить и стрелять было невозможно. Тогда фашистов стаскивали с коней и бросали под ноги лошадям. Схватка продолжалась минут тридцать.

За отважные действия при освобождении Гродно все разведчики были отмечены орденами и медалями, а А.В. Егоркин награжден первым орденом Славы.

Во время освобождения Гродно 3-й гвардейский кавкорпус входил во 2-й Белорусский фронт. В его составе кавалеристы участвовали в боях при проведении Восточно-Прусской и Восточно-Померанской операций, в Берлинском сражении.

Памятен Александру Васильевичу один бой в Восточной Пруссии. 14 января 1945 года войска фронта перешли в наступление и прорвали оборону противника. 17 января в прорыв были введены кавалеристы в направлении города Алленштайн.

— Преимущество кавалерии состояло в том, что ей под силу были любые дороги и погода, — пояснял Александр Васильевич. — Высокая подвижность и маневренность позволяли нам наносить по противнику внезапные и сильные удары. Ведь дивизия имела мощное вооружение. В ее состав кроме четырех кавалерийских полков входил танковый полк, два отдельных конно-артиллерийских дивизиона. Да и в полках имелись артиллерийская и минометная батареи, много пулеметов и противотанковых ружей. Мы буквально влетели в Алленштайн. Наш взвод в числе первых прорвался к эшелонам и автоматным огнем скопил несколько десятков вражеских солдат. Тут же спешили конники полков и начали бить фашистов из всех видов оружия. Внезапность удара внесла панику во вражеский стан. Только когда подошли новые части, противник усилил сопротивление. Но и к нам прибыло подкрепление. Разгром противника получился полный.

В феврале кавалерийский корпус нанес новый мощный удар по противнику в районе города Нойштеттин и захватил его.

— Во взятии этого города, — рассказывал Егоркин, — тоже сыграли главную роль стремительность и внезапность. Кавалеристы обошли город с флангов и тыла и ударили со всех сторон. Гарнизон в Нойштеттине был большой. Гитлеровцы сопротивлялись упорно.

За взятие Нойштеттина многие кавалеристы получили награды. Командир отделения А.В. Егоркин был удостоен второго ордена Славы.

Во время прорыва гитлеровцев из района Хайльсберга на Эльбинг вновь отличились кавалеристы.

— В тот день стояла непогода, — вспоминал Александр Васильевич. — Крутила метель. Ветер порой достигал ураганной силы. В этих условиях кавалеристы как снег на голову свалились на гитлеровцев. Все контра-таки противника были отбиты с большими для него потерями.

В бою отличилось и отделение разведчиков во главе с Егоркиным. Пользуясь ненастьем, они устроили засаду и захватили в плен десятых солдат.

После завершения Восточно-Померанской операции дивизии кавкорпуса вышли к Одре, форсировали ее. За Одрой в полосе 48-й армии корпус был введен в прорыв с задачей выйти на Эльбу. На этом пути кавалеристам пришлось вести немало боев. 1 мая 1945 года кавалерийский полк завязал бой за населенный пункт Бредерайхе. Командир полка приказал разведчику Егоркину связаться с головной походной заставой эскадрона и доложить обстановку. Пришпорив своего гнедого, Александр умчался. Недалеко от населенного пункта наскочил на заслон противника. Гвардеец не растерялся. Огнем из автомата он сразил двоих гитлеровцев, а шестерых взял в плен.

На следующий день кавполк вел бой за деревню Небылин. И в этом бою Егоркин проявил отвагу и находчивость. Следуя с группой разведчиков впереди эскадрона, он устроил засаду на перекрестке дорог. Когда на дороге показались две легковые машины, разведчик преградил им путь и заставил гитлеровцев сложить оружие. В тот же день он уничтожил вражеский пулемет, который из засады обстрелял разведгруппу.

«На всем протяжении боев от Одера до Эльбы успешно выполнял все приказы командира. Достоин награждения орденом Славы I степени», — записано в наградном листе А. В. Егоркина.

2 мая 1945 года передовые подразделения кавкорпуса вышли на Эльбу в районе северо-западнее города Виттенберг. Здесь и закончил свой боевой путь полный кавалер ордена Славы А. В. Егоркин.

Демобилизовался Александр Васильевич в декабре 1945 года по состоянию здоровья. Сказывались фронтные раны. Остановился на постоянное жительство в городе Куйбышеве. До ухода на пенсию трудился на заводе в должности заместителя начальника отдела. Там и нашел его третий орден Славы.

ЕГОРКИН Александр Васильевич, род. 29.9.1918 в с. Пиксанкино Шемьшейского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил Пензен. пед. техникум. Был учителем нач. классов в Бердском зерносовхозе Новосибир. обл. В Кр. Армии с 1939.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июля 1941. Разведчик взвода разведки 28-го гв. кав. полка (6-я гв. кав. див., 3-й гв. кав. корпус, 2-й Белорус. фронт) гв. рядовой Е. 25.6.44 в составе взвода зап. г. Богушевск (Витеб. обл.) участвовал в атаке группы пр-ка численностью до 100 чел., в результате чего она почти полностью была уничтожена и пленена. 27.7.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 26-27.01.45 в бою у нас. пункта Громау (6 км сев.-вост. г. Вартенбург, Барчево, Польша) заменил вышедшего из строя ком-ра отделения и с бойцами отразил враж. контратаку; в бою за г. Вартенбург уничтожил расчет миномета пр-ка. 19.02.45 нагр. орд. Славы 3 ст., 1.10.68 перенагр. орд. Славы 1 ст. 1-2.5.45 в р-не нас. пункта Небелин (9 км сев.-зап. г. Перлеберг, Германия) ком-р отделения Е. вместе с бойцами захватил 2 легковые автомашины и др. трофеи, подавил ручной пулемет и вывел из строя неск. враж. солдат. 28.5.45 нагр. орд. Славы 2 ст.

В дек. 1945 демобилизован. Живет в г. Самара. Работал зам. нач-ка отдела комплектации на з-де «Гидроавтоматика». Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями.

Лит.: Роцин И. И. Солдатская слава. М., 1988. Кн. 7. С. 80-82.

Наступление продолжается

Аббасу Измайлову подходил срок призыва в Красную Армию. Кончив курсы трактористов, он работал и не думал, что его специальность так пригодится на войне: в армии он стал водителем самоходной артиллерийской установки. Товарищи были другие, разных национальностей, земляков не встречалось, но все были такие же хорошие и верные, как и в своем колхозе, в Большом Труёве (ныне Кузнецкого района). Вместо бригадира — командир батареи. А поля и даже жаворонки — от пензенских не отличишь. Только за гусеничной машиной Измайлова не поднимались черные пласты земли, не было на прицепе комбайна, в бункер которого стекало бы полновесное зерно.

Как-то незаметно для Измайлова тактические учения под городом Луцком перешли в боевые действия. Самоходно-артиллерийский полк числился в резерве Главного командования. Но в резерве не стоял, его беспрерывно бросали с одного на другой участок фронта, в самые трудные, прорывные места. Выручая других, самоходчики часто сами попадали в тяжелые положения. Несли потери, не теряли только своего знамени, а знамя цело — часть существует, хотя бы в лице одного знаменосца. Полк пополнялся и участвовал в боях до полной победы.

Самоходная установка в то время была новым видом артиллерийского вооружения. Ее преимущество — высокая проходимость и маневренность, независимость от тяги и зарядных ящиков. Но СУ не могла вести огонь с закрытых позиций и по сравнению с танком была более уязвима. В какой-то мере броней был защищен только водитель.

Четыре человека экипажа на личном вооружении имели наганы. Попробуй отбиться ими от пехоты противника, прорвавшейся к самоходке. Поэтому находчивые экипажи сами вооружались трофейными автоматами, пулеметами, ящиками гранат. Как ни скупы были конструкторы на габариты самоходки, экипажи находили в них местечки для хранения дополнительного оружия. Экипаж, в который входил Измайлов, пристроил на своей машине даже зенитный пулемет, и не раз отбивался от штурмующих фашистских самолетов. Этот маленький подвижный гарнизон, под командованием молодого офицера, был грозой для немецких танков, дотов, дзотов и других огневых точек.

Несведущему обязанность водителя самоходки может показаться незначительной, не очень боевой, чем-то вроде обязанности ездового или шофера. Но это не так. Его дело — вовремя подоспеть, вовремя уйти из-под удара, выбрать путь подхода к позиции, поставить установку так, чтобы вы-

годный был обзор и обстрел. У СУ-76 углы поворота ствола ограниченные, по горизонтали всего 45°, а остальные 315° подай водитель. Большого умения это требовало. Эти обязанности и выполнял в расчете Измайлов.

В каком-то лесу, название которого уже забылось, пехотной части грозило окружение. Только успели бросить ей на помощь несколько самоходок, как кольцо окружения замкнулось. Машины метались по лесу, отбивая натиск немецких танков по всем направлениям. Оборона держалась несколько дней. Люди начали голодать. Помощь не могла пробиться к окруженным. Пробовали с самолетов сбрасывать продукты, но они попадали к немцам: такой маленький и с постоянно меняющимися очертаниями клочок земли удерживали советские бойцы.

Пока оставались еще силы и боеприпасы, решили, не надеясь больше ни на что, прорываться из смертного кольца. Измайлов вложил в бой все свое мастерство водителя. Его самоходка была неуловима для вражеских прицелов. Сделает несколько верных, «притертых» к цели выстрелов, отскочит на новую огневую позицию и бьет уже с другого направления. Застрянь где-нибудь на сложнопересеченной местности, откажи на минуту мотор, и немецкие снаряды разнесли бы самоходку. Таким беспощадным был тот бой, за который наградили Измайлова медалью «За отвагу».

Вскоре Главное командование бросило полк на защиту Ленинграда. Батарею СУ выдвинули в прикрытие переднего края. Самоходной пушке незачем без дела на огневой позиции торчать, противнику в глаза лезть. Экипаж подготовил позицию, и Измайлов оттянул пушку метров на сто в тыл, в укрытие. В случае сигнала танковой опасности, несколько секунд — и самоходка на огневой точке.

Принесли обед, и артиллеристы с котелками расположились около своей пушки. Кто еще и ложки не успел ко рту поднести, как их накрыл минометный залп. Оглушило, обожгло, ударило взрывной волной. Бросились к самоходке. Мотор завелся сразу. Несколько десятков метров провел Измайлов машину и почувствовал, что не действует на педали нога. Потрогал ногу: полон сапог крови. И тогда только, как током, ударила по ноге и всему боку невыносимая боль. Пришлось уступить водительское место командиру установки.

Два с половиной месяца передвигался Измайлов на «березовых гусеницах» — клюшках. Лечился в полковой санчасти, боялся, если в тыл отправят, вернуться к товарищам будет трудно. И командованию полка было жаль потерять отличного водителя. Так ни разу и не выбывал Измайлов из своей части.

Линия фронта подошла к Новгороду. На железнодорожной станции скопились немецкие эшелоны, подготовленные для отправки на Запад. Две самоходки получили особое, по характеру танковое, задание: прорваться на станцию и любыми способами задержать отправку эшелонов. Успех операции опять решала быстрота действий. Первым кандидатом на такое задание была машина с водителем Измайловым.

Появление на станции двух советских самоходок вызвало у немцев переполох. Раз уж пушки на станции, где же тогда танки и пехота! — первое, что пришло в головы растерявшихся немцев.

А самоходки тем делом сновали по станции и на ходу расстреливали паровозы: без тяги поезда никуда не уйдут.

Оставив станцию, выскочили на какую-то улицу. Впереди церковь. На паперть вывалилась толпа фашистов. Измайлов по переговорному устройству передал наводчику: «Бей!». Снаряд разорвался в двери. Немцы пытались выбраться через боковой выход, но по нему открыла огонь вторая самоходка. Из окон храма не выскочить, они высоко и с железными решетками. Скоро подоспела десантная пехота и окружила набитую немцами церковь. Они, как выяснилось, устроили там казарму и на многоярусных нарах, в тиши, за толстыми стенами, проспали налет на станцию советских самоходок.

С этого смелого рейда Измайлову и «пошел» орден Славы степень за степенью. Боевых доблестных дел было не счесть. В карточке взысканий и поощрений не хватало места для одних только благодарностей Верховного Главнокомандующего.

Волной катился фронт на запад, сокрушая гитлеровскую армию. Однако ожесточенность боев не шла на убыль. Враг отчаянно сопротивлялся, цепляясь за каждый водный рубеж, населенный пункт, отдельное строение.

На реке Одре советские войска навели понтонную переправу. Огнем подавили немецкую оборону на небольшом участке, прилегающем к переправе на противоположном берегу. Не могли только ничем взять ферму, превращенную в настоящий форт с пулеметами и пушкой. Несколько каменных строений было так расположено, что с правого берега настильным огнем не достать, а артиллерии с навесным огнем поблизости не оказалось. По понтонному мосту движение свободное, а из-под береговой кручи показаться нельзя. Пехота несла потери, подбита одна самоходка. В узкие амбразуры, проделанные в каменных стенах, снарядам с ходу трудно попасть. С гранатой не подползти: светло, и место вблизи фермы ровное, как футбольное поле. Да еще и нужно гранатой в амбразуру угодить, а их не одна. Стены же не только граната, а и снаряд не берет

И тогда из-под кручи вынеслась на полном газу самоходка, управляемая Измайловым. Ничего хитрого придумать не удалось, просто расчет был на мастерство водителя и наводчика, младшего сержанта Дрягина. Выстрел на ходу, второй, третий... Одна за другой смолкли вражеские амбразуры, но немецкая пушка успела подбить самоходку, следовавшую за Измайловым. А сразу после фермы, в селе попали под пулеметный огонь. Но весь расчет сразу уничтожили.

Потом погиб наводчик Дрягин. Угодил-таки и немецкий снаряд в самоходку. Пришлось экипажу переходить на четвертую по счету машину. Убит был командир установки лейтенант Лебедев. Тяжело досталась самоходчикам Одра.

Многие воины вели счет уничтоженных ими лично фашистов и боевой техники. Как известно, была даже своеобразная «бухгалтерия»: снайпер на прикладе винтовки зарубки делал, артиллерийский наводчик на стволе или щите пушки условными значками уничтоженные танки, пуш-

ки, пулеметы отмечал. Рассказывали, даже один повар на походной кухне крестики ставил по числу убитых им в рукопашной схватке гитлеровцев.

Измайлов не вел такого учета. Он был членом совместно действующего экипажа, тем более сам из пушки не стрелял. А все же и у него было свое оружие, которое он применял лично — это гусеницы и многотонный вес самоходки. Но так и осталось неизвестным, сколько же водители самоходок сплющили гусеницами своих машин живой силы, пушек, минометов, пулеметов, автомашин.

Измайлов даже подобную своей немецкую самоходку придавил. Как-то, израсходовав все боеприпасы, отходили к пункту боепитания. На развороте в боевой сумятице чуть не столкнулись с немецкой самоходкой. Обнаглев или одурев, она газовала в глубину расположения советских войск. Измайлов пристроился ей в хвост. У немцев все внимание вперед. Чувствуют, по пятам идет машина, думают — своя. Один бы снаряд советским самоходчиком! Но снаряда не было. Измайлов пошел на таран: стальной грудью своей машины врезался в зад немецкой пушки и разорвал у нее гусеницу. Остальное «довели» до нормы гранатами наводчик с заряжающим.

Самоходный артиллерийский полк с частями 1-го Украинского фронта в охват Берлина с запада вышел к городу Бранденбургу. В его окрестностях, по словам освобожденных пленных, находился действующий немецкий аэродром. Полк уже имел боевую задачу, но командир решил не упускать случая и выделил для удара по аэродрому три машины — больше не мог.

В этом сложном и рискованном рейде участвовал и Измайлов.

Операцию проводили ночью. Приказано было, по возможности, обойтись без лишнего шума, чтобы самолеты не успели подняться в воздух и не подоспели сухопутные немецкие войска. Иначе трем самоходкам недобровать.

Добрались до аэродрома благополучно. Впотьмах охрана не сразу распознала наши пушки. Паника и бестолковая ружейная стрельба поднялась только, когда самоходки начали утюжить землянки с летным составом: летчики могли поднять самолеты в воздух, или с земли пустить в ход самолетные пушки и пулеметы. Три землянки обрушил Измайлов и для верности притрамбовывал их — попробуй тут какой-нибудь учет вести! Уцелевшим на аэродроме фашистам осталось только кресты на бывших землянках поставить. После этого самоходчики принялись крушить самолеты. По семи или восьми хвостам истребителей прокатил Измайлов гусеницами. Вот когда он отыгрался на своем злейшем и недостижимом для самоходок враге!

Орден Славы первой степени Измайлову вручили после войны. За какую операцию, он не знает, но предполагает, что за разгром аэродрома.

Из-под Берлина Измайлов с полком совершил бросок на выручку Праги. Потом год служил сверхсрочно и в 1946 году демобилизовался.

Тепло проводжала часть боевого водителя, кавалера ордена Славы «и еще пяти орденов», как говорил командир полка. Он имел в виду ордена, которыми был награжден полк: Красного Знамени, Кутузова, Александра

Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды. Приколотые к знамени полка, по праву считались они и наградой старшины Измайлова.

Война кончилась, наступил мир. Распушены Украинские, Белорусские и другие фронты. Но пополнились, шире развернулись созидательные фронты народного хозяйства и героика фронтовиков нашла свое продолжение. Разве мало мобилизовано воли, затрачено физических сил, пережито А.Х. Измайловым, чтобы достичь тех больших преобразований в родном селе, какие произошли за два десятилетия.

Долго личных заслуг во всем этом бывшего фронтовика, потом тракториста, бригадира тракторной бригады, колхозного бригадира, управляющего отделением совхоза Аббаса Халиулловича Измайлова по-снайперски, зарубками на прикладе не покажешь. Нужна добрая книга.

* * *

А.Х. Измайлов скончался 5 января 1992 года. В течение 20 лет он руководил Большетруёвским отделением совхоза «Евлашевский», а, уйдя на пенсию, трудился в мастерских слесарем по ремонту сельскохозяйственной техники. Почти сорок лет ветеран являлся бессменным депутатом сельского Совета народных депутатов, часто встречался с молодежью. Вместе с женой Танзылей Муталибовной они вывели в люди четверых детей, занимались и воспитанием двенадцати внуков...

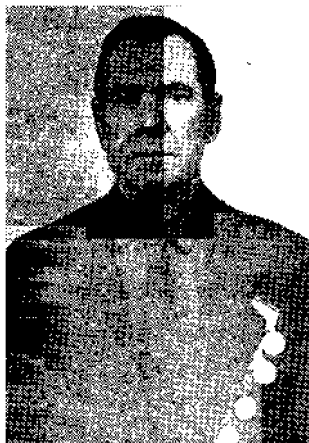
ИЗМАЙЛОВ Аббас Халиуллович, род. 15.9.1920 в с. Б. Труёво ныне Кузнецкого р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Татарин. Член КПСС с 1944. Окончил 7 классов. Был трактористом в колхозе. В Кр. Армии с 1940.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июня 1941. Наводчик орудия 1433-го отд. самоход. арт. полка (120-я стр. див., 59-я армия, Ленингр. фронт), сержант И. 28.01.44 при отражении контратаки пр-ка у нас. пункта Высоко-Ключевое (10 км юж. г. Гатчина, Ленингр. обл.) из автомата скосил 8 гитлеровцев, а затем уложил еще 3 в рукопашном бою. 15.02.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Наводчик танк. пушки ст. сержант И. отличился в бою 15.3.44 под м. Вайвара-Кириин (16 км зап. г. Нарва). Когда танк был подбит и ком-р погиб, он под огнем вывел машину из боя и спас жизнь раненым членам экипажа. 5.4.44 нагр. орд. Славы 2 ст. Наводчик орудия того же самоход. арт. полка (6-й гв. мех. корпус, 4-я танк. армия, 1-й Укр. фронт) И. 15.01.45 в р-не нас. пункта Пословице (6 км сев.-зап. г. Кельце, Польша), стреляя из засады, поджег враж. танк, вместе с товарищами отразил 2 контратаки, вывел из строя много живой силы и техники пр-ка. 10.4.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1946 демобилизован. Жил в родном селе, работал в совхозе. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями. Умер 5.01.1992.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 70-79; Лобода В.Ф. Солдатская слава. М., 1963. Кн. 1. С. 127.

Три эпизода

Двое в безбрежной Сальской степи. Поздний ноябрь, Темная ночь. Валит мокрый, липкий снег. Двое только что выбрались из затянутой тонким льдом реки. Мокрая одежда леденит тело, сковывает движения. Кругом озлобленный неудачами враг. То и дело из темноты слышатся его голоса, шум моторов, стук колес. Мелькают затаенные синие огоньки зашторенных фар. А их, советских сержантов, всего двое, казалось, на всю степь. На двоих один наган с одним патроном. И самое страшное, но пока

неосознанное: разногласие. Командир орудия Ильин намного старше товарища по годам; он настаивает идти направо. Помкомвзвода Савельев старше Ильина по должности предлагает идти налево. Никаких веских доводов ни у того, ни у другого нет. Руководствовались каким-то чутьем. Никаких ориентиров не видно. Стран света не определить. А определишь, не поможет: в какую сторону до своих ближе — неизвестно. Линия фронта сломалась: ее не было.

Окружали котельниковскую группировку войск генерала-фельдмаршала Манштейна, рвавшуюся на выручку своему коллеге Фридриху Паулюсу под Сталинградом. Сержанты были из кавалерийского полка. Под натиском танков, неся большие потери, полк отошел. 45-миллиметровая пушка Ильина осталась в прикритии. Когда кончились снаряды, и пришло время отходить, стемнело. Артиллеристы потеряли брод, по которому переходили днем. Начали переправляться наугад и попали под минометный огонь. Лошади перебиты. Пушка утонула. Выбрались на берег только двое.

Они теперь не знали даже, где оставили реку. То там, то здесь вспыхивали слабые зарницы, доносился легкий артиллерийский гул. Но все было очень далекое и какое-то неверное, обманчивое. И сами сержанты, облепленные снегом, стали призрачными. Они не горячились. Коротко и тихо высказывали свои убеждения и не соглашались друг с другом. Не договорились ни до чего. Говорят, человек в полной темноте, как бы ни старался идти по прямой, на пятнадцатом километре замыкает окружность влево по ходу движения. Возможно, они уже шли в направлении, обратном первоначальному: приходилось несколько раз отскакивать в стороны, чтобы не столкнуться с немцами. Шли неуверенно, замедляя шаги и косясь друг на друга. К обоим приходит страх одиночества и какое-то еще смутное чувство укора совести: что вы делаете, опомнитесь, пока не поздно! Вы же солдаты, советские люди. Вы испытали, как плохо оставаться двоим, еще хуже будет одному...

И сержанты, как по команде, повернули друг к другу. Пошли плечо к плечу, не выбирая направления. Впрочем, недолго — справа донесся железный грохот танков. Повернули на шум — танки могли быть своими. Но вскоре шум, постепенно удаляясь, замер. Слева взвилась ракета. Свет слабенький: или слишком далеко, или не мог пробиться сквозь снежную пелену. Пошли на ракету. Надо было двигаться, чтобы не замерзнуть.

Трое суток кружили по открытой степи. Укрывались в валках прибитой ветром сухой травы перекасти-поле. Не было травы — падали плашмя на землю и замирали, пока минует опасность. Намерзший на шинелях снег хорошо маскировал. Всюду только немцы. Ни одной души местного населения. На дороге лежали трупы, разбитая техника и хоть бы одна винтовка с обоймой патронов, полшубок, кусок хлеба. В редких маленьких хуторах — битком немцев. Раз даже пришлось прятаться под машинами, стоящими у хутора. Могли угнать одну из них, но оба не умели водить. Да и куда было ехать по голой и ровной степи. Своих — и признаков нет никаких.

На вынужденных остановках холод деревенил ноги и руки, предательски клонил в сон. Сознание туманилось соблазном заснуть и покончить со всем. Два голоса слышал в себе Ильин. Сладкий и вкрадчивый напевал: «Выхода нет, не мучай себя. Выживешь нынче, завтра еще сильнее пытки будут, а конец один — идет война, смерть тысячами косит». Другой голос, суровый, осуждающий, похожий то ли на голос отца, то ли командира батареи. Он стыдил: «Ты же сильный, немало перенес, выдержал, неужели сейчас сдашься? Вас пятеро братьев. Или ты в чем уступишь им? Они тоже где-то воюют. А сколько горя принесешь матери, попав в списки «пропавших без вести». И уже сам Ильин живо представил себе, как люди на родине, в селе Пяше, спрашивают родственников: «А где же у вас Александр?». И родственники, пожав плечами, отвечают: «Так и пропал без вести». Почему-то эти слова особенно пугали Ильина, о них всякое можно — подумать. Люди будут жить, речка Пяша течь. Даже ласточки-пичужки будут носиться над речкой, много их там. А он, Александр Ильин, человек, будет считаться «без вести пропавшим». Чувствует он, вроде становится теплее, и усталость немного спадает. Он тормозит Савельева. Говорит короткое: «Пошли». Что-то сильное звучит в этом «пошли», такое, что Савельев сразу поднимается. И снова кружили сержанты по степи, пока не встретились, наконец, с тремя своими саперами. У них было задание: разведать развилку дорог и для пробы поставить на ней несколько мин. Они знали путь выхода из вражеского расположения. Пошли вместе. Наткнулись на разбитую авиацией колонну немецких грузовиков, запаслись продуктами.

Около перевернутой машины Ильин поднял совершенно новенькую бритву. Нужна ли, к месту ли была такая запасливость. Может быть, жадность на вещи одолела? Нет, в этом было что-то жизнеутверждающее, еще подсознательная, но уже оптимистическая вера в себя. Заявка на будущее: врешь, судьба, буду жить еще да жить, а бриться нечем, вещмешок со всем солдатским хозяйством на речном дне остался.

Такую четырехдневную историю, до предела наполненную испытаниями всех физических и духовных сил людей, принято называть всего только фронтовым эпизодом. Малая, но какая емкая мера! Нигде и ничем она не отмечена, никого в свое время не поразила. Эко диво какое, на то он и солдат, то ли у него случается, — сказал бы в те годы каждый. И по праву, потому, что каждый тогда был солдатом и нес тяжелое бремя войны, как неизбежный и священный долг. Однако вот так, по «малой мере» фронтовых будней, и рос солдатский опыт, умение воевать, переносить лишения и тяготы войны.

А вот другой эпизод из фронтовой жизни Ильина. Он явился как бы экзаменом на аттестат зрелости солдата и отмечен орденом Славы третьей степени.

Белоруссия — край равнинный и все же там множество холмов или, на языке тактики, — высот. Об одной такой высоте в песне поется: «У незнакомого поселка, на безымянной высоте».

Высота 118 несколько раз переходила из рук в руки. И на самой высоте, и на подступах к ней со всех сторон ежедневно шли ожесточенные бои. Она служила объектом пехотных и танковых атак, целью артиллерийского и минометного огня, ее не обходила и авиация. На высоте не оставалось живого места.

Одним утром, когда высота 118 в ходе боя на какое-то время оказалась на нейтральной полосе, советское командование выдвинуло на нее наблюдательный пункт и артиллерийских корректировщиков. Ильин из огневиков к тому времени перешел в артиллерийскую разведку и командовал отделением. Его с телефонистом и радистом и послали на высоту.

Корректировщики оказались в прямом смысле между двух огней, а, вернее, даже в их центре. Рыть окоп не было ни времени, ни условий, ни большой надобности: устроились в воронке.

Наши войска пока не стремились занимать высоту. Достаточно, что там были свои «глаза» — наблюдатели. Немцы в этом проигрывали, открывали по ней сосредоточенный огонь из всех видов оружия и часто атаковали. Несдобровать бы корректировщикам, действуй они хуже и медленнее. В том и цена высоты заключалась, что с нее, как на ладони, на большую глубину просматривалась немецкая оборона. Ильин и его товарищи засекали огневые позиции и точки противника и передавали по телефону данные своему полку новых тогда 100-миллиметровых орудий. Нарушалась телефонная связь — начинала работать рация. Многие от корректировщиков зависело: от их наблюдательности, глазомера и расторопности, умения оценить обстановку. Сосредоточили немцы огонь по высоте — скорее координаты их огневых точек на провод или в эфир, благо только сейчас их и засекают. Пошла немецкая пехота или танки в атаку — поторапливаем с данными на заградительный огонь. Прорвались немцы на высоту — не задумывайся, вызывай огонь на себя. И в минуты относительного затишья Ильин находил себе дело и крепко досаждал фашистам. Не давал им подвозить на машинах снаряды к укрытым батареям. Мешал выходу танков на рубеж для атаки.

Охотился за наблюдательными пунктами. Свой полк не успевал использовать всех целеуказаний, поступавших от Ильина, «делился» ими с минометными подразделениями и с артбатареями соседних частей.

Если бы все снаряды и мины с обеих сторон и перелетевшие через высоту 118 и опустившиеся на нее, задержались и закрепились на своих траекториях, получилось бы что-то вроде стального моста. А если бы все взрывчатые вещества, потраченные за этот день, заложить под высоту и взорвать, на ее месте осталась бы одна громадная воронка.

А что же вынесли люди на высоте! К ночи они покинули ее. Еле-еле доползли до своей передовой и свалились замертво. «Большое нервное напряжение, многократная легкая контузия, — поставил диагноз полковой фельдшер. — Ничего страшного, легкий шок, отоспятся» И отоспались, залеживаться солдату не время было.

А еще один «эпизод», можно сказать, до сего времени растянулся. Начало его — под Ростовом в марте сорок третьего года. Советские войска успешно наступали. Орудие Ильина двигалось с пехотными боевыми порядками. Свою «сорокапятку» расчет перекачивал вручную. Расстреливали уцелевшие после артподготовки огневые точки. Настроение было на подъеме, самое наступательное. А настроение в бою — первое оружие. На полной пехотной скорости вперед двигались. Настроение попортил отсекающий артиллерийский огонь. Ильина ранило осколком в голову и комом мерзлой земли бок зашибло. Пал немного духом расчет, с темпа сбился: кто бы другой из строя вышел, а то ведь сам командир. Истекая кровью, корчась от невыносимой боли в пояснице, Ильин вместе со стоном выкрикивал:

— Не задерживаться, вперед!.. Меня оставить... Не отставать от пехоты!

Команду принял наводчик — постоянный заместитель. Взяли себя в руки артиллеристы, злость за командира подхлестнула. Готовы были одним махом Ростов взять, и на том же дыхании дальше двинуться. Но пехота вскоре выполнила свою задачу, достигла заданного рубежа. Второй эшелон перекатился через поредевший первый. Пушка ильинцев в некотором затишье оказалась, не у дел осталась. Вернулись ребята и сами доставили Ильина в санбат.

В госпитале выправили Александра Яковлевича, а осколок из головы не смогли извлечь, до сих пор «при себе» его носит. Забывать уже стал о нем, но в последнее время все же дал знать о себе. Правая рука отказала, с речью затруднение. Правда, врачи обещали остановить дальнейшее развитие болезни, восстановить работоспособность руки. Ветеран — крепкого сложения, с твердым характером, и нет сомнения, что и здесь он выйдет победителем.

Домик А.Я. Ильина на Новореволюционной улице — в десяти минутах ходьбы от центра города. К его дому и еще десятку таких же, расположенных на маленьких террасах, нужно добираться крутыми тропками, по земляным ступенькам с деревянными перилами. Но крутые тропки не преграда для всех, кто помнил о своем долге перед героями.

* * *

Народные художники России А.С. Король и Н.М. Сидоров создали немало цветных офортов, посвященных минувшей войне. Среди них есть картина об историческом параде 7 ноября 1941 года и Параде Победы в Москве, портреты Героев Советского Союза А.И. Бородина и В.С. Зикеева. Они навестили полного кавалера ордена Славы А.И. Ильина и подарили бывшему старшему сержанту разведывательного отделения его портрет.

Александр Яковлевич скончался 30 июня 1990 года после тяжелой и продолжительной болезни. Об этом через «Пензенскую правду» известили Ленинский районный Совет народных депутатов, районный отдел внутренних дел, районный военкомат, совет ветеранов войны и труда.

ИЛЬИН Александр Яковлевич, род. 14.8.1907 в с. Пяша ныне Бековского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. С 1925 жил в Пензе. Трудился на стройке. В Кр. Армии с февр. 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с нояб. 1942. Ком-р развед. отделения 492-го истр.-противотанк. арт. полка (8-я отд. истр.-противотанк. арт. бригада, 69-я армия, 1-й Белорус. фронт) ст. сержант И. в боях 26-27.4.44 в 30 км юж. г. Ковель корректировал огонь батареи, участвовал в отражении контратак пр-ка, лично уничтожил св. 10 гитлеровцев. 30.4.44 нагр. орд. Славы 3 ст. В наступат. бою 18.7.44 ст. сержант И. обнаружил враж. КП, к-рый был по его докладу разбит огнем батареи. В тот же день при форсировании р. Зап. Буг (30 км сев.-вост. г. Владимир-Вольнский) трижды переправлялся через реку на подручных средствах, обеспечивая корректировку огня артиллерии. 26.8.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 26-30.4.45 в составе того же полка и бригады (3-я уд. армия, 1-й Белорус. фронт) ст. сержант И. участвовал в боях за Берлин, точно засекая цели и умело корректируя огонь по ним, чем способствовал продвижению пехоты. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 старшина И. демобилизован. Живет в г. Пенза. Работал во вневедомственной охране. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями. Скончался 30.06.1990.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 80-87; Пятков В.К., Белов К.С., Фролов С.С. Третья ударная. М., 1976. С. 243.

Солдатские ордена

До недавнего времени считалось, что среди наших земляков-нижнеломовцев, участников Великой Отечественной войны, только двое являются полными кавалерами ордена Славы. Это Владимир Сергеевич Казуров и Николай Николаевич Рязанов.

И вот сообщение. Пришло оно от жителя Пензы Филиппа Семеновича Орехова, уже не раз писавшего о земляках-воинах. Он сообщил, что по архивным данным числится еще один кавалер ордена Славы всех трех степеней.

Это уроженец села Верхний Ломов Иван Иванович Кадомцев.

Начались розыски героя. В селе проживала мать воина Матрена Михайловна. Она умерла. Нашелся племянник Кадомцева. Он и сообщил нам, что Иван Иванович проживает в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ).

Ответ от самого героя пришел незамедлительно. Он рассказал о себе, о боевых товарищах, их подвигах.

...Трудные военные дороги. Для двадцатилетнего Ивана Кадомцева они начались с памятного 22 июня 1941 года. К началу войны он уже был солдатом, служил в Московском военном округе. Тогда, утром первого военного дня, Кадомцев вместе с другими солдатами был отправлен на фронт и вскоре встретился с фашистами в Белоруссии.

Не забыть всего, что довелось увидеть молодому воину в трудном сорок первом. Тяжелыми фронтовыми дорогами шел разведчик Кадомцев.

Мужество. Чем оно измеряется? На войне — короткой минутой в бою, когда солдат сжимает в кулак всю свою волю в стремлении победить врага, когда успех боя решают секунды. Стремительность, внезапность — главное, чем должен обладать разведчик.

Все это, наверное, и было в том памятном бою. 1944 год. Советские войска, освободив родную землю от фашистских полчищ, продвигались на запад.

Небольшой городок Дойч-Кроне. Отделение Кадомцева получило приказ идти в разведку. Их было восемь. Разведчики знали — немцы пропустят в свой тыл небольшую группу бойцов, чтобы потом отрезать им обратный путь и уничтожить.

Так и было. Пробравшись через немецкую оборону, разведчики ворвались в четырехэтажное здание. Завязался неравный бой, продолжавшийся весь день. В самом здании, занимавшем целый квартал, фашисты установили пулеметы. Свинцовый ураган сыпался из всех окон и дверей, мешая

нашей пехоте занять дом, пробиться к разведчикам, находившимся там же, среди врагов.

Воины не сидели без дела. Они пробивались от одной пулеметной точки к другой, уничтожая их. Сам Кадомцев в этом бою уничтожил два пулемета, шестерых фашистов и четверых взял в плен.

Лишь к вечеру в дом ворвалась рота автоматчиков, а за ними — основные наши силы. И гитлеровцы сдались. Семьсот немцев было взято тогда в плен. Но и разведчики не досчитались двух своих товарищей. Оставшиеся шестеро были представлены к наградам, в том числе Иван Кадомцев — к ордену Славы.

Бои, бои. Сколько их было тогда! Теперь-то в памяти сохранилось многое. Вроде того, под Варшавой.

— Бывало, упадешь на землю при взрыве снаряда, — вспоминал Иван Иванович, — а вставать не хочется. До того усталость сказывается. Но вставать надо, впереди путь к Варшаве, где нас ждут пострадавшие в неволе люди. И солдаты шли вперед, несмотря ни на что.

Есть в тринадцати километрах от польской столицы город Рембертув. При подходе к нему — мелколесье. Ближайшие села были укреплены немецкой обороной. Позарез нужен «язык». Командир вызвал Кадомцева. Приказ — во что бы то ни стало добыть «языка» для выяснения обстановки.

На этот раз их было пятеро во главе с Кадомцевым. Разведчики удачно прошли километра три, оказавшись в нейтральной полосе. Решили сделать короткий привал. И вдруг — шум моторов: немецкие тягачи с пехотой. Они двигались смело, не ожидая на своем пути никаких препятствий. А когда подошли к траншее, где спрятались наши разведчики, Кадомцев командовал:

— Огонь!

Бойцы забросали тягачи гранатами. Первая машина вспыхнула ярким пламенем, вторая заглохла. Среди немцев началась паника. Разведчики пустили в ход автоматы. Бой был недолгим. В ходе его разведчики пленили двух немцев.

Вскоре после этого боя на груди Ивана Ивановича появился второй орден Славы.

А потом была «долина смерти» — очень трудный участок фронта — нейтральная полоса, шириной метров в сто. Не одна группа разведчиков пыталась перейти ее и добыть «языка». Но никому не удалось сделать этого. Фашисты простреливали буквально каждый метр земли. Стоило только нашей группе попытаться перейти этот рубеж, как ее расстреливали. Пленных разведчиков немцы обливали керосином и поджигали.

Не могли советские солдаты равнодушно слушать крики погибающих товарищей. И когда группе Кадомцева приказали готовиться к новой операции, воины тщательно все обдумали.

Поздней ночью группа добралась до немецкой траншеи. Казалось, совсем невоенная обстановка — немцы были заняты картежной игрой. Но

это только казалось. Когда наши разведчики стали забрасывать траншеи гранатами, фашисты быстро опомнились. В плен живыми не сдавались — это была часть из войск СС. Однако разведчикам удалось захватить штабные документы, которые оченьгодились.

Потом была дорога на Берлин. Последний бой 8 мая 1945 года, в котором Иван Иванович получил две пули в грудь.

Обратная дорога. Совсем иную, чем в 1941 году, картину наблюдал солдат из окна санитарного поезда. Он видел колонны пленных немцев, стыдливо прятавших свои глаза, идущих почти без конвоя в плен. Видел счастливые лица советских людей, веселые улыбки. Слышал залпы победных салютов. Война была позади.

И навсегда в памяти бывшего солдата остались те фронтовые дороги. Никогда не забывал он своих друзей-однополчан. Как знак глубокой признательности народа за его подвиги сияли на груди героя три солдатских ордена Славы.

КАДОМЦЕВ Иван Иванович, род. 10.6.1921 в дер. Верхний Ломов ныне Нижнеломовского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил 10 классов. Был электриком и одним из подразделений Севэлектромонтажа в Ленинграде. В Кр. Армии с мая 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июня 1941. Разведчик взвода пехей разведки 93-го стр. полка (76-я стр. див., 47-я армия, 1-й Белорус. фронт) рядовой К. в р-не г Ремберг (5 км вост. г. Варшава) 10.9.44, находясь в тылу врага, вместе с другими разведчиками вывел из строя тягач с пушкой, уничтожил 8 гитлеровцев и 2 взял в плен. 17.9.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Ком-р отделения пехей разведки того же полка сержант К. во главе группы разведчиков ночью 1.02.45 в р-не сев. г. Дейч-Кроне (ныне г. Валч, Польша) проник в тыл пр-ка для захвата «языка» и обнаружил враж. колонну вездеходов с пехотой. Разведчики нанесли внезапный удар. Гранатами и из автоматов уничтожили немало фашистов. Пленив 2 гитлеровцев, бойцы без потерь возвратились в полк. 9.02.45 нагр. орд. Славы 2 ст. 11.02.45 при освобождении г. Дейч-Кроне К. во главе отделения ворвался в город и в уличных боях подавил 2 пулемет. точки, истребил 6 и пленил 4 гитлеровцев. 31.5.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 старшина К. демобилизован. Жил в г. Владикавказ. Работал шофером. Нагр. орд. Отечественной войны 2 ст., медалями. Умер 8.6.1982.

Ты жив, солдат...

Добраться до Кувшиновки оказалось делом непростым. В Новый Шуструй с большим трудом пробились на лошадях, до того перемела пурга дороги. А от него, считай, еще три километра.

Костя, конюх, был не особенно доволен, что после работы, да в такой метельный день, посылают его в Кувшиновку. Когда же узнал о цели поездки, посерьезнел и даже стал подстегивать своего неторопливого меринка.

В соседнем селе Костя знал всех. Не знал лишь Владимира Сергеевича Казурова — тот погиб в войну. Зато он хорошо знал его мать, Авдотью Михеевну, сестер Таисию и Марию.

— Марию Сергеевну у нас в округе знают все — она учительница. Считай, каждый в селе учился у нее.

Дом, где жила Мария Сергеевна, оказался на самом краю Кувшиновки. Мы преодолели гору снега — выше окон, выше крыши, но на двери оказался замок.

Авдотья Михеевна была дома. Она долго глядывалась в наши лица, и показалось, что ждет она сына. Ждет вот уже сколько лет из месяца в месяц, изо дня в день. Да так оно и было. Сама рассказывала после, что постучал однажды летом в окно незнакомый человек, попросил воды напиться. Посмотрела ему в лицо — и вздрогнуло сердце — не ее ли Владимир? А тот, будто поняв, что смутил чем-то незнакомую мать, быстро ушел. Авдотья Михеевна долго смотрела ему вслед. Вот так уходил на войну ее сын.

Ее глаза сухи. Белый старушечий платок, темные узловатые руки, седые волосы. Рядом дочь — Таисия Сергеевна, тоже уже на пенсии. Говорят обе, дополняя друг друга, уточняя, переспрашивая...

Сестра:

— После войны к нам приезжал сослуживец Володи, тоже разведчик. Он сам пошутовский (Пошутовка — село по соседству с Кувшиновкой), а живет в Пачелме. Много рассказывал о брате. Лихой, говорит, был фронтовик. Ведь ордена у нас зря не дают А у Володи было две Красных Звезды, два — Отечественной войны, медали и три ордена Славы.

Хранилась у нас и газета фронтовая — там последний его подвиг описывался, когда он двадцать второго «языка» привел. Да вот сгорело все. Сейчас ни документов нет, ни фотографий.

Мать:

— Мой Володя храбрый был. Я письма от него часто получала. И товарищ, что с ним в разведку ходил, тоже писал. Володе, вроде, можно было в последний раз и не идти, а он пошел. И погиб.

Сестра:

— С задания они возвращались, и на минное поле заехали — свое поле. Восемь человек было, и всех в одном гробу схоронили — все, что удалось собрать. Мины-то для танков были подготовлены. Это уже в Потше дело происходило.

Они сидят рядом — седая мать и такая же седая дочь, вспоминают. Говорят о войне, о своем сыне и брате, юношей ушедшем на войну, да так и не вернувшемся. Нелегки воспоминания.

Мать сидит, положив на колени темные, усталые руки. Девятерых воспитала она. Один погиб. Остальные живы. Василий тоже воевал, жил в Новочеркасске. Федор учительствовал на Украине. Михаил — агроном. Таисия была вместе с матерью. Анастасия — фельдшер в городе Куйбышеве (ныне Самара), Валентина — в Чистополе. Леонид тоже агроном, проживал где-то за Виргой. А Мария в Кувшиновке — учительница. 23 внука у Авдотьи Михеевны. Были уже и правнуки...

— Учился Володя здесь — в Кувшиновке, — делилась воспоминаниями о сыне Авдотья Михеевна, — потом уехал в Верхний Ломов. Там и кончал учебу. Оттуда на фронт пошел. Не по годам рос сынок: высокий, рослый, статный. Но все равно мальчишка. В газете, помню, писали, что, когда он немецкого майора в плен привел, тот попросил показать, кто пленил его. Показали на Володю. Так заплакал от обиды фашист — вроде, такой мальчишка взял его в плен...

Мы уезжали из Кувшиновки. Мать вышла на улицу, накинув платок, долго смотрела нам вслед, и опять показалось мне, что это глядит она вслед уходящему на войну сыну, его видит в белых снегах.

Снова заехали к Марье Сергеевне, но дом ее так и был на замке.

Конек бежал резвее, начинало темнеть. По дороге и в поле все так же тянула сыпучая поземка.

Впереди показалась фигура женщины.

— Вот, наверное, и Мария Сергеевна, — сказал Костя.

Это и в самом деле была сестра Владимира Казурова. Шла из Шуструя — с собрания. Остановилась. Но добавить что-либо к словам матери и старшей сестры она не смогла. Дала лишь адрес своего сына в Пензе, у которого были фотографии дяди, его письмо. Адрес Бориса Кулагина я и записал негнушными на морозе пальцами в свой блокнот.

Борис пришел в редакцию сразу же, как только получил мое письмо. Принес три фотографии, все, что сохранилось.

Солдатский треугольник — полевая почта 14841 Пятое апреля 1944 года.

«Здравствуйте, Маруся и Боря! Передаю воинский фронтовой привет с пожеланием счастья и здоровья в жизни!

Сообщаю, что я жив и здоров. Живу неплохо. Плохо только одно, что никого не вижу знакомых и не получаю ни от кого письма.

О новостях на фронте вы, наверное, знаете из газет.

Больше сообщить нечего. Идем с боями вперед. Путь наш только вперед.

Ваш брат Владимир Казуров».

С фотографии смотрело открытое русское лицо: русые волосы, солдатские погоны. Ордена: два — Славы, два — Красной Звезды, Отечественной войны.

На другом снимке Владимир вместе с товарищем, прикуривает. На поясе — нож, обязательная принадлежность разведчика.

Племянник героя назвал еще один адрес — в Куйбышеве жила сестра Владимира Сергеевича — Анастасия.

Ответила она не сразу. Надо было отыскать письма брата. Да и здоровье что-то стало подводить в последнее время.

«Володя был героем, — писала она, — но в письмах никогда не писал о своем героизме. Как-то незаметно напишет, что представлен к награде. Можно подумать было, что так легко досталась ему эта награда.

Никогда не забуду последнее его письмо, где он написал о своих орденах Славы. Как сейчас помню его слова: «До конца войны остались считанные дни, но войны не бывает без жертв. Если со мной что случится, не плачьте... Я сделал для спасения Родины очень много. Вам за меня не будет стыдно».

Анастасия Сергеевна прислала три письма брата. Одно из них написано 18 декабря 1944 года.

«Здравствуй, Настя! Прими мой искренний душевный фронтовой привет. Сообщаю, что я по сей час еще жив и здоров, по-прежнему ползаю за проклятыми фрицами. Но пойми, жизнь в скором времени должна измениться. Правда, возможно, придется еще труднее. Но все мы устремлены вперед, и это приблизит развязку с врагами.

Будь жива и здорова. Твой брат Владимир».

И последнее письмо — 23 февраля 1945 года.

«Живу первый день спокойно. Правда, день шумный, ибо за него говорит само число, но ни пуль, ни снарядов не слышно. Нахожусь сейчас в одном из городков Польши на отдыхе. Сколько он будет продолжаться, не знаю.

Уже иду дело. Через день или два придется учить хлопцев — впереди предстоят суровые сражения».

Владимир писал о послевоенной жизни, мечтал учиться. И ни слова о своих боевых делах, о своих подвигах. Голос писем негромок, искренен, заботлив.

И мать, и сестры говорили об одном из сослуживцев Владимира, родом из Пошутовки. Вспомнили, что живет он в Пачелме, а фамилия его — Шейкин. Я решил отыскать его.

По моей просьбе журналист пачелмской районной газеты Владимир Степанович Умнов побывал у Ивана Ивановича Шейкина и записал его рассказ.

С Казуровым Шейкин встретился в сорок третьем году, незадолго до сражения на Курском выступе в районе Белгорода, Орла и Курска.

Был он командиром взвода боепитания, а Казурова с группой разведчиков прикомандировали к 42-му полку 340-й дивизии. Владимир зашел в расположение взвода Шейкина.

- Кто командир?
- Я, старший лейтенант Шейкин.
- Что-то знакомая фамилия. Откуда ты?
- Из Пензенской области, из Нижнеломовского района.
- А точнее?
- Из Пошутовки.
- А я из Кувшиновки. Это же рядом...

Так встретились земляки. У них оказались общие знакомые. Разговорились.

По словам Шейкина, Владимир был смелым и умелым разведчиком. В дивизии он пользовался заслуженной славой. Бывало, что многие уходили в тыл врага, теряли на операциях товарищей, да так и возвращались ни с чем. У Казурова такого не случалось.

— Как это ты, Володя, — спросил однажды Шейкин, — ходишь за «языками»? И всегда у тебя получается.

— Да черт ее знает, Иван. Везет, наверное. Да и потом знаю я — надо это сделать. Товарищи ждут. Сил прибавляется от такой мысли.

Однажды Казуров зашел в землянку.

— Давно писал домой? Передать ничего не хочешь своим?

Шейкин смотрел непонимающе.

— Завтра иду за своим двадцать вторым «языком». Командир дивизии сказал, что выполню задание — отпуск дадут, на родину съездить.

Задание разведчик выполнил, но съездить домой не пришлось. Он погиб.

А было так. Несколько ночей подряд ходил Владимир на разведку, готовил и намечал план операции. Только после этого вся его группа ушла в ночь.

Минувя минные поля, солдаты подобрались к вражескому блиндажу. По наблюдениям Казурова, туда должна была возвращаться группа фашистских саперов во главе с офицером.

Так оно и оказалось. Появились немцы. Казуров дал сигнал и первым выбил автомат из рук офицера. Товарищи взяли солдат.

Уже на своей территории попросили лошадей, чтобы доставить немецкого офицера в штаб. Там он дал важные сведения. Поехали двумя дорогами: верхней и нижней. Те, кто поехал верхней, в том числе и Казуров, подорвались на своих же противотанковых минах.

Рассказы матери и сестер, письма Владимира с фронта, воспоминания его однополчанина — из них в какой-то мере раскрывался светлый и чистый облик нашего земляка, полного кавалера ордена Славы. Но точно и подробно, во всех деталях, никто из них ничего не мог сказать о подвигах солдата, его боевых делах, его службе.

Пришлось обратиться в Архив Министерства Обороны Союза ССР. Прислал письмо начальник архивохранилища. В конверт были вложены и копии наградных листов сержанта Владимира Казурова, командира отделения, а затем и взвода 410-й разведывательной роты 340-й стрелковой

Сумско-Киевской Краснознаменной дивизии. Слово этим наградным листам, заполненным в годы войны, свидетелям подвига нашего земляка.

...Воевать Владимир начал с 15 декабря 1942 года. Был ранен на Воронежском фронте, затем воевал на 1-м Украинском. Получил первые награды — медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды.

Девятого мая 1944 года младший командир-разведчик выполнял боевое задание командования дивизии, входил в группу захвата ночного поиска — нужно было взять контрольного пленного.

Форсировав реку, подползли к траншеям противника и смелым решительным броском рванулись на вражеский пулемет. Казуров лично забросал гранатами землянку, взял пленного и тяжелый пулемет.

Пленного через реку доставили в штаб дивизии. Он дал ценные показания о силе, группировке и маневрировании войск, находящихся перед фронтом нашего соединения.

За мужество и героизм в ночном бою командир роты капитан Тюрин представил разведчика к ордену Славы третьей степени. Командир дивизии генерал-майор Махлиновский утвердил это представление.

14 июля помкомвзвода Казуров вновь отправляется в ночной поиск. Снова он — старший группы.

Форсировали реку, прошли через болото. Сержант первым ворвался во вражескую траншею, уничтожил пулемет и захватил пленного.

Через то же болото, проваливаясь по пояс в гнилой воде, через ту же реку «язык» был доставлен в штаб дивизии.

Отважный разведчик был награжден орденом Славы второй степени.

И третий наградной лист, составленный на сержанта Казурова 23 декабря того же 1944 года. В графе «Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне», прибавилось: «Ранен в апреле 1943 г. и в июле 1944 г.». Прибавились и награды — ордена Отечественной войны, Красной Звезды. В графе «Партийность» стояло — член ВКП(б).

«Сержант Казуров, — писал в представлении командир роты, теперь уже лейтенант Арапов, — оставаясь за командира второго взвода, проявил себя отличным разведчиком, грамотным, инициативным командиром, исключительно храбрым, настойчивым в достижении цели. Взвод Казурова заслуженно считается лучшим разведвзводом дивизии».

Четвертого декабря Казуров снова получил приказ — провести исключительной важности ночной поиск. Меньше суток дали ему на подготовку, и все же сержант блестяще выполнил свою задачу: захватил пленного, уничтожил ручной пулемет, две землянки и двенадцать солдат. Вместе с сержантом Поповым и рядовым Савушкиным он первым бросился в атаку.

Когда пленный был захвачен, Казуров отправил его, а сам с группой прикрытия атаковал мешающую отходу пулеметную точку. Не потеряв ни одного человека из действующей группы, он благополучно вернулся на свою сторону.

В ночь с 19 на 20 декабря сержант Казуров снова отправился в ночной поиск. Это был личный приказ командующего фронтом, генерала армии И.Е. Петрова.

Дошли до передних траншей врага. Там никого не оказалось. Тогда сержант на свой страх и риск решил добраться до второй линии траншей, хотя было известно, что огневые точки противника перемещены, и в эту ночь произведена смена частей.

Казуров со своим взводом зашел к немцам с тыла, не дал пулеметному расчету открыть огонь. Сам лично с группой захвата взял двух пленных и ушел на свою сторону.

За два этих поиска его наградили орденом Славы первой степени.

Три подвига совершил в сорок четвертом отважный разведчик-коммунист. Получал он и позднее награды, и погиб, всего каких-то девятнадцать дней не дожив до Победы.

Но ты жив, солдат! Жив в своих светлых и искренних письмах, в сердцах однополчан и земляков. Ты жив в памяти народной. Люди не забудут твой подвиг!

* * *

В 1971 году в Москве вышла третья книга издания «Солдатская слава», где авторы Г.И. Андреев и И.Д. Вакуров поместили очерк «Лейтенант», посвященный В.С. Казурову. Они, видимо, побывали на Украине, где проживал его старший брат Федор Сергеевич, в самом начале публикации привели строки из его воспоминаний: «Владимир рос крепким и сильным, его сверстники во всех ребячьих ссорах искали у него защиты и справедливости. В четырнадцать лет он уже работал наравне со взрослыми, а во время сенокоса был первым. Молодежь уважала его за силу и ловкость. На селе никто не мог дальше, чем он, бросить учебную гранату, быстрее пробежать на лыжах десятикилометровку. Говорить много Володя не любил.

Скажет — как отрежет. А уж если даст слово — сдержит».

Фамилия лейтенанта В.С. Казурова, родившегося в 1923 году в деревне Кувшиновке Нижнеломовского района и погибшего в бою 15 апреля 1945 года (похоронен на территории Катовицкого воеводства в Польше), названа в Книге «Память: Пензенская область». Там указаны ушедшие вместе с ним из Кувшиновки еще 11 представителей этой фамилии. Пять красноармейцев пропали без вести, остальные погибли в боях на Ленинградском фронте, на Украине, в Эстонии и Новгородской области.

КАЗУРОВ Владимир Сергеевич, род. 14.8.1923 в дер. Кувшиновка Нижнеломовского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1944. Окончил 9 классов. Трудился в колхозе. В Кр. Армии с ноября 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с дек. 1942. Ком-р отделения 410-й отд. развед. роты (340-я стр. див., 60-я армия, 1-й Укр. фронт) сержант К. 9.5.44 ночью в составе группы захвата переправился через р. Стрыпа (юго-зап. нас. пункта Ми-

кулинцы Тереховлянского р-на Тернопольской обл.), незаметно проник в расположение пр-ка и пленил гитлеровца. Доставленный в штаб дивизии «язык» дал ценные сведения. 14.6.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Пом. ком-ра взвода той же развед. роты К. 14.6.44 во главе группы в ночном поиске скрытно преодолел р. Стрыпа (25 км юго-зап. г. Тернополь) и труднопроходимые болота, первым проник в траншею пр-ка, уничтожил расчет враж. пулемета и взял «языка» 23.7.44 нагр. орд. Славы 2 ст. Ком-р взвода той же развед. роты и див. (38-я армия, 4-й Укр. фронт) К. 4.12.44, команду подразделением, в ночном поиске близ нас. пункта Копанины (7 км юго-зап. г. Ясло, Польша) захватил в плен гитлеровца, уничтожил пулемет и св. 10 солдат. В ночь на 20.12.44 при проведении поиска в том же р-не, не обнаружив пр-ка в первой траншее, проник в глубину боев. порядков и внезапно атаковал врага. Захватил 2 «языков», истребил неск. гитлеровцев. 24.3.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

15.4.1945 лейтенант К. погиб в бою. Похоронен в м. Струмень на лев. берегу р. Висла (Польша). Нагр. орд. Отечественной войны 1 и 2 ст., 2 орд. Красной Звезды, медалями.

Лит.: Андреев Г.П., Вакуров И.Д. Солдатская слава. М., 1971. Кн. 3. С. 101-103; Черногор Н.В. Полные кавалеры ордена Славы. М., 1974. Вып. 1. С. 11.

Около года служил Иван Карабанов в запасных стрелковых частях, прежде чем попал в Троицкую школу младших авиационных специалистов, при которой работали полуторамесячные курсы воздушных стрелков. Сюда-то и прибыл бывший проходчик.

— Срок обучения, — вспоминал Карабанов, — был очень мал, но молодые любознательные курсанты успели осво-

ить тот курс наук, который пригодился им в бою.

Зимой сорок четвертого курсанты очередного выпуска прибыли под Ленинград, в штаб воздушной армии. Рослых солдат тотчас разобрали по частям, а коренастому Ивану Карабанову пришлось немного подождать. Но вот и Карабанов получил назначение в 999-й штурмовой авиационный полк 277-й авиационной дивизии, что поддерживала наземные войска с воздуха у города-крепости Нарвы.

Воздушный стрелок Карабанов летал на штурмовике ИЛ-2 вместе с Иваном Максимовичем Деркачем, таким же молодым и задиристым. Бывали Иваны в самых различных переделках, не раз смотрели смерти в глаза, но всякий раз выходили живыми, невредимыми и продолжали нести свою нелегкую боевую службу.

Но если говорить начистоту, то первый вылет на боевое задание едва не стал для них обоих последним. Дело было так. В тот день Деркач и Карабанов в составе группы «Илов» вылетели в район Нарвы, чтобы принять участие в бомбово-штурмовом ударе по вражеским позициям. Недалеко от цели, над лесом, их встретили вражеские истребители. «ИЛы» спустились до высоты 400-600 метров, рассредоточились по кругу и, прикрывая друг друга, стали обрабатывать передний кран обороны противника. Получилась этакая «карусель». Но фашистским истребителям все же удалось прорвать завесу огня штурмовиков. Машина Деркача и Карабанова была подбита и рухнула в топкое болото. Это спасло экипаж от гибели. Однако радоваться было рано, гитлеровские летчики с бреющего полета стали обстреливать машину и экипаж, который едва успел покинуть кабину. Деркач и Карабанов, то и дело проваливаясь в зловонную жижу, сумели все-таки добежать до леса, укрыться в его чаше. На следующий день они благополучно добрались до своего аэродрома.

В последующих воздушных боях Иван Карабанов действовал более осмотрительно и вскоре был награжден медалью «За отвагу».

Полк и дивизия продолжали вести упорную борьбу как с наземным, так и с воздушным противником, нанося бомбовые удары по оборонительным сооружениям, скоплениям войск и грузов на железных дорогах и шоссе,

по аэродромам Финляндии, на территории Эстонии, островам Хийумаа и Саарема. И с каждым вылетом росли боевой опыт и мастерство воздушного стрелка. Теперь он успевал не только следить за задней полусферой, что входило в его основную задачу, но и стал помогать командиру. Он вел наблюдение за землей, различал в складках местности военные объекты, каким-то особым чутьем угадывал под хитроумной маскировкой пушки и пулеметы, танки и автомашины. От этого возросла эффективность бомбовых ударов, ракетно-артиллерийского и пулеметного огня штурмовика.

102 боевых вылета совершил к концу войны Иван Андреевич Карабанов. В каждом из них были свои трудности, свои радости и невзгоды. В памяти Ивана Карабанова ярко отложилось несколько эпизодов. Один из них — посадка с бомбами и с невыпущенными шасси зимой 1945 года. Тогда самолет и экипаж спаслись потому, что был глубокий снег и еще... тысяча счастливых случайностей.

А короткий бой над морской косой под Кенигсбергом. Фашистские стервятники подбили самолет и он, превратившись в грудку металла, разваливающуюся на лету, рухнул в море. Но Карабанов и пилот успели выброситься на парашютах. Через день они снова были в воздухе.

Запомнилось и другое, тоже короткое мгновение, не сразу привлекшее к себе внимание фронтовых репортеров. На группу «Илов», громивших немецкую оборону Данцига, налетели «мессершмитты». Один из них приблизился к «ИЛу» на очень близкое расстояние и тут же поплатился за это: три короткие очереди, выпущенные Иваном Карабановым, прервали полет стервятника. Правда, воздушный стрелок, захваченный боем, не мог проследить за дальнейшей судьбой фашиста. И лишь на аэродроме от летчиков и стрелков других экипажей Карабанов узнал, что подбитый им «мессер» упал и взорвался. За эти подвиги наш земляк получил орден Славы второй и третьей степени.

Высшую степень ордена Славы Иван Андреевич получил уже после войны, в Караганде, которая стала для него второй родиной. Здесь он живет и поныне, до ухода на пенсию работал шофером управления городской электросети.

КАРАБАНОВ Иван Андреевич, род. 25.5.1925 в с. Чемодановка Пензенского р-на Пензен. обл. в семье рабочего. Русский. Окончил 7 классов. Работал на шахте слесарем. В Кр. Армии с февр. 1943.

На фронте в Вел. Отеч. войну с апр. 1944. Возд. стрелок 999-го штурм. авиац. полка (277-я штурм. авиац. див., 1-я возд. армия, 3-й Белорус. фронт) ст. сержант К. 11.02.45 при выполнении боев. задания прицельным огнем из пулемета сбил истребитель пр-ка. 21.02.45 нагр. орд. Славы 3 ст. В период с 12.01 по 15.02.45 в составе экипажа произвел 24 боев. вылета на штурмовку войск и объектов пр-ка, поразил 2 танка, 12 автомашин с грузом, 9 повозок, 5 минометов и орудий полевой

артиллерии, подавил 9 зен. орудий и вывел из строя большое количество живой силы. Огнем из пулемета отбил 3 атаки враж. истребителей. 19.3.45 нагр. орд. Славы 3 ст., 20.12.51 перенагр. орд. Славы 1 ст. С 16.02 по 12.4.45 возд. стрелок старшина К. в составе экипажа того же полка произвел 31 боев. вылет на штурмовку войск и объектов пр-ка. Им было уничтожено и повреждено большое кол-во живой силы и техники. В одном из вылетов К. умело отразил из пулемета неск. атак враж. истребителей. 30.5.45 нагр. орд. Славы 2 ст.

В 1951 демобилизован. Живет в г. Караганда. Работал мастером в управлении гор. электросетей. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Лит.: Белан П.С., Потанов А.В., Халирахманов М.Х. Отчизны верные сыны. Алма-Ата, 1971. С. 6; Белан П.С., Потанов А.В., Честнов С.И. Доблесть солдатская. Алма-Ата. 1974. С. 143-145.

Растут у дома березы...

Сейчас они уже большие, вытянулись выше крыши избы. Весной клейки и ярко-зелены их листья, светлы бело-снежные стволы. Зимой игольчатый иней одевает ветви бахромой. Но стволы по-прежнему белы и светлы, словно только-только побелили их свежеснеженным снегом. Степан Тимофеевич хорошо помнит день, когда посадил эти березы — привез из Беднодемьяновска три тонких ломких прутика. Вез на попутной, в кузове, даже не сел в кабину из-за них, только, чтобы довести в целости.

Поставил их рядком около дома, бережно развернул мешковину (чтобы корни не повредить), выкопал ямки. Щедро полил водой — растите, тянитесь к солнцу! Шла тогда первая послевоенная весна...

...Домой в родное Дерябкино Степан Карабанов вернулся на рассвете. Поезде Верхний Ломов пришел днем. На машине добрался до Беднодемьяновска только к ночи. Не стал ждать утра солдат, вещмешок за плечо — и в дорогу. Что какие-то два десятка километров, если тысячи верст на своей и чужой землях остались за спиной.

Переполошил весь дом. Анисья Ивановна не прятала слез, накрывала, что было, на стол. А он держал на коленях сынишку, первый раз увидел его — родился Иван в сорок первом, когда отец был уже на фронте, гладил широкой заскорузлой ладонью по льняным волосам...Вышел на улицу. Жадно вдохнул холодноватый утренний воздух. Вот он и дома. К этому дню шел четыре страшных года, через смерть и кровь...

Тогда-то, в утро возвращения, и решил солдат посадить у своей избы березы — в память о том, что окончилась война. В память о не вернувшихся с поля боя друзьях. В память о других березах, сожженных и спаленных войной.

Целых четыре года не был он дома. Вспомнился ноябрьский день сорок первого, когда уходил из Дерябкина. Жена не могла идти провожать — вышла только за околицу — вот-вот должна была родить. Шутливо наказал, чтобы работала без брака, сына постаралась. Должен продолжаться карабановский род, если не придется вернуться.

Но возвратился, и вот стоит у родной избы, жадно смотрит и слушает, как просыпается Дерябкино: загораются в окнах огни, скрипит колодезный журавель, плещет из ведер вода.

...Мы разговаривали со Степаном Тимофеевичем Карабановым у него дома. Хозяин только что вернулся с поля. Он был уже на пенсии, но разве усидишь, когда начался сев.

Окна распахнуты настежь. Весенний ветер запутался в ярко-зеленой листве берез, стоящих у калитки.

— Пахать начали, — говорит Степан Тимофеевич. — Был сегодня у Витька Уханова. Молодой еще парень. Но молодец! Землю любит.

Они были сказаны очень просто — эти слова. Но большой глубокий смысл виделся мне за ними. Имми оценивал старый солдат и хлебороб дела человека. В них видел смысл бытия.

Здесь, в Дерябкино, прошла вся его жизнь. Здесь жили и умирали его деды и прадеды. Здесь поставил маленькую, в два подслеповатых окошка, избенку, отец Тимофей Алексеевич, большой мастер по плотничьему делу. Оставлял он семью в деревне, а сам уходил в отход — ладил дома московским богатым мужикам. И какие умел выводить в его руках узоры по дереву простой, остро отточенный топор.

Своей матери Степан Тимофеевич не помнил. Он родился 25 декабря 1905 года, а через полтора года стал сиротой. Рос у мачехи. Пришлось рано идти на заработки. Учиться не довелось.

Колхозы в Беднодемьяновском уезде стали создаваться, когда Степан Карабанов уже отслужил в Красной Армии. Зимой в Дерябкино организовали артель. Среди первых двенадцати, записавшихся тогда в колхоз, была и фамилия Карабановых. Степан заводил первую колхозную книгу, надписывал ее. Когда собрались все вместе, чтобы «окрестить» родившееся хозяйство, было немало предложений. Приняли карабановское — «Красные всходы».

«Крестил» Степан Тимофеевич колхоз, и трижды был его председателем. Первый раз сельчане избрали Карабанова своим вожаком в 1934 году. Три года руководил «Красными всходами» — потом по чьему-то клеветническому доносу обвинили во вредительстве. Был суд, но дали только шесть месяцев принудработ с вычетом из зарплаты. С председателей сняли.

Через год по требованию колхозников Степана Тимофеевича снова вернули на старое место — видели в Дерябкино, что честен и неподкупен этот немногословный человек, справедлив, умеет и хочет работать.

Потом как гром — война. Уходили на фронт односельчане. Карабанову повестки не было: нужен здесь. И все же добился он своего — вызвали в военкомат.

Перед отъездом зашел к Дмитрию Ивановичу Конушкину. Сдавать стал старик, годы давали себя знать, но держался молодцом.

— Разобьем их, Степа, — сказал он Карабанову, — поверь мне, старому служаке. Стар я стал. А то пригодился бы на войне...

Не раз слышал Степан Тимофеевич рассказы Конушкина. Ведь был бывший фельдфебель полным георгиевским кавалером, четыре креста носил за свои подвиги. Он имел, конечно, право сказать такие слова солдату, отправляющемуся на войну.

Попал Карабанов сначала на Волгу — здесь формировались парашютно-десантные войска. Так и думал, что свяжется его дальнейшая жизнь с небом. Тренировки, прыжки... Группу, в которой был рядовой Карабанов, готовили для заброски в тыл врага. Не раз поднимали по тревоге, но вылет все откладывался.

Десантником Степан Карабанов не стал. Десятая гвардейская бригада была переброшена под Грозный. Там и начался его боевой путь. Там он стал сапером.

— Немец подошел к Владикавказу, — рассказывал Степан Тимофеевич, — километров на шесть по фронту прорвался. Да не рассчитал. Наша дивизия и перерезала ему шейку.

Под Саниб-горой ходили в разведку. Одеты были, как настоящие горцы: черкеска, бешмет, кубанка, башлык, карабин и финский нож. Гора была в свету. Фашист, когда удирал, бросил все машины, пятьсот, не меньше, а фары не потушил. Подошли мы, ползали. Бумаги, которые нашли, забрали с собой — в штаб передать. И еще что интересно! — в голосе Карабанова звучит удивление. — Хлеб мы там нашли, на обертке год стоит — 1934. Жевнули из интереса, а он пополам с опилками. На таком хлебе не навоюешься долго...

Строг был взгляд старого солдата. Он находился там — в дальних горах, снова на войне...

Долго стояли под Новороссийском. Враг пожег здесь все леса. Черными и обугленными стояли березовые рощи, страшным извятием, вытянув к небу ветви, стыли дубы. Целыми днями над нашими окопами висела «рама», летчики из пушек били по людям. Может, вот тогда и зародилось у сержанта Карабанова желание — посадить, когда вернется домой, три березы у своего дома...

23 февраля 1942 года, в день Красной Армии, Степан Карабанов принял военную присягу. Строго и торжественно звучали в непривычной тишине (выдался «просвет» между боями) слова клятвы перед народом, партией, совестью своей.

Он стоял в строю. К полковому знамени подходили солдаты — его товарищи, преклоняли колено и целовали край алого полотнища. И в их глазах читалась негасимая вера в победу.

Не выпала Степану Тимофеевичу судьба стать десантником. Зато получилось из него первоклассный сапер и минер. Не было в части искусней и опытней «бати»: так почему-то звали Карабанова молодые солдаты, приходившие из тыла. А «бате» не было и сорока...

Передовая, передовая... Днем оборудовал блиндажи, командный и наблюдательный пункты. В ночь разминировал вражеские поля, делал проходы в проволочных заграждениях. Сколько тысяч мин прошло через его руки!

...Их часть переправлялась через Одер на подручных средствах, кто на чем, на бревнах, досках. А примерно за километр правее наводили мост армейские саперы.

Отделенный и сообразил, что у них лодки должны быть. Приказал своим ждать, а сам с двумя бойцами отправился к мосту. И надо же встрече такой случиться — своего встретил, беднодемьяновского, — Ивана Тришунькина.

Сели, покурели. Но долго не рассидишься. Высказал Степан свою просьбу — нужны лодки.

Что не сделаешь для земляка — помог Иван, да еще тем временем карабановские ребята не зевали — отыскивали кем-то спрятанные на берегу две лодки. Переправляться стало проще.

Написал Степан домой, что виделся с Иваном. Но письмо в Дерябкино пришло почти в один день с похоронной. За Одером часть, где служил Тришунькин, сразу же двинулась в наступление, и Иван погиб в первой атаке.

А другой земляк — Иван Духленков, из Кошелевки, — погиб прямо на глазах Степана Тимофеевича. Вместе в Беднодемьяновской МТС работали. В одну часть попали. И хоть взводы были разные, все пополам — табачок, хлеба кусок, а особенно письмо с родины. Подорвался Иван на фугасной мине.

И еще одну горькую весть пришлось сообщить в село Степану. Кто же, как не земляк, и напишет о таком?

Однажды, это было еще под Грозным, взвод Карабанова попал в окружение. Пять дней отбивались отседавших врагов. Да еще офицера немецкого держали у себя — «языка». Долго охотились за ним — жалко было терять. Много ценного рассказал фашист после, когда вырвались из клещей.

Ушли через свекольное поле. Пробились к своим. И майора в черном кителе с черепом и костями на рукаве доставили в целости и сохранности, как ни было трудно.

Так появилась на гимнастерке сержанта первая награда — медаль «За отвагу».

За бои на Кавказе был он награжден и орденом Славы третьей степени.

Участвовал старый солдат в знаменитом Сандомирском прорыве. Комбат придал их саперный взвод полку самоходных пушек. Два часа шла артподготовка. Немец не мог поднять головы — 400 стволов приходилось на каждый километр фронта. А когда враг опомнился, в минных полях были уже сделаны проходы, и в них устремились танки с пехотой. Не дремали под гул и гром орудий карабановцы.

За Сандомирский плацдарм получил Степан Карабанов орден Славы второй степени.

На фронте он стал коммунистом, был парторгом роты, замполитом, командиром взвода. Приходилось даже командовать орудием, хотя не был артиллеристом. Случилось так, что упал, обливаясь кровью, лейтенант, осколком, видно задело. Склонился над ним боец из расчета. Замолчала самоходка.

Растерянность длилась какие-то секунды. Послышался голос сержанта-сапера: «Слушай мою команду!». Огонь продолжался.

...Степан Тимофеевич доставал старый, стянутый резинкой бумажник, показывал документы, сохранившиеся с войны.

Благодарности Верховного Главнокомандующего. По ним можно проследить боевой путь солдата, города, которые он освобождал... Дембица, Краков, Оппельк, Моравска-Острава...

Здесь, на чешской земле, и закончил войну сержант Карабанов. Правда, бои продолжались еще дня три. Озверевший враг не хотел сдаваться — против их дивизии стояли эсэсовские части и недобитые власовцы. Уходя в плен к американцам и англичанам, они жгли села, убивали мирное население.

И все же отгремели последние выстрелы. Тепло, как самых родных и близких, встречали чехи своих освободителей: угощали молодым вином, дарили цветы, приглашали в гости.

А березы здесь были совсем такие же, как дома, в России. Светлолицые, зеленые...

...И еще один интересный документ хранился у старого солдата — партийная характеристика, которую дал ему заместитель командира по политчасти 140-го отдельного саперного батальона майор Малоштанов. Вот строки из нее:

«Несколько раз ходил в инженерную разведку. Свыше 15 раз разминировал минные поля в немецкой обороне, более четырех тысяч мин поставил на переднем крае. Принимал участие в восстановлении 15 переправ.

16 января 1945 года в районе села Гармоницы (Польша), в составе танкового десанта смело ворвался в оборону, чем обеспечил успех боя.

В апреле в районе города Леобшютц (Германия), оставаясь на высоте втроем, отразили восемь атак врага, но не дрогнули, не пропустили его вперед.

В бою заменял командира. Своим пламенным словом воодушевлял и призывал на подвиг. В части были уверены: где Карабанов, там победа.

На примере товарища Карабанова воспитываются и будут воспитываться сотни бойцов».

Не понадобилась после войны эта характеристика. Положил ее вместе с другими документами в старый бумажник Степан Тимофеевич, и запрягала жена подальше — окончилась война.

— Недавно, — вспоминал ветеран, — письмо я получил из Центрального исторического военно-инженерного музея. Просят фотографию прислать, воспоминания, документы какие, газеты. Может, вот эту характеристику послать?

И тут же добавил:

— Да нет, неудобно вроде. Пошлю им свою солдатскую книжку. С самой войны сберег... А газеты, какие были, все ребятишки для своего музея забрали... Разве им откажешь...

...После фронта работал солдат все в том же колхозе «Красные всходы», был бригадиром полеводческой бригады, потом снова председателем артели, до самого последнего ее дня, когда влилась она в совхоз «Беднодемьяновский».

«Перебросили» Степана Тимофеевича в соседний колхоз имени Ворошилова, но не смог он расстаться с родным Дерябкиным, проработал какое-то время и попросил райком отпустить его в совхоз. Там поняли и отпустили.

Трудился бывший фронтовик бригадиром в животноводстве, потом по строительству. Ушел на пенсию, но не сидел сложа руки. То бригадир Валентина Васильевна Еремина уехала на курсы — попросили заменить ее на три месяца. То сев начался — надо помочь молодым с пахотой, провить, все ли ладно с качеством.

Да разве не находилось дел в хозяйстве, которое сам организовывал. Обильные урожаи давали их бывшие «Красные всходы»! Была в Дерябкинском отделении животноводческая ферма, более пятисот голов круп-

ного рогатого скота — два дойных стада. На полях сеяли озимую пшеницу, ячмень, кукурузу на корм, рожь, горох, снова входил в силу овес, участки под свеклой...

А вечерами Степан Тимофеевич любил посидеть у своих берез. Стремительно тянулись они ввысь, наливались ярыми апрельскими соками, выстрелили клейкими зелеными почками.

Растут у дома ветерана войны березы. Шумят о чем-то негромко. Трогает их плакучие ветви ветер. И словно бы ровный негасимый свет струится от белоснежных стволов. Нет России без этого березового света!

* * *

С.Т. Карабанов скончался 13 октября 1978 года. Похоронили его на сельском кладбище. На Аллее Героев в городском парке установлен его бюст. С выходом в свет Книги «Память: Пензенская область» стала известна и судьба односельчан С.Т. Карабанова. Иван Филимонович Духленков родился в Кошелевке в 1910 году, захоронен в Донецкой области на Украине, недалеко от нынешнего города Димитрова. Красноармеец Иван Тихонович Тишунькин, 1914 года рождения, погиб 27 февраля 1945 года и предан земле в германском городе Ратенев.

КАРАБАНОВ Степан Тимофеевич, род. 25.12.1905 в с. Дерябкино ныне Беднодемьяновского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1944. Окончил 4 класса. Работал в колхозе. В Кр. Армии с 1927 по 1929 и с окт. 1941.

В действ. армии с окт. 1941. Ком-р отделения 140-го отд. сап. батальона (9-я пластун. див., 60-я армия, 1-й Укр. фронт) ст. сержант К. 20.8.44 во время наступления в 12 км сев.-зап. г. Дембица (Польша) вместе с бойцами обеспечил проход САУ через оборон. заграждения пр-ка, в боях истребил неск. гитлеровцев. 25.9.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 12.01.45, сопровождая батарею самоход. пушек через коридоры в заграждениях пр-ка, К. поразил из автомата св. 10 гитлеровцев в р-не нас. пункта Опатовец (28 км юго-зап. г. Сташув, Польша). 17.02.45 нагр. орд. Славы 2 ст. С 30.4 по 6.5.45 К. участвовал в отражении враж. контратак в 20 км сев. г. Оломоуц (Чехословакия). Командуя взводом саперов, увлек за собой бойцов в атаку, из автомата и гранатами подавил 3 пулемета и вывел из строя много гитлеровцев. В наступат. боях бойцы взвода разминировали 3 противотанк. баррикады, 2 завала и обезвредили до 150 мин. При форсировании р. Морава сев. г. Оломоуц (Чехословакия), возглавляя саперов, под огнем в короткий срок навел переправу через реку и обеспечил пропуск пехоты. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Жил в г. Беднодемьяновск Пензен. обл. Был плотником в совхозе «Беднодемьяновский». Нагр. медалями. Умер 13.10.1978. На Аллее Героев в парке города установлен его бюст.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 99-109.

От Невы до Эльбы

Нелегкая жизнь выпала на долю Василия Петровича Колоскова. И на свет он появился, словно рассчитав, чтобы к войне успеть: только солдатский возраст подошел, и война, самая жестокая и большая из всех войн, грянула. Родился он в селе Бессоновке, а сельской жизни мало видел. С семи лет постоянным его местожительством считалась Пенза.

И в войну, и в мирное время кидала Василия Петровича, как хотела.

Характером он уступчивый, исполнительный, безропотный, легко было судьбе таким играть. Только, будучи в годах, израненный, изломанный войной Колосков осел на одном месте. В военкомате нашли, что по ранениям он совсем непригоден к военной службе и списали по чистой.

Обидное и несправедливое слово «списали» родилось когда-то в канцелярии и прижилось. Списывать героя нельзя. Встав в строй, он остается в нем навечно. Служба его народу бессрочна и на учете он состоит у народной памяти и самой истории. А коснись дело войны, Колосков еще и умножит славу русского оружия. Сам-то он никак не считает себя списанным.

Из пензенского сухопутного края Колосков в войну попал в приморский город Ленинград и зачислен был в экипаж Краснознаменного Балтийского флота. Морьяками не рождаются, ими, если надо, становятся. Высоко ценя достоинства русского морского флота, адмирал Ф.Ф. Ушаков где-то на дипломатическом приеме привел в пример именно земляков Колоскова, заявив, что «мы и из пензенских мужиков делаем добрых моряков». Не все моряки у моря рождаются.

Правда, не довелось Колоскову в кругосветные плавания ходить, Ленинград пришлось защищать. Не бороздил он океанов, сновал на катере по Неве, выходил на взморье и Ладожское озеро. Днем и ночью перевозил боеприпасы, продовольствие, раненых. Не вступал с врагом в бой, и враг на катер не нападал: слишком маленькая и затерянная в большом городе цель. Но, несмотря на это, во время воздушных налетов и артиллерийских обстрелов города над катером нависала большая угроза. По сигналу тревоги все спешили в укрытия, даже зенитчики свои пушки в землю осадил, одни стволы наружу торчали. А команда катера с борта — никуда, гадали только, какой шальной снаряд или бомба накроет хрупкую посудину и, как в песне поется: «...не скажет ни камень, ни крест, где легли...». Ну, да и песня — хороший памятник.

Ленинград называли крепостью на Неве. Не беда, что крепостной стеной он не был обнесен, была стена покрепче, сложенная из стойкости и

решимости его защитников. Одним из кирпичиков этой стены и являлся Колосков.

Кольцо блокады сжималось. Судьба морского города решалась на суше. Много моряков на берег сошло, и Колосков сменил катер на окопы. Впрочем, окопы только к слову пришлись. Назначили в связь. Телефонисты-аппаратчики, те, действительно, в окопах и блиндажах, а Колосков с катушкой проводов постоянно на линии. Телефонную же линию, известно, подай в самое пекло. Только ее протянешь, перекурить бы, приткнувшись в окопе, а линию уже перебило, беги исправлять. И хоть бы за кустом где или в овражке ее перебивало, так нет, всё на самом виду. Срачивай провод, как на показ немцам. Ладно, молодой, да ловкий был, фигурой некрупный, волчком крутился по полю под градом осколков и пулеметными очередями, обеспечивая связь. А связь — это войсковые нервы. От ее потери целые части парализуются, боеспособность теряют. Кто из связистов не знал: голова с плеч, а связь обеспечить.

И не щадил головы Колосков, первое ранение как раз в голову и получил. Санбат и госпиталь — места для подвигов только врачей. Для солдат — одни муки и переживания. Что там над солдатом доктора ворожат, ему мало понятно, потому-то в этом месте солдатская биография и дает перебои, с пропусками идет. Сказал Колосков спасибо медикам, в душе низко поклонился за то, что выходили его, до строевой «кондиции довели», а все равно как бы в долгу остался.

Направили его уже не в связь, а в артиллерию. Так судьба, словно подкидывая его но ладони, думала и оценивала, а куда бы его еще приспособить. На первых порах поставили снарядным к 76-миллиметровой пушке. Это вроде бы кладовщиком на огневой позиции: считай, обтирай, подавай снаряды, ящики перекладывай. Начальству виднее, поставило — значит, так нужно. Колоскову оставалось только старание к делу приложить, чего ему было у других не занимать.

В районе станции Мга — Синяевские высоты, где советские войска настойчиво прощупывали участок прорыва блокады, зачастили ежедневные некрупные, но злые бои. Они походили друг на друга. Колосков привык к ним, как к рабочим дням на заводе. Сколько снарядов прошло через его руки, из этого металла, наверное, можно было бы целый завод станками оборудовать.

Из тех фронтовых дней один особенно запомнился, когда немцы накрыли огневую позицию залпом шестиствольного миномета. Пушка с колес долой. Погиб командир орудия Черкасов, ранены были наводчик Ильин, заряжающий Смирнов. Весь расчет выбыл из строя, с одним Колосковым случай шутку сыграл. Его закидало снарядными ящиками, еле выбрался и долго ходил разукрашенный синяками и ссадинами, подергивался от контузии. В батарею шутили, что пока взрывались мины, он успел ящиками прикрыться — такой сметливый и проворный был.

А вскоре среди боевых буден появились и праздники. На первом же из них Колоскова награждали и чествовали, как участника прорыва блокады. Пробили узенький коридорчик в немецком кольце, а Ленинграду через эту

отдушину стало легче дышать: десятки тысяч мирных жителей она от годной смерти и бомбежек спасла.

Впоследствии Колоскова на войне много чествовали. В начале сорок четвертого года Верховный Главнокомандующий, ленинградцы и весь советский народ благодарили его за полную ликвидацию блокады. Мощным ударом наши войска смели все фашистские скопища южнее Ленинграда и с разгона дошли до Пскова.

Оттуда соединение, в котором служил Колосков, опять вернули под Ленинград — брать Карельский перешеек. Здесь во время артиллерийской подготовки штурма линии Маннергейма пушка Колоскова перекрыла все свои рекорды: за два часа выпустила более двухсот снарядов. Интенсивность и плотность огня были такие, что артиллеристы глохли, а кто послабее, у тех кровь из ушей текла. Но больше не за уши беспокоились, а за пушечные стволы: выдержат ли. Только напрасно в мастерстве уральских сталеваров сомневались. Из их стали пушки были отлиты, выдержали перегрузку и потом еще сколько стреляли.

В сороковом году Красная Армия целый месяц штурмовала пресловутую линию. После этого финны с помощью немцев и англичан в два раза усилили укрепление, а советские войска в три раза ускорили ее штурм — десять дней всего брали. По простой арифметике получилось, что в шесть раз выросли мощь и опыт Советской Армии.

И опять Колоскова награждали, а ленинградцы тепло распрощались со своим защитником, ухודившим освобождать братскую Эстонию.

Мирные пути не совпадают с военными: первые люди выбирают, считаясь с дорожными удобствами, вторые — с боевыми выгодами, а они-то часто и заключаются в дорожных неудобствах.

Путей из России в Эстонию, как известно, два: через Псков или Нарву, а Колосков третьим, непроторенным путем прошел, напрямик через Чудское озеро. Рассчитывали, что немцы, понадеясь на широкую водную преграду, поменьше выставят сил в оборону на этом направлении. Так ли оно получилось, трудно сказать, но первый же катер с советскими войсками при подходе к немецкому берегу ночью был подбит и, полужатонув, сел на мель. Положение сложилось критическое. Десант превратился в неподвижную мишень. И тогда десантники, среди которых находился и Колосков, оставив на катере тяжелую технику, вплавь и вброд атаковали сушу. Захватив узкую береговую полосу эстонской земли, артиллеристы вернулись на катер, скатили пушки и по глубокой воде выгянули их на берег. В упор расстреливая вражеские огневые точки, поддержали свою пехоту и помогли ей закрепиться на плацдарме. Такой сложный и тяжелый бой в начале войны, может быть, и не удался, но советские войска в сорок четвертом году уже редко постигали неудачи. Каждый успех уверенно рождал новый, еще больший.

Великое дело — опыт, но при условии, если к нему внимательно, бережливо, по-хозяйски относятся. Опыт учит, и Колосков был прилежным учеником. Уже под Данцигом после марша батарее предстояло ночевать

на маленьком хуторе—фольварке. Командир одного орудия, Ильин, давний приятель Колоскова, даже не снял пушку с передков, не укрыл ее, темной ночи доверился. Измученный дорогой расчет сразу повалился спать. Колосков, командир другого орудия, прежде чем отдохнуть, осмотрелся и оценил обстановку. Вечер тихий, ночлег далеко от переднего края. По сведениям, никаких немецких частей в тылу не осталось. Но чем черт не шутит, пока солдат на боковой. Вдруг прорвутся фашистские танки, что им стоит два десятка километров от передовой проскочить. Или не бывало такого? А уж если и случится этому, то больше всего нужно ждать врага со стороны дороги. С других направлений неудобные подступы, сами видели, подходя к хутору. С этой танкоопасной стороны хутор был обсажен аккуратно подстриженным кустарником. Колосков снял пушку с передков и закатил ее в голые, но густые кусты, чуть только ствол на дорогу выглядывал. После этого как-то на душе стало спокойнее, сон крепче.

А на рассвете часовые подняли тревогу. На хутор развернутым строем шли вражеские танки. Три машины на большой скорости неслись прямо на кусты. Пушка Ильина была подбита раньше, чем к ней подоспел расчет. Пушку Колоскова немцы не видели, она и выручила батарею. Первый снаряд с досадным недолетом клюнул землю в нескольких шагах перед танком. Танк рванул в сторону, но второй снаряд упредил его маневр. Через считанные мгновения загорелся второй танк, разворочен был бок у третьего, пытавшегося повернуть на обратный курс.

Боевая осмотрительность и мастерская расправа сержанта Колоскова с танками являлась уже военным совершенством. После этой смертельной схватки, длившейся секунды, вскоре к фамилии Колоскова и стали добавлять «полный кавалер ордена Славы». Три звезды солдатского ордена — три ступени одного солдатского подвига протяжением почти в четыре года. Какое еще другое звание достается ценой таких усилий, лишений и самоотверженности, которые должен вынести солдат-фронтовик, прежде чем получить право называться кавалером ордена Славы трех степеней.

За Данцигским коридором Колосков брал еще города и остров Рюген. А третьего мая в городе Шверине сошлись с войсками союзников. Начались дни представительств, официальных завтраков и стихийных пиршеств где-нибудь на посудных ящиках походных кухонь. Василий Петрович пользовался у союзников особым вниманием. Поражение фашистской Германии мир считал чудом, а совершили его такие герои, как Колосков, и сами они в глазах мира стали чудо-людьми.

Демобилизовавшись, Колосков вернулся в родные края. В сорок восьмом году его снова призывали на сверхсрочную службу. А через два года, в очередное сокращение Вооруженных Сил, предложили поехать на Камчатку. Это было хоть и на добровольных началах, а тоже призыв, и Колосков не отказался. Тринадцать лет проработал слесарем на далеком, малообжитом полуострове. Потом мать в письмах из Пензы стала жаловаться, что ей, старой, трудно жить в одиночестве. Пришлось Василию Петровичу вернуться в Пензу, теперь, кажется, уже окончательно.

Появился он в городе как-то незаметно. Поселился в своем домике на улице Чехова. За домом у него одна яблоня на двоих с дядей — соседом осталась. Работал Василий Петрович слесарем-инструментальщиком на заводе «Металлостройдеталь» № 3. Похварывал: давали о себе знать три ранения, свело и перестали действовать по два пальца на обеих руках. Приспособился слесарничать тремя пальцами на руке. Трудно было инвалиду угнаться за работниками с полноценными руками, однако работал хорошо, от других не отставал.

В двадцатую годовщину Победы над фашистской Германией по области собирали всех полных кавалеров ордена Славы, награждали юбилейными медалями, вручали ценные подарки, издали плакат, посвященный героям. А о Колоскове, живущем с нами в одном городе, мы ничего еще не знали. Теперь пензенская общественность оказывает Василию Петровичу должное внимание, почетным гостем его принимают клубы, школы и другие организации.

Девиз: «Никто не забыт, ничто не забыто» остается действенным и является общественным долгом. Каждый день история, поступаясь своими тайнами, открывает нам все новые и новые подвиги, совершенные четверть века тому назад нашими соотечественниками, земляками, соседями.

КОЛОСКОВ Василий Петрович, род. в 1922 в с. Бессоновка ныне Пензенского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. В Кр. Армии с апр. 1941.

В боях Вел. Отеч. войны с окт. 1941. Ком-р расчета 76-мм пушки 173-го стр. полка (90-я стр. див., 21-я армия, Ленингр. фронт) мл. сержант К. 14.6.44 в р-не пгт Ушково, выкатив орудие на прямую наводку, уничтожил дзот пр-ка с противотанк. пушкой и вывел из строя пулемет, прикрывавший переправу через р. Райволан-Йоки (Карелия). Переправившись на др. берег реки, метким огнем проделал проходы в проволоч. заграждениях пр-ка, содействуя успеху стр. подразделений в штурме враж. укреплений. 4.7.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 17.9.44 при прорыве обороны пр-ка сев. г. Тарту (Эстония) расчет сержанта К. (2-я уд. армия) огнем орудия уничтожил 2 дзота с лич. составом, разбил 3 пулемета и вывел из строя противотанк. орудие. 9.10.44 нагр. орд. Славы 2 ст. Наводчик 76-мм пушки (тот же боев. состав, 2-й Белорус. фронт) К. 14.01.45 при прорыве обороны пр-ка в р-не нас. пункта Дзержаново (7 км зап. г. Пултуск, Польша) с расчетом вывел из строя 2 пулемета, св. отделения солдат и подавил огн. точку пр-ка. 24.3.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Жил в г. Пенза. Работал наладчиком автоматизир. линий на машиностроит. з-де. Нагр. орд. Отечественной войны 2 ст., медалями. Умер 16.5.1973.

Тринадцатый, не последний

Каждое утро перед рассветом отправлялся на «охоту» снайпер гвардии рядовой Борис Комаров. В карманах — пара сухарей да кусок сахара. В подсумках — патроны. Каждый проверен собственными руками, протерт и смазан. Патроны должны быть строго одинакового веса...

Недавно Борис получил письмо от брата Федора. «Дорогой брат, — говорилось в нем, — нашу семью постигло горе: отец погиб на фронте в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Беспощадно мсти, братишка, за гибель отца, уничтожай безжалостно фашистских гадов...»

Письмо Борис помнил наизусть. Оно взывало к мести, к беспощадной мести гитлеровцам за все то горе, которое они принесли на нашу землю.

Борис ползком добрался до облюбованного места. Справа снопы необрушенной в копны ржи, высокий сухой бурьян, слева — сломанная засохшая ветка. Здесь будет основная позиция, запасные — чуть сзади и правее.

Медленно занимался рассвет. День обещал быть облачным. Это хорошо: в солнечный день блеск линз оптического прицела может выдать снайпера.

Лег на солому, замаскировал себя и винтовку. Время от времени через оптический прицел осматривал передний край противника. Но что это? Примерно в полукилометре из лесу вышел немец, взвалил на плечо лесину и, согнувшись под ее тяжестью, пошел в направлении своих траншей. «Топливо несет, — определил Комаров. — Сейчас я его подогрею». Но вот немец бросил ношу, спрыгнул в траншею. «Да там блиндаж!»

Вскоре из траншеи вылезли двое. У одного была пила. Они начали пилить. Борис взял на прицел того, у которого на петлицах мундира были нашивки погуще. Выстрел — и «дровосек» упал, второй проворно скатился в траншею.

Почти до самого вечера никто не показывался. Потом в траншее замелькали каски. Одну Борис взял на прицел. И как только фашист чуть приподнялся, пытаясь посмотреть в нашу сторону, мушка снайперской винтовки была подведена как раз под обрешетку каски.

Это был тринадцатый гитлеровец снайпера Комарова.

А когда начинался бой — быстрый, скоротечный, — Комаров брал в руки автомат. Он умел им действовать так же уверенно, как и снайперской винтовкой.

...Апрель 1945 года. Подразделения 266-го гвардейского орденов Суворова и Красной Звезды стрелкового полка штурмуют Вердер — важный узел сопротивления противника по дороге на Берлин.

Разведка донесла, что фольварк опоясан несколькими линиями укреплений: это и многочисленные здания — помещичий дом, скотные дворы, амбары и другие службы. Оттуда гитлеровцы вели интенсивный пулеметный огонь.

Атака будет на рассвете. Автоматчик Комаров, взяв несколько гранат, приготовился к броску вперед. Триста метров, отделяющие нашу траншею от траншеи противника, нужно преодолеть буквально за секунды.

Стоит замешкаться, опоздать с рывком вперед, как попадешь под пулеметные очереди врага.

Сзади наших позиций ударила артиллерия, пророкотали «катюши» — знаменитые гвардейские минометы.

Комаров видел, как по брустверу вражеской траншеи запрыгали фонтаны взрывов, — это вели огонь минометчики.

В воздух взвилась красная ракета — сигнал атаки.

Комаров выскочил из траншеи. Он не оглядывался назад, не смотрел, бегут ли его товарищи. Он просто чувствовал справа и слева от себя их дыхание, топот солдатских сапог.

Вот траншея противника. Комаров заметил пулеметный расчет врага. Он как-то уцелел после нашей артиллерийской подготовки. Солдат бросил гранату, она взорвалась прямо под стволом пулемета. Гитлеровцы ткнулись головами в землю, один из них, что лежал чуть в стороне, зажав правой рукой бок, сполз на дно траншеи.

«Готов!» — подумал про себя Комаров, но для уверенности дал по фашисту короткую очередь из автомата.

— Очистить траншею! — услышал Комаров голос командира отделения.

Автоматчики прыгнули в траншею. За ее изломом Комаров увидел трех убегающих немцев. Бросив винтовки, поспешно снимая с себя шинели, чтобы легче было удирать, они спешили спастись.

Комаров крикнул:

— Хенде хох!

Гитлеровцы остановились, прижались к стенке и подняли руки. Держа их под прицелом автомата, дескать, шуток не люблю, Комаров знаком приказал им идти к большому блиндажу, который стоял недалеко от помещичьего дома. Там был сборный пункт пленных.

Сдав командиру отделения трех обезоруженных немецких солдат, Борис Комаров направился к кирпичному дому. С его чердака бил пулемет. В поединке с вражескими пулеметчиками и на этот раз взял верх отважный воин. Помогли несколько гранат с длинными деревянными ручками, которые подобрал Комаров по дороге. Но основой быстрого выполнения боевой задачи были точный расчет и быстрота.

...Через четыре дня командир полка Герой Советского Союза подполковник Субботин подписал представление о награждении гвардии рядового Комарова Бориса Георгиевича орденом Славы I степени.

КОМАРОВ Борис Георгиевич, род. 6.3.1925 в с. Долгоруково Пензенской обл. Русский. Жил в г. Невьянск Свердлов. обл. Окончил 7 классов. Работал в совхозе. В Кр. Армии с ноября 1942.

На фронте в Вел. Отеч. войну с февр. 1943. Снайпер 266-го гв. стр. полка (88-я гв. стр. див., 8-я гв. армия, 1-й Белорус. фронт) гв. рядовой К. за период 15.10-29.11.44 уничтожил в р-не нас. пункта Цециловка (Радомское воеводство, Польша) 11 враж. солдат и офицеров. 12.12.44 нагр. орд. Славы 3 ст. В период боев на одерском плацдарме в р-не г. Франкфурт (Германия) 7.02.45 истребил из снайпер. винтовки 7 гитлеровцев. 31.3.45 нагр. орд. Славы 2 ст. При прорыве обороны пр-ка в р-не г. Бонсдорф 16.4.45 первым ворвался в траншею пр-ка, гранатой подорвал пулемет. точку и захватил в плен 3 пехотинцев. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

Умер от ран 16.4.1945. Похоронен близ г. Бранденбург (Германия).

Лит.: Созвездия Славы. Свердловск, 1975. С. 172-176; Солдатская слава. Свердловск, 1985. С. 103.

Всегда на страже

В сорок первом году, 19 июня, Алексей Иванович Коротков был зачислен рядовым срочной службы в строительный батальон. Предстояло не столько боевой подготовки, сколько работы на стройках казарм, квартир для семей офицеров, гаражей, солдатских клубов. Главное вооружение у стройбатовцев — мастерки, пилы, рубанки. Три года прослужишь — и получишь из тебя опытный каменщик или плотник. Можно сказать, не военная служба, а ремесленное училище.

Но не кончил Коротков это училище, по сути дела, и не начинал — в страну вторглись гитлеровские войска. Его перевели в запасной стрелковый полк, собственно, тоже в школу, но уже во всех отношениях боевую. Сначала он сам обучался минометному делу, потом стал обучать других. И только в мае сорок второго года, будучи уже сержантом, командиром 82-миллиметрового миномета принял боевое крещение в очень горячей купели под Смоленском. Ликвидировали немецкий выступ Ржев—Вязьма—Ярцево, с которого Гитлер собирался нанести повторный удар в направлениях Калинин и Москва.

Здесь Коротков получил первую награду — медаль «За боевые заслуги». И первое ранение в руку. Затем на смоленском направлении вторая награда — медаль «За отвагу», и тоже ранение — в ногу. Потом было столько городов, боев и наград, что Алексей Иванович уже и не мог последовательно восстановить в памяти, где, что и когда происходило. Немыми свидетелями тех далеких грозных лет остались медали и ордена: Красной Звезды, Красного Знамени, Славы всех трех степеней.

Был Коротков недолго и в лыжной бригаде, тоже командиром миномета. А после ранения его направили в разведывательную роту 359-й дивизии.

Всякий военный, любого рода войск, должен уметь вести разведку. Но к разведчику-специалисту предъявляется больше требований и умения вникать в тайны противника, брать «языка», развязывать захваченный «язык». Коротков оказался даровитым разведчиком и до конца войны оставался им в том же соединении.

В военной разведке много романтики, беспощадно суровой, беспредельно мужественной. Но эта романтика не выносит слабых и излишне чувствительных, долго не уживается с лихачами и ухарями. Коротковым, конечно, руководило не влечение к романтике, а долг советского человека, ненависть к врагу.

В целом войсковая разведка в некоторой степени рядовое, будничное занятие и может разочаровать любителя приключений. Чтобы с переднего края взять «языка», нужна была большая, тщательная подготовка.

Путем наблюдения «язык» намечался персонально. Коротков предпочитал пулеметчиков: надежнее, их на огневой точке двое, один ушел, другой остался около пулемета. Автоматчики хуже: ничем к месту не привязаны, взял и ушел в самый нужный для разведчика момент.

Уже из наблюдений за кандидатом в «языки» разведывательная группа узнавала, как у него с силенкой, со стрелковой подготовкой, смелостью, какой распорядок дня, некоторые привычки. Одновременно разрабатывалась тактика действий и меры обеспечения их. Будущий «язык» не подозревал, что из-за него советские саперы проделывали проход в заграждениях. Взвод, а иной раз и рота, с подключением артиллерии, готовилась к поддержке разведчиков, в случае необходимости. В самой разведгруппе выделялись подгруппы и распределялись роли: кто, как и где должен действовать при сближении, захвате, отходе. И на завершающем этапе для «языка» готовились плащ-палатка, веревка, кляп. Кульминационным актом был момент, когда глухой ночью, в абсолютной тишине, с бруствера на «языка» сваливался какой-нибудь дюжий пензяк или рязанец. Фашист и пикнуть не успевал, как оказывался с кляпом во рту и надежно спеленут в плащ-палатку. Эпилогом была запоздавшая тревога в лагере врага, награды участникам ночной вылазки соответственно мастерству каждого. Говорили, покажи в немецкой траншее солдата, дай дня три сроку Короткову, и он представит заказанного фашиста в живом виде.

Операции по добыче «языка» с передовой походили друг на друга. Больше разнообразия, непредвиденности и риска было при разведывательных рейдах в тыл противника.

Самый дальний и длительный рейд Короткова был в Польше, под городом Жешув. Разведгруппа состояла из тринадцати человек. В боевой задаче указывалось: глубина на радиус действия радиостанции группы, разведывать дислокацию и передвижение войск противника, в бой ввязываться при самой крайней необходимости. Двадцать два дня продолжался рейд. Тринадцать советских бойцов на территории, переполненной войсками врага, были предоставлены самим себе, своей смелости и физической выносливостью, крепости нервов и чистой совести. Без какой-либо помощи, под конец голодные и без боеприпасов, они сохранили боевой дух и потеряли всего одного человека. Он не погиб, а в прямом смысле слова потерялся ночью в лесу и через какое-то время дал знать о себе из другой части, к которой благополучно вышел.

Все эти дни разведгруппа, оставаясь неуязвимой невидимкой, служила целому стрелковому корпусу зоркими глазами в тылу у немцев. Ежедневно в штаб корпуса от нее шли радиодонесения, ее разведанными пользовалась и авиация. Разведчикам пришлось даже видеть, как по целеуказанию Короткова советские бомбардировщики на одной станции громили немецкий эшелон с танками.

Боев не принимали, но без коротких схваток не могли обойтись. В засаде подкараулили три штабные машины. Одну подбили и захватили у офицера связи приказ о перемещении немецких частей на большом участке фронта. Советские войска с успехом использовали в наступательной операции приказ, переданный Коротковым через польских партизан.

Связались сначала с одним отрядом поляков. Своими настроениями и деятельностью он не понравился разведчикам. Разобрались: отрядом руководило из Англии бежавшее туда польское реакционное правительство. Дипломатично расстались с такими «друзьями», которым немцы обещали неприкосновенность, если они разминировать путь отступления «победоносным» дивизиям Гитлера. Вскоре установили связь со вторым отрядом, подлинно польскими патриотами — народными мстителями.

В другом рейде, в Карпатах, Коротков разведал, что немцы отошли, оставив на укрепленных позициях чешские войска. Мобилизованные Гитлером чехи оказались зажатыми в тиски: с востока подходила Советская Армия, а за спиной их поджимали немцы, закрывая отход. Разведгруппа Короткова установила с чехами контакт, и советское командование убедило их сложить оружие. Удалось избежать лишнего кровопролития.

С переходом советскими войсками немецкой границы, особенно ожесточились бои в населенных пунктах. Характер разведки значительно изменился, иногда вся задача заключалась в выяснении обстановки в соседнем квартале, отдельном доме, этаже, в комнате за стеной. Несмотря на такие малые масштабы задач, выполнение их было не менее сложно, чем глубокие рейды в тыл противника. Они требовали большой изобретательности и разнообразия действий.

...Город зло и отчаянно обороняли части, сформированные из солдат — местных жителей — на что только не возлагали надежд гитлеровские генералы. В районе городского кладбища засекли немецкую батарею, доставляющую много неприятностей советским войскам. Когда по батарее открывали огонь, она мгновенно исчезала, а потом снова появлялась. Коротков получил задание выследить батарею, и как только она выйдет на огневую позицию, дать сигнал. Подойти к батарее улицами не было никакой возможности, из каждого окна били фашистские пулеметы и по нескольку автоматчиков. Улицы были перекрыты баррикадами и забрасывались из окон гранатами. Короткову с несколькими товарищами удалось найти забытые или неизвестные местным защитникам подземные подступы. Они проползли к самой батарее по тесным траншеям с проложенными по ним трубами и проводами.

Оказалось, что немецкая батарея тоже скрывалась в подземелье, входы в которое были у самой огневой позиции. Выждав, когда пушки выкатят из укрытия, Коротков дал условленный сигнал. Советские артиллеристы были начеку и тут же ответили залпом, сразу накрыв чужую батарею, а заодно было и своих разведчиков — так близко они находились от немцев, наблюдая за ними из люка.

Случалось, что сутками полдома занимали советские бойцы, полдома — фашисты. Не раз приходилось Короткову брать «языка» из соседней комнаты. Это считалось самым простым делом: под стену подкладывался тол, сразу после взрыва разведчики врываются в комнату и пока оглушенные «языки» не опаматовались, выбирали лучших — разведчики знали в них толк.

Закончил войну Коротков в городе Бреслау, где добивали последнюю окруженную немецкую группировку. В числе четырех человек, из наиболее отличившихся в дивизии, ездил в Москву для участия в параде Победы. В сводном полку 1-го Украинского фронта прошел по Красной площади мимо вороха знамен поверженной фашистской Германии. Где-то в этой большой куче шелка и бархата со свастикой были и знамена частей, в разгроме которых немалое значение имела мастерская разведка старшего сержанта Короткова.

В мае 1946 года Алексей Иванович демобилизовался и вернулся в село Кривоозерье к своему прежнему занятию пожарного. До ухода на пенсию он продолжал вести бои, но теперь уже с пожарами. В войне с огнем много общего с настоящей войной. Служба уставная, дисциплина по армейскому образцу. Требуется то же мужество, смелость и решительность в действиях.

КОРОТКОВ Алексей Иванович, род. 25.3.1919 в с. Кривоозерье Пензенской обл., ныне вход. в состав областного центра, в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. Работал в пожарн. охране. В Кр. Армии с июня 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с окт. 1941. Разведчик 423-й отд. развед. роты (359-я стр. див., 6-я армия, 1-й Укр. фронт) ст. сержант К. в составе группы 19.3.44 при выполнении боев, задания недалеко от г. Тернополь лично сразил ок. 10 гитлеровцев, бойцы захватили 3 пулемета и 3 миномета. 10.5.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 21.01.45 пом. ком-ра взвода той же роты К. с бойцами отбивал атаки пр-ка в р-не нас. пункта Скольнув (Польша). Из захваченного у врага пулемета истребил св. 10 солдат и офицеров неприятеля, подавил огн. точку. 6.02.45 нагр. орд. Славы 2 ст. Ком-р взвода той же роты К. за период боев с 24.01 по 20.4.45 (в том числе под г. Бреслау — ныне Вроцлав, Польша) взял в плен неск. враж. солдат и офицеров, лично уничтожил ок. 20 гитлеровцев. 27.6.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 старшина К. демобилизован. Работал в г. Пенза во вневедомственной охране. Нагр. орд. Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 10.9.1982.

Лит.: Лобода В.Ф. Солдатская слава. М., 1963. Кн. 1. С. 150.

Командир взвода пешей разведки

Владимир Захарович Коршунов (1922-1977)

КОРШУНОВ Владимир Захарович, род. в 1922 в с. Ключ, ныне Наровчатского р-на Пензенской обл. в семье рабочего. Русский. Образование неполное среднее. Работал в колхозе. В Кр. Армии с сент. 1941. На фронте в Вел. Отеч. войну с янв. 1942.

Пом. ком-ра взвода 28-й отд. развед. роты (5-я стр. див., 3-я армия, 2-й Белорус. фронт) ст. сержант К. 20.12.43 с группой захвата преодолел р. Днепр, в числе первых ворвался в траншею пр-ка в р-не г. Рогачёв, гранатой уничтожил пулемет вместе с расчетом. В бою сразил еще 6 пехотинцев. 5.3.44 К. нагр. орд. Славы 3 ст. Группа разведчиков во главе с ком-ром отделения взвода пешей разведки 190-го стр. полка старшиной К. 5.02.45 проникла в расположение пр-ка в р-не г. Браунсберг (ныне Бранево, Польша), истребила 8 и взяла в плен 2 солдат. 17.02.45 в бою с неприятелем в р-не г. Бартенштайн (ныне Барто-пице, Польша) отделение К. подавило 2 пулемет. точки и истребило св. 10 гитлеровцев. 16.3.45 К. нагр. орд. Славы 2 ст. Ком-р взвода пешей разведки того же полка К. с группой захвата в р-не залива Фриш-Хафф (ныне залив Висляни, Польша) 25.3.45 уничтожили ок. 10 враж. солдат и св. 20 взяли в плен. 29.6.45 К. нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Жил в с. Ключ. Работал в Рембыгтехнике. Нагр. орд. Красной Звезды, медалями. Умер в 1977.

По сведениям краеведа Н.И. Забродиной, село Ключ Наровчатского уезда при Советской власти стало называться поселком Красный Ключ. В начале 20-х годов там располагалась 1-я Милюковская коммуна. Сейчас это — село Милюковка Наровчатского района.

*Командир 45-милли-
метровой пушки
Петр Михайлович Костин*

КОСТИН Петр Михайлович, род. 19.10.1918 в с. (ныне пгт) Мокшан Мокшанского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина.

Русский. Член КПСС с 1945. Работал на судорем. з-де в бухте Курикса Приморского края. В Кр. Армии с 1939.

На фронте в Вел. Отеч. войну с нояб. 1942. Наводчик 45-мм пушки 1081-го стр. полка (312-я стр. див., 69-я армия, 1-й Белорус. фронт) гв. ст. сержант К. участвовал в боях на пулавском плацдарме. 15.8.44 из орудия поразил 2 пулемета пр-ка с прислугой. Когда враж. пехота перешла в контратаку, артиллеристы нанесли врагу урон в живой силе, помогли пехоте удержать занимаемый рубеж. В этом бою К. истребил св. 10 солдат. 20.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 14-15.01.45 ком-р 45-мм пушки К. со своим расчетом в р-не нас. пунктов Жабенка, Полисе (Польша) огнем из орудия обеспечивал продвижение стрелков. Артиллеристы уничтожили 3 пулемета с расчетами. 17.02.45 нагр. орд. Славы 2 ст. 16.4.45 старшина К. участвовал в прорыве обороны пр-ка в р-не г. Лебус (Германия). Его расчет разбил 6 пулемет. точек, истребил до взвода гитлеровцев, чем обеспечил захват траншей стр. подразделениями. 21.4.45 расчет под командованием К. на берлинском направлении отразил контратаку пр-ка, уничтожил БТР и до отделения пехоты. 24.4.45 К. заменил раненого ком-ра взвода, вместе с бойцами отразил 4 враж. контратаки. Пр-к понес значит. урон в живой силе и боевой технике. Когда боезапас был израсходован, К. поднял взвод в атаку и с помощью захваченных фаустпатронов подавил 2 пулемета. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

Такие не умирают

Не пытайтесь разыскать на больших географических картах нашей страны село Новый Мачим, что в Шемышейском районе на Пензенщине. Вы не найдете его. Возможно, не обозначено на картах в Чехии и местечко Сантово. Расстояние между этими населенными пунктами измеряется тысячами километров. Живут в них простые люди, занимаются мирными земными делами.

И, несмотря на все это, где-то затерявшиеся в двух странах селения волей судеб связаны между собой — жизнью и смертью одного человека.

В Новом Мачиме родился человек. Провел детство и юность. Здесь учился, испытал радости труда и первую любовь. Отсюда в грозную годину Великой Отечественной войны девятнадцатилетним юношей ушел на фронт, чтобы отомстить врагу за гибель родного брата Аверьяна, за кровь односельчан, за весь советский народ, терзаемый фашистами.

В Сантово в феврале 1945 года перестало биться сердце молодого воина. Он пал смертью храбрых, освобождая чехословацких друзей от гитлеровской неволи. За этот незнакомый поселок он боролся так же мужественно, как за каждый советский город, за маленькую смоленскую, белорусскую или украинскую деревушку, впервые встречавшиеся на его фронтовом пути.

В обеих странах по-разному вспоминают этого высокого, стройного, красивого юношу. На пензенской земле, где жили его отец, брат, сестра, школьные товарищи, колхозники говорят, что Николай Кудашов отличался исключительно мягким характером, был тихий, работящий. Радовались родители, глядя на сына, завидовали им соседи.

Наши чехословацкие друзья вспоминали о Николае и рассказывали своим детям, как этот русский солдат огнем из своего танка в упор уничтожал фашистские машины, орудия и пехоту. Правда, они не могли видеть его живым, он находился в танке, видели только, как его хоронили боевые товарищи, слышали добрые слова о гвардейце, на чужом, но близком им языке.

Однополчане из двадцатой танковой бригады тоже тепло вспоминали командира орудия Николая Сидоровича Кудашова. Они помнили его по тяжелым под Курском, в Белоруссии, Польше и Чехословакии. Знали его как замечательного бойца и товарища, активного комсомольца.

Пожелтевшие архивные документы, наградные листы, донесения рассказывают о погибшем воине по-фронтовому кратко и сухо, но они дают нам право судить, что это был смелый и волевой сержант. Сестра Николая

Афросинья Сидоровна, учительница по профессии, вспоминала о фронтовых письмах брата: «Они были написаны наспех, лаконично и скромно». — «Бьем ненавистных фашистов, продвигаемся на запад, жив, здоров». Даже когда на груди были уже ордена Славы, Красной Звезды и медаль «За отвагу», он и об этом писал своим родным и друзьям коротко, что имеет правительственные награды, а какие — не называл.

Когда через двадцать два года после окончания войны стало известно имя нашего земляка, полного кавалера ордена Славы, мы спросили отца героя, знал ли он о подвигах сына. Сидор Григорьевич ответил: «Коля об этом не писал. Я вспоминаю его письма, в которых он только всегда просил передать своим односельчанам, что не посрамил в боях пензенской земли».

Да, он не посрамил родного края.

В первый бой Николай Кудашов вступил на Курском выступе. Там, где с обеих сторон участвовало в сражении несметное число танков и самоходных установок, авиации и артиллерии всех калибров, где от гула машин, разрывов снарядов и бомб содрогалась на много километров земля.

Танковая рота, в которой служил Николай, находилась в обороне. В смотровую щель он увидел, как в их сторону двигались более 20 вражеских танков. Они шли как на параде, ведя беспорядочную стрельбу. Молодой боец впервые увидел такую железную лавину. Невольно крикнул:

— Товарищ командир, фашисты прут!

— Вижу, спокойно, Кудашов. Будьте наготове. Держите на прицеле справа переднего, — уверенно сказал командир танка.

Экипаж понимал волнение новичка. Первый бой, первое испытание, проверка не только знаний, но и нервов. Николай замер у прицела. Когда машины противника были на расстоянии не более трехсот метров от места засады, он услышал команду:

— По фашистским танкам, огонь!

Выстрел, за ним второй, третий. Кудашов не слышал криков одобрений товарищей. Его внимание было направлено только туда, где маневрировали и горели фашистские танки. Когда атака была отбита, а уцелевшие четыре машины ушли в укрытие, тогда только Николай Кудашов вытер с лица пот и нашел в себе силы пошутить как бывалый воин: «Порядок в танковых войсках».

Командир танка был скуп на похвалы, но здесь не выдержал, обнял Николая по-братски и, немного волнуясь, похвалил: «Молодец, в первом бою сдал экзамен на «отлично». Посмотри, как догорают три твоих «крестника». Так держать, ефрейтор!»

Так и держал ефрейтор, а впоследствии сержант, около двух боевых лет. Глубокие рейды в тыл врага, преследование отступающего противника, отражение контратак, да мало ли боевых действий можно назвать, в которых пришлось участвовать нашему земляку. Бои были тяжелые, иной раз неравные. Два раза приходилось Николаю выскакивать из горящего

танка. Был ранен. Ремонтировал с товарищами танк, но километр за километром, громя врага, продвигался на запад.

В обычное, как говорили танкисты, «рядовое» наступление советские войска натолкнулись в одном селе на сильную оборону противника. Враг, придавая тактическое значение этому пункту, превратил его в неприступную крепость. Тут были надолбы, противотанковые орудия, минное поле. Но больше всего причиняли беспокойства и неприятностей наступающим вкопанные вражеские танки. Их было трудно обнаружить, а еще труднее поразить. Требовался опытный снайпер-танкист. И решить эту задачу поручили экипажу, в котором был Кудашов.

— Ну, Николай, успех зависит от твоей меткой стрельбы, — сказал командир роты Кудашову. — Мы должны на самой большой скорости уничтожить цели. Не сделаем этого — сторим сами...

— Постараемся, товарищ командир, — как всегда коротко ответил Николай.

Три раза прославленный «Т-34» стремительно врывается в оборону врага и Кудашов успевавал сделать по пять-шесть метких выстрелов. Задача была выполнена блестяще, основные огневые точки врага уничтожены, танкисты с пехотой овладели укрепленным пунктом. И снова вперед, на запад.

О последнем роковом бое повествует донесение:

«Наша часть с ходу неожиданно ворвалась в населенный пункт Сантово. Противник не ожидал такой дерзости советских танкистов. В гарнизоне началась паника. Немногие танки и орудия немцами были приведены в боеготовность. Их расстреливали или давили гусеницами гвардейцы. Бой продолжался не больше часу. И противник был разгромлен, а оставшиеся в живых фашисты сдавались в плен».

Казалось, что и этот бой выигран экипажем без потерь, но судьба изменила на сей раз. Когда танк выскочил на западную окраину села, неизвестно откуда вражеский снаряд пробил боковую броню в том месте, которое прикрывало Кудашова. Николай не успел произнести ни одного слова, он был смертельно ранен и скончался на руках товарищей.

Не дожил герой до полной победы над врагом меньше трех месяцев. Он погиб, но память о нем сохранилась. Он жив в сердцах людей как в русском селе Новый Мачим, так и в словацком Сантово.

Долгое время, когда могила Кудашова находилась на сельском кладбище, жители внимательно ухаживали за ней. Потом по решению Чехословацкого правительства в городе Штурово было открыто кладбище погибших советских воинов. Здесь захоронены 5247 советских бойцов и командиров. Сюда перенесли гроб Николая. На высоком мраморном обелиске золотом написаны слова: «Вечная слава воинам Красной Армии, павшим в боях за честь и независимость Советского Союза и освобождение словацких народов от фашизма».

Жители села Сантово и поныне ездят на могилу Николая Сидоровича Кудашова, чтобы отдать почести русскому солдату.

КУДАШОВ Николай Сидорович, род. 19.12.1925 в с. Новый Мачим Шемпейского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Мордвин. Окончил 5 классов. Работал в колхозе. В Кр. Армии с янв. 1943.

В боях Вел. Отеч. войны с марта 1943. Ком-р орудия Т-34 20-й гв. танк, бригады (5-й гв. танк, корпус, 6-я танк. армия, 2-й Укр. фронт) гв. ст. сержант К. отличился в бою 20.8.44. Его экипаж ворвался в расположение пр-ка, захватил мост через р. Бузэу (Румыния), а затем совместно с танк. ротой овладел и г. Бузэу, куда пробился в числе первых. В ходе боя танкисты уничтожили 2 пулемета, 5 орудий и св. 15 солдат и офицеров пр-ка. 19.9.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 3.10.44 гв. ст. сержант К. с экипажем принял неравный бой с враж. засадой у нас. пункта Сепиу-Леш (Румыния). При этом было уничтожено св. 10 пехотинцев, подожжен танк «тигр», подбиты 2 орудия и подавлено 5 пулемет. точек врага. От прямого попадания снаряда танк загорелся, однако экипажу удалось ликвидировать огонь, после чего был подбит БТР пр-ка с пехотой. Второе попадание враж. снаряда вывело из строя весь экипаж, К. был тяжело ранен. 14.12.44 нагр. орд. Славы 2 ст. В боях на подступах к г. Вац (Венгрия) экипаж танка, в составе к-рого был ком-р орудия ст. сержант К., 8.12.44 уничтожил 10 пулемет. точек, пушку и до 20 гитлеровцев.

28.4.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

2.01.1945 погиб в бою у нас. пункта Сантово, похоронен в г. Прага (Чехия).

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза. 1968. С. 128-134.

Награда нашла героя

В этот по-весеннему солнечный мартовский день многие жители села Кочетовки заполнили свой Дом культуры. Их взволновало знаменательное событие: односельчанину Гавриилу Яковлевичу Лаухину, активному участнику Великой Отечественной войны вручали высокую солдатскую награду — орден Славы первой степени.

Так уж случилось, что фронтовик в свое время не получил заслуженную награду. Но благодаря кропотливой поисковой работе она нашла своего героя.

Торжественное собрание открыл военком Каменского района подполковник В.Ф. Процюк. О боевом пути Г.Я. Лаухина, его мужестве и храбрости в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками рассказал начальник политотдела Пензенского облвоенкомата полковник М.Н. Пищулин. А затем под бурные аплодисменты присутствующих он прикрепил к груди ветерана высокую боевую награду. Теперь Гавриил Яковлевич стал в Каменском районе вторым полным кавалером орденов Славы.

Сердечные поздравления, искренние чувства уважения фронтовику за его ратные дела во имя защиты Родины, пожелания крепкого здоровья и благополучия в жизни выразили в своих выступлениях второй секретарь Каменского горкома КПСС А.Н. Губанов, секретарь парткома совхоза «Кочетовский» А.С. Мишалов, ветераны войны П.Е. Крысин и В.И. Комардин, учительница В.Н. Новоженова и другие.

Гавриил Яковлевич высказал глубокую признательность за оказанное ему внимание, горячо поблагодарил Коммунистическую партию и Советское правительство за постоянную заботу о ветеранах минувшей войны. Воину-фронтовику сельчане преподнесли букеты цветов, вручили памятный подарок.

Свыше десяти лет клуб «Поиск» Московского торгово-экономического техникума исследует боевой путь 60-й Севско-Варшавской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии (бывшей 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района Москвы).

Одним из важнейших направлений нашей работы является поиск не врученных по различным причинам боевых наград.

Работая в Центральном архиве Министерства обороны и в наградной картотеке Главного управления кадров Советской Армии, обнаружили, что бывший разведчик 468-й отдельной роты разведки 60-й стрелковой дивизии Гавриил Яковлевич Лаухин приказом по дивизии в декабре 1943 года был награжден орденом Славы III степени, но эта награда ему не вручена. Начали поиск, который увенчался успехом.

Г.Я. Лаухина нашли в селе Кочетовке Каменского района Пензенской области.

Из наградных листов на Гавриила Яковлевича, которые мы разыскали в архиве, узнали о его ратных подвигах.

...Декабрь 1943 года. Группа разведчиков получила приказ добыть «языка». Было решено операцию провести в районе деревни Погорелая Слобода. Но фашистов не оказалось в деревне. Местные жители рассказали, что большой отряд противника расположился в соседней деревне Михайловская, а к ним в деревню приезжают на лошадях за продуктами. Разведчики укрылись и стали вести наблюдение за дорогой, идущей от деревни Михайловская. Первым гитлеровцев заметил Лаухин и тут же доложил командиру. Разведчики пропустили фашистов. А затем внезапно, с тыла напали на них. Лаухин бросился вперед, ранил одного гитлеровца. И в этот момент заел автомат. Раненый решил воспользоваться этим. Но не успел он поднять винтовку, как Лаухин сбил его с ног и завладел винтовкой. Из нее он успел убить двух немцев. Положил раненого немца в повозку и доставил его командованию. Пленным оказался переводчиком из штаба корпуса. Он дал ценные сведения.

Приказ о награждении Лаухина орденом Славы III степени был подписан, когда он уже находился в госпитале. После излечения его направили в учебный танковый полк, а затем механиком-водителем танка в 91-ю танковую бригаду 3-й танковой армии. О награде ни он, ни его командиры в бригаде не знали.

Бывший разведчик, а теперь уже танкист, Лаухин продолжал показывать в боях мужество и отвагу. 27 января 1945 года, бесстрашно маневрируя на поле боя, давая гусеницами своего танка живую силу и огневые средства противника, первым ворвался на железнодорожную станцию Николаи, чем обеспечил успех основным силам батальона, за что в феврале был награжден орденом Красной Звезды. Сержант Лаухин продолжал вести свой танк на Запад.

В марте 1945 года его наградили орденом Славы III степени.

И вот, наконец, последнее фашистское логово — Берлин. Участвуя в уличных боях на Помасс-штрассе, экипаж танка, который вел Лаухин, действовал смело и решительно. В результате боев за Берлин он уничтожил много живой силы и техники врага, захватил три квартала, 35 автомашин, 45 солдат и офицеров противника было взято в плен.

За мужество и отвагу, проявленные в боях за Берлин, сержант Лаухин был награжден орденом Славы II степени.

Окончилась война. Гавриил Лаухин возвратился в свой родной совхоз «Кочетовский» Каменского района Пензенской области. Работал механизатором. За добросовестность, трудолюбие и отзывчивость его уважали односельчане. Наставник молодежи, награжденный знаком «Ветеран труда», он и после ухода на пенсию продолжал работать в совхозе. Недавно, в связи с ухудшением состояния здоровья, ушел на заслуженный отдых. 24 декабря 1981 года в Москве состоялась встреча ветеранов Великой Оте-

чественной войны с коллективом техникума. На вечере в этот день было вручено отважным бойцам 19 боевых наград, которые разыскали члены клуба.

Среди награжденных был и Гавриил Яковлевич Лаухин. Орден Славы III степени, которым он был награжден в 1943 году, вручил ему Герой Советского Союза генерал-полковник в отставке Андрей Матвеевич Андреев.

С того памятного дня прошел месяц. И мы испытали новую радость. 22 января 1982 года Президиум Верховного Совета СССР изменил приказ, изданный в марте 1945 года, о награждении Гавриила Яковлевича Лаухина орденом Славы III степени и наградил его орденом Славы I степени.

Теперь Г. Я. Лаухин стал полным кавалером орденов Славы.

И как прежде, в строю

Гавриил Яковлевич Лаухин долгое время даже не догадывался, что он полный кавалер орденов Славы. И только уже в 1982 году, когда от ребят из Московского торгового техникума пришло письмо, вспомнил, что командир, отправляя его в госпиталь, говорил: «Сержант, мы тебя к ордену представили, вернешься, получишь его». Но когда подлечился Гавриил Яковлевич, служить его направили в другую часть, а вскоре и война кончилась.

Демобилизовался, вернулся в свою Кочетовку, что в Каменском районе. Тут уж не до орденов было. Работал, хлеб растил, комбайнером, трактористом был. И нынешняя современная техника по условиям комфортности — не подарок, а тракторы тех времен? Да еще учтите, что вернулся Гавриил Яковлевич с фронта инвалидом. Но так же, как и остальные сельчане, работал без выходных, годами без отпуска. Словом, забыл он про тот орден, ребята-москвичи напомнили, разыскали наградные документы.

— Первый бой у меня под Москвой был, а после него построил нас полковник и говорит: «Кто в разведку хочет, шаг вперед!» Я и вышел. Всю войну и был в разведке, и за «языками» ходил, и за фронт к партизанам...

Пошли мы раз в разведку. Темнота, да немец ракету за ракетой пуляет, все-таки пробрались. В лесок вошли, слышим вдруг: где-то, рядом немцы лялякают, котелками гремят, поесть, видно, собираются. Выскочили мы, и давай их крошить, ядрена копалка, они от нас в одних подштанниках разбегались. Прихватили мы с другом фрица, связали его, тащить надо, а он тяжелющий. Сообразили, к кухне его на котел привязали и ходу назад, домой.

— Довезли немца?

— Довезли!.. И его, и кухню с кашей, остыть она не успела. Они — фрицы-фрицы, а кашу варить умели, ребята наши ее быстренько навернули.

— А когда вас в первый раз ранило?

— Нарвались мы на пулеметную засаду, не дает он, ядрена копалка, пройти, вот командир и говорит: «Оставайся здесь, Лаухин, дразни его, гада, а мы с тыла обойдем». Ушли ребята, а я нет-нет да и стукну из автомата, он в ответ — очередь. Так и перестреливались, а тут ребята и скрутили его. Правда, пока перебегал я с места на место, зацепил он меня. Потом мне рассказали: смертник это был, к пулемету цепью прикованный. Такие вот дела...

Прошел Гавриил Яковлевич с боями от Москвы до Берлина. Несколько раз был ранен, но возвращался в строй. Он и сейчас в строю, несмотря на преклонный возраст и фронтовые ранения. Человек по натуре своей энергичный, непоседливый, часто встречается с молодежью, заходит в каменские школы. Да и в квартире его пусто не бывает.

ЛАУХИН Гавриил Яковлевич, род. 13.6.1911 в с. Кочетовка ныне Каменского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Работал трактористом в колхозе. В Кр. Армии с 1931 по 1933 и с 1941.

В боях Вел. Отеч. войны с июня 1941. Разведчик 468-й отд. развед. роты (60-я стр. див., 65-я армия. Белорус. фронт) рядовой Л. 18.12.43, действуя в составе развед. группы в тылу пр-ка (40 км сев. с. Калиновичи, Белоруссия), первым вступил в бой с врагом, уничтожил 2 и взял в плен 1 гитлеровца. 31.12.43 нагр. орд. Славы 3 ст. 27.01.45 в единоборстве с превосходящими силами пр-ка танк, управляемый механиком-водителем Л. (91-я танк. бригада, 9-й мех. корпус, 3-я гв. танк. армия, 1-й Укр. фронт), уничтожил 3 пушки, 2 бронетранспортера, 6 автомашин, до 30 враж. солдат и офицеров (в р-не г. Николаи, 9 км южн. г. Кохловиц, Польша). 17.3.45 нагр. орд. Славы 3 ст., 22.01.82 перенагр. орд. Славы 1 ст. Ст. сержант Л. (тот же боев. состав) 26.4-2.5.45 и уличных боях за г. Берлин истребил 3 фаустников, св. 10 автоматчиков. Во взаимодействии со стр. подразделениями танкисты захватили 3 квартала. 18.5.45 нагр. орд. Славы 2 ст.

После демобилизации в сент. 1945 вернулся на родину. Работал трактористом. Жил в г. Каменка. Нагр. орд. Красной Звезды, медалями. Скончался 14.06.1997.

За день до Победы

Восемнадцатилетним шел он на фронт. Ушел туда, где полыхал огонь и бродила смерть. Из рассказов отца и учителей в школе знал, как досталась свобода, которую он, Левкин Иван Васильевич, должен был теперь защищать. И он ее достойно защитил: сражался на Воронежском фронте, форсировал Днепр, изгонял немцев с Украины, освобождал Чехословакию.

Юноша попал на фронт, когда немцы после поражения на Курском выступе откатывались на Запад. Вскоре боевые дороги привели его к Днепру. Был на исходе сентябрь 1943 года. Этот месяц вошел в историю Великой Отечественной войны как месяц массового героизма солдат и офицеров. Если бы мог седой Днепр поведать о тех, кто сражался в эти дни на его берегах! Это была бы бесконечная книга о подвигах советского солдата.

Началось форсирование реки. Иван Левкин одним из первых оказался со своим орудием на плацдарме в Букринской излучине южнее Киева. Это был небольшой кусочек земли, всего 66 квадратных километров. Ивану приходилось защищать еще меньше, но это была наша, родная земля.

Левкин смотрел на реку и вспоминал родные места. Его детские годы прошли в селе Кульмановка Нижнеломовского района, откуда их семья в 1936 году переехала на Алтай, в рабочий поселок Тальменка, стоявший на реке Чумыш. Он любил эту спокойную летом и бурную в период весеннего паводка реку, когда она выходила из берегов и заливала улицы. Летом вместе со своими сверстниками все свободное время проводил на реке. На спор с друзьями переплывал ее туда и обратно без отдыха. Правда, попадало от отца, но если бы он сейчас знал, как это пригодилось при форсировании Днепра, когда плот был разбит снарядом.

Вот уже несколько дней он на плацдарме. Опомнившись, гитлеровцы бросили пехоту и танки против смельчаков. Но пехотинцы и артиллеристы стояли насмерть. Только 29 сентября Иван Левкин участвовал в отражении шести вражеских контратак, уничтожив из своего орудия до 40 гитлеровцев. Не менее ожесточенными были контратаки последующих дней.

Утро 1 октября началось с очередной вражеской контратаки, а к исходу дня Левкин сбился со счета, отбивая их. Кончились снаряды. Бойцы расчета были тяжело ранены или убиты. Иван остался один...

Редкая цепь фашистов бежала по направлению к орудию. До них оставалось метров сорок, когда Левкин обрушил на них огонь автомата. Те залегли, но, подгоняемые криком офицеров, снова рванулись вперед. Затвор автомата щелкнул — выстрела не последовало: кончились патроны. Иван взялся за гранаты, бросал их одну за другой. Осталась последняя, он при-

готовил ее и ждал. Вдруг слева послышалось громкое «ура!» и раздалась автоматные очереди. Шла помощь. Подбежавший старшина насчитал вокруг орудия 18 гитлеровцев.

— Хорошо воюешь, младший сержант.

Орден Славы III степени украсил грудь Ивана Левкина за этот бой.

Все дальше и дальше на запад отодвигалась линия фронта. В летние дни 1944 года развернулась жестокая битва за полное освобождение Украины от гитлеровских оккупантов. 691-й артиллерийский Краснознаменный полк 237-й Пирятинской стрелковой дивизии, в котором Иван был наводчиком орудия, отличился в боях за освобождение города Станислав и получил почетное наименование Станиславского.

За один месяц боев младший сержант Левкин показал себя отличным наводчиком. Его меткие выстрелы разили технику и живую силу врага. Туда, где было трудно и опасно, командир полка посылал коммуниста Левкина.

23 июля в районе села Думка немцы, перейдя в контратаку, вклинились в боевые порядки нашей пехоты. Двигаясь по ложине, они хотели просочиться во фланг нашей пехоте и отрезать ее от батареи. Левкин обнаружил это и, быстро развернув орудие, открыл огонь. Гитлеровцы опешили, но вскоре обнаружили, что огонь ведет всего лишь одно орудие. Они попытались окружить его. Но орудие било в упор. Гитлеровцы, не выдержав, поспешно стали отходить. Увидев, как они устанавливают ротный миномет, Иван пятью снарядами уничтожил расчет. Так благодаря решительности и стойкости орудийного расчета Левкина была ликвидирована угроза флангового удара, и наша пехота восстановила прежнее положение.

Продолжая наступление, наши стрелковые части в районе села Рахин были контратакованы батальоном вражеских солдат. Иван Левкин выкатил орудие на прямую наводку и метким огнем рассеял ряды атакующих, подавил станковый пулемет и уничтожил до 20 гитлеровцев.

За мужество и отвагу приказом войскам 1-й гвардейской армии он был награжден орденом Славы II степени.

237-я Пирятинская Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия, преследуя врага, перешла государственную границу Чехословакии. Появление советских воинов на земле дружественного и союзного нам чехословацкого народа было встречено жителями городов и сел с огромной радостью, любовью, величайшей благодарностью за освобождение от ига фашистских поработителей.

На территории Чехословакии в декабре 1944 года в районе Скарош противник бросил против нашей дивизии 20 танков, за их стальными корпусами двигались фашистские автоматчики.

Командир артиллерийского полка подполковник Тоболов приказал подпустить их поближе. Воздух гудел от шума моторов, лязга гусениц. Фашистские танки на большой скорости приближались. Батареи молчали. Вот до них осталось 400 метров. И тогда орудия заговорили. Вспыхнуло пять танков. На орудие Левкина двигался «тигр», он выждал, когда танк

подставит бок и послал один снаряд за другим. «Тигр» задымил. Уцелевшие танки повернули назад.

Левкин открыл огонь по вражеской пехоте. Фашисты отступили.

1945 год. В январе во время прорыва обороны противника в районе Сеня младший сержант Левкин вновь отличился. Стрелковые подразделения вели наступление на передний край врага. И вот неожиданно для фашистов снаряды стали падать на их позиции. Это Иван Левкин скрытно выкатил свое орудие во фланг траншеи противника и метким огнем совершенно парализовал его огневую систему. Фашисты предпринимали отчаянные попытки восстановить положение, подтянули 75-миллиметровую пушку и минометную батарею. Тогда Левкин выдвинул орудие на прямую наводку и разбил их. Стрелковый батальон успешно атаковал и почти без потерь занял первую траншею немцев.

В боях на подступах к городу Кошица, когда враг всеми силами пытался удержать и сорвать наступление наших войск, Иван Васильевич огнем своего орудия, поддерживая продвижение нашей пехоты, вновь разбил батарею 81-миллиметровых минометов, подавил огонь 75-миллиметрового орудия и помог отбить контратаку роты противника.

13 февраля около населенного пункта Мендзыжеч рота фашистов, поддержанная тремя самоходными орудиями, перешла в контратаку. Огнем своего орудия Иван Васильевич подбил одну самоходку и нанес значительные потери наступающим фашистским автоматчикам. Контратака провалилась. Первомайские праздники он встретил вблизи Праги. Победа была близка.

Над рейхстагом трепетало Красное знамя Победы. Солдаты знали, что скоро конец войне. И посылали домой короткие письма: «Ждите, скоро буду дома...» Послал такую весточку и Иван Васильевич.

Войска 4-го Украинского фронта спешили на помощь восставшим пражанам. А 8 мая очередь из вражеского автомата сразила младшего сержанта Левкина.

Всего 24 часа не дожид солдат до Победы.

ЛЕВКИН Иван Васильевич, род. 11.3.1923 в с. Кульмановка ныне Мокшанского р-на Пензен. обл. Русский. Член КПСС с 1943. Окончил 7 классов. Работал на лесозаводе. В Кр. Армии с ноября 1941.

В боях Вел. Отеч. войны с июля 1942. Наводчик орудия 4-й батареи 691-го арт. полка (237-я стр. див., 40-я армия, Воронежский фронт) сержант Л. отличился в боях по удержанию плацдармов на прав. берегу р. Днепр. 29.9-1.10.43 (20 км юж. г. Киев) при отражении 6 контратак прямой наводкой уничтожил св. взвода солдат. 7.12.43 нагр. орд. Славы 3 ст. 23.7.44 в р-не с. Думка (Ивано-Франковск. обл.) при отражении контратаки Л. (полк и див. те же, 1-я гв. армия, 1-й Укр. фронт) вел

огонь по пр-ку, пытавшемуся окружить батарею. Уничтожил миномет и 6 пехотинцев. 31.7.44 у с. Рахин из орудия разбил крупнокалиб. пулемет, поразил св. 10 солдат, заставил пр-ка залечь, а затем отойти назад. 27.9.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 24.12.44 Л. (полк и див. те же, 18-я армия, 4-й Укр. фронт) в р-не нас. пункта Скароп (Чехословакия) при отражении контратаки пехоты и танков прямой наводкой подбил танк, рассеял и частично уничтожил до взвода пехоты. 17-18.01.45 при прорыве обороны врага у нас. пункта Сенья (там же) точным огнем уничтожил 75-мм орудие, накрыл миномет. батарею, подавил 2 пулемета. 19.01.45 на подступах к г. Кошице огнем орудия поддерживал наступление пехоты, разбил миномет. батарею, помог отразить контратаку враж. пехоты. 13.02.45 в бою за нас. пункт Мендзыжече (там же) при отражении контратаки пр-ка из орудия подбил арт. самоходную установку, рассеял св. взвода пехоты. 29.6.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

Погиб в бою 8.5.1945 в Чехословакии. Нагр. орд. Отечественной войны 2 ст., медалью.

Лит.: Кочетов А.В. Солдатская слава. 4-е изд. Барнаул, 1985. С. 95-98.

Отличился во многих боях

Липилин Иван Семенович

ЛИПИЛИН Иван Семенович, род. 28.12.1922 в с. Б. Ижмора Земетчинского р-на Пензенск. обл. в семье рабочего. Русский. Окончил 5 классов. Работал каменщиком. В Кр. Армии с дек. 1941.

В боях Вел. Отеч. войны с марта 1942. Разведчик 3-й батареи 121-го отд. истр.-противотанк. д-на (49-я стр. див., 33-я армия, 3-й Белорус. фронт) ст. сержант Л. в боях 15-16.8.44 у д. Дрейбулины (7 км сев.-зап. нас. пункта Волковьшки — ныне Вилкавишкис, Литва) разведка пр-ка, благодаря чему батарея отбила контратаки враж. пехоты и танков, уничтожила 3 танка и много жив. силы. Был ранен, но продолжал выполнять боев. задачу. 31.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Ком-р расчета 45-мм орудия 212-го стр. полка той же див., армии (1-й Белорус. фронт) Л. отличился 7-9.02.45 в боях за плацдарм на лев. берегу р. Одер у нас. пункта Брисков (6-9 км юж. г. Франкфурт, Германия). Огнем из орудия способствовал отражению контратаки врага, уничтожив при этом св. 10 пехотинцев. 22.3.45 нагр. орд. Славы 2 ст. 16.4.45 в р-не нас. пункта Визенау (Германия) Л. находился в боев. порядках пехоты, поддерживая ее наступление огнем, подавил крупнокалиб. пулемет в доте и сразил неск. солдат, вооруженных фаустпатронами. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

Демобилизован в 1946. Работал каменщиком в с. Крупец Беловск. р-на Курск, обл. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями.

В период Великой Отечественной войны героически сражался на фронте наш земляк, уроженец деревни Даниловки Камешкирского района Тимофей Васильевич Лобанов, полный кавалер орденов Славы.

О ратных подвигах разведчика сегодня рассказывают военные журналисты полковники Г. Андреев и И. Вакуров

Говорят, солдат службу не выбирает: что прикажут, то и делает.

Тимофей Васильевич Лобанов под Сталинградом был рядовым стрелком. То ли его могучее телосложение, то ли удивительное спокойствие обратили на себя внимание, но однажды Лобанова вызвал к себе командир полка и, внимательно, оценивающе посмотрев, приказал:

— Будете служить в разведке! Вот вам новый командир, — указал он на сидевшего в углу землянки офицера. — Все, товарищ Семенихин, больше никого дать не могу, — вздохнул он, теперь уже обращаясь к офицеру.

Так рядовой Лобанов стал разведчиком 391-й отдельной разведывательной роты. А в роте оставалось разведчиков очень мало. И уже на следующей день Лобанова включили в поисковую группу.

Со своей ротой Лобанов прошел от Сталинграда до Берлина, участвовал во многих операциях, награжден тремя орденами Славы, двумя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу». На его счету около трех десятков «языков» и до сотни уничтоженных гитлеровцев. Он был дважды ранен, но всегда лечился в дивизионном медсанбате и поэтому возвращался в свою родную роту.

Представляя Лобанова к ордену Славы III степени, командир отдельной разведроты писал: «В наступательном бою за Гомель ефрейтор под сильным огнем неприятеля ворвался в третью траншею. Огнем из своего автомата уничтожил шестнадцать гитлеровцев и один расчет станкового пулемета, который преграждал путь нашей пехоте. При преследовании, действуя в составе десанта на самоходном орудии, ворвался во вражеский обоз и в упор расстрелял семнадцать и пленил четырнадцать фашистов».

Весной 1944 года дивизия занимала оборону западнее Гомеля. Советские войска готовились к большому наступлению. Перед разведчиками поставили задачу: взять контрольного пленного. Место для операции командир роты выбрал самое трудное: болота да торфяники. По пояс в холодной жиже разведчики подобрлись к объекту. «Языка» взяли успешно, но он успел выстрелить. Гитлеровцы всполошились, открыли беспорядоч-

ный огонь, в результате которого был тяжело ранен взводный. Командование группой принял на себя Лобанов. До рассвета успели отойти метров на триста.

Весь день, голодные и оочевенные, провели на нейтральной полосе, а с наступлением темноты стали пробираться к своим. Тимофей Лобанов нес командира взвода. В полночь пришли «домой». Пленный дал ценные сведения. Жизнь командиру взвода удалось спасти.

За этот подвиг всех участников поиска наградили орденами и медалями. Ефрейтора Лобанова командование удостоило ордена Славы II степени.

Последнего пленного сержанту Лобанову довелось брать на Одере. Стояла ранняя весна, Одер разлился, затопил пойму. Советские войска находились на восточном берегу, гитлеровцы — на западном. Три разведгруппы пытались перебраться на противоположный берег и все безрезультатно. К разведчикам пришел сам командир дивизии.

— Товарищ Лобанов, надежда на вас, — сказал генерал. — Пленный нужен до зарезу. Сколько вам нужно времени на подготовку?

— Два дня! — коротко ответил Лобанов.

— Ну, что же, буду ждать, — согласился генерал.

В течение дня разведчики со своего берега изучали местность, готовили переправочные средства, разрабатывали план поиска. Ночью, по предложению Лобанова, чтобы усыпить бдительность противника, спустили вниз по реке бревна, пустые бочки.

Сначала гитлеровцы по каждому пловущему предмету открывали сильный огонь, потом привыкли, успокоились. Перед рассветом в рыбацкой лодке, искусно замаскированной под вывороченное с корнем дерево, Лобанов и еще три разведчика отправились в опасный путь. Гитлеровцы изредка постреливали, освещали реку ракетами, но пловущее «дерево» не встревожило их.

Разведчики благополучно выбрались на противоположный берег, спрятали лодку, а сами углубились в расположение противника и, выбрав укромное место, затаились. Здесь они просидели день, ночь, еще один день, наблюдая за движением противника. А в следующую ночь, перерезав телефонный кабель, сделали засаду. Гитлеровцы послали связиста восстановить линию. Он и попал в руки разведчиков. Перед рассветом группа вместе с «языком» тем же путем возвратилась к своим. За этот подвиг сержант Лобанов был удостоен ордена Славы I степени.

Последние годы Тимофей Васильевич жил в Саратове, работал по своей довоенной специальности — столяром на заводе «Газприбор». Трудился отлично, перевыполнял нормы.

— Это человек дела, — так отзывался о нем начальник цеха. — Любую работу выполнял добросовестно. В любом деле на Тимофея Васильевича смело можно было положиться.

Таким он был в бою, таким — и в труде.

ЛОБАНОВ Тимофей Васильевич, род. 18.3.1910 в с. Даниловка ныне Лопатинского р-на Пензенской обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил начальную школу. Работал плотником на заводе в городе Саратов. В Красной Армии и в боях Вел. Отеч. войны с 1941.

Разведчик 391-й отд. развед. роты (323-я стр. див., 3-я армия, 1-й Белорус. фронт) рядовой Л. в ночь на 22.4.44, действуя в группе захвата в р-не д. Б. Конопицы (зап. берег р. Друть, 45 км вост. г. Бобруйск), преодолел проволоч. заграждения пр-ка, внезапно ворвался во враж. траншею и принял участие в захвате «языка». После ранения продолжал выполнять боевую задачу. 23.4.44 нагр. орд. Славы 3 ст. В конце янв. 1945 в том же составе (33-я армия) при прорыве обороны неприятеля в р-не г. Серадз (50 км зап. г. Лодзь, Польша) ефрейтор Л. с группой разведчиков под огнем преодолел 3 траншеи. Из лич. оружия поразил св. 10 автоматчиков и расчет пулемета. 22.02.45 нагр. орд. Славы 2 ст. В нач. февр. 1945 группа бойцов, в к-рой был Л., уничтожила у нас. пункта Гюнтерсберг (60 км сев.-вост. г. Котбус, Германия) ок. 20 и пленила 14 гитлеровцев, захватила враж. обоз. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1946 старшина Л. демобилизован. Работал на з-де в г. Саратов. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., 2 орд. Красной Звезды, медалями.

Лит.: Андреев Г.И., Вакуров И.Д. Солдатская слава. М., 1971. Кн. 3. С. 45-146; Созвездие славных. Саратов. 1967. С. 103-113.

Солдат всегда солдат

Погожим сентябрьским днем сорок первого года Александр Денисович Макаров с двумя товарищами вышел из своего села Бутырок. Закинув за спины вещевые мешки, новобранцы шли молча. В короткие минуты прощания с родными местами хотелось помолчать. Может быть, кто из них последний раз в жизни оглядывался на крышу своего дома у подножия лесистого холма. Еще раз окидывал взором родные поля, где оставались почти одни женщины и под-

ростки. Долгим взглядом провожали колхозницы своих защитников. Ни платками, ни руками не махали: не на свадьбу, не на отдых уходили, на войну...

До Лопатина солдат бок о бок сопровождала река Уза. Только не могла она, а так ей сказать хотелось: «Ребята, много рек вам повстречается, а меня не забывайте, в родстве мы состоим». А новобранцы и без слов ее хорошо понимали, сердцем.

Небольшая задержка в военкомате и из районного центра вышла уже команда из семнадцати человек. И по-прежнему река Уза на протяжении шестидесяти километров не хотела расставаться с земляками, петляла и петляла рядом, по правую руку. Только под Пензой распрощались: Уза влилась в Суру, а солдаты — в инженерно-саперную бригаду.

Тут же под Пензой и началась нелегкая служба рядового Александра Макарова. Началась она с рытья противотанкового рва и сооружения других оборонных объектов. Немец рвался к соседней Тамбовской области, а от нее до Пензы рукой подать.

Закончив работы под Пензой, саперная бригада своим ходом пошла на запад, навстречу фронту. Сделает переход, и там, где начальники наметят кольшками «линию заранее подготовленных позиций», солдаты вновь брались за лопаты, топоры, пилы. Так и дошли до переднего края. В полосах заграждения противника начали проходы делать, наводить переправы при форсировании рек, укреплять занятые плацдармы и рубежи. Работы хватало до самого Берлина, а точности ради, пятнадцать километров до Бранденбургских ворот не дошли. И сейчас досадует Макаров: весь путь пешком прошел, а на ступенях рейхстага сапоги почистить не довелось.

За четыре года по прямой от села Бутырки до Берлина и по пешему не так уж много, но был это не просто поход, а поход военный и не всегда по прямой. Приходилось и по фронту передвигаться, по так называемым рокадным дорогам и по бездорожью, временами отходить назад, возвращаться из глубокой разведки, вести бои. И все это в сочетании со всегда

спешными саперными работами на переднем крае обороны или в первом эшелоне наступления.

...Ничейная полоса — так только принято говорить, а, как правило, у нее бывает хозяин. «Ничейка» около местечка Ветка, под Гомелем, густо напшигованная минами и хорошо пристрелянная немцами, считай, им и принадлежала. Короткой летней ночью наши саперы получили приказ разминировать полосу на подступах к Ветке. Эту операцию всегда старались провести скрытно и даже под секретом. Но ни разу Макарову не пришлось участвовать в разминировании неприметным. И в этот раз, не успели саперы еще и первой мины обезвредить, как немцы заметили их и ударили из пулеметов и даже автоматов — глубина полосы была всего метров полтора-два. Огонь переднего края сразу поддержала артиллерия из глубины немецкой обороны. Советские войска ответили еще более мощным огнем. Обычное дело: начался неожиданный бой — разведку через передний край переталкивают или саперы на минном поле на животах елозят. Под пулеметными очередями, разрывами мин и снарядов ползают они ужами. Шарят впереди себя миноискателями. Ножками и малыми лопатами откапывают, как клады какие, мины. Кругом ад стоит, а сапер осторожно, нежно, как с малыми детьми, с минами нянчится, готов их телом прикрывать. Прикроешь: какой осколок или ком земли может по тебе только вскользь пройти, а ну как он по минному взрывателю угодит, мина у сапера в руках или он над ней носом склонился, и пиши на парня похоронную. Глаз да глаз и смекалка нужна большая — на своей ошибке саперу не приходится учиться.

Не до счету было, но чего-то много мин Макаров тогда укротил. Только смотрит, и товарищей у него не остается, а немец все бьет и бьет. Что же, не впервые Макарову дела такие. В роте говорили: «Не могут немцы ни пули, ни мины подходящего калибра для него подобрать». Но в этот раз случилось иначе. Пуля ударила Макарову в щеку, вынесла зубы и свернула челюсть. Кто и как его выволок с ничейной полосы, он не помнил...

Челюсть вскоре выправили, зубы потом вставили. А за особое отличие прикололи Макарову на грудь первый орден Славы третьей степени. Сам он никакого отличия за собой не заметил, ничего, думалось, такого особого не сделал.

Сапер — известная и определенная уставами военная специальность. Но сапер прежде всего солдат, а потом уже сапер. Ни одна солдатская обязанность с него не снимается. Не освобождается он и от разведки и от добывания «языков».

На подступах к городу Коломыя советскому командованию потребовался «язык». Войска той и другой стороны, окопавшись, стояли в обороне. Саперы укрепляли передний край, местность хорошо изучили, к противнику присмотрелись, им и поручили «языка» добыть.

На задание вышли трое рядовых. Макарова, как орденосца, старшим назначили, с ним Михайлюк и Муравский. Три этих «М», как потом их называли, хорошо пригляделись к вражеской пулеметной точке, которая в по-

лутора сотнях метров напротив была. Знали, что там постоянно находятся двое: один наблюдает, другой, подменный, на дне окопа сидит. Время выбрали под утро, когда самый сон морит. Снегу еще не было, но уже завернули холода. Немцы мерзли, пялили на себя все, что попадет, даже одеяла. Особенно головы кутали, а это как раз и на руку разведчикам.

Ползти кружным путем расчета не было: укрытий никаких, рельеф как из-под фуганка. Поползли прямо на пулемет, в надежде, что ночь выручит или наблюдатель задремлет. Ну, а уж если наблюдатель не сонливый... Но война есть война, что будет.

И было, как нельзя лучше. Наблюдающего, склонившего голову на пулемет, прикончили. На подменного свалились с бруствера и, как был он в одеяле, так и представили его ожидавшим на переднем крае штабникам. Тихо, спокойно все обошлось и «языку» цены не оказалось.

— Как, Макаров, один орден, поди, скучает? Награды компанию любят, — пошутил командир роты, старший лейтенант Лютиков.

И немного времени спустя у Макарова уже собралась «компания» из двух степеней ордена Славы. Тихонько позванивают они на груди, словно разговор между собой и с сердцем сапера ведут. В трудные минуты подсказывают, как честь солдатскую держать. Не от того ли он и везучим был всегда в разведке. Только за «языками» шестнадцать раз ходил и никогда пустым не возвращался, ни разу ранен в разведке не был.

До города Коломыя Макаров еще несколько полей разминировал в бою, и оставленных противником. Все это оперативное направление было усеяно минами, как грибами в дождливое лето. А в самом Коломыя попался такой «мухомор», каких Макарову ни до этого, ни после видеть не приходилось.

Передовые части уже выбили противника из города. В улицы, где на видных местах не высохли еще надписи: «Мин нет», стягивались главные силы. И в это время у моста через Прут, на берегу откосе заметили подозрительную бетонную плиту. С большим трудом саперы сдвинули плиту и под ней обнаружили фугас с работающим часовым механизмом. До взрыва оставалось 16 минут. Заряд, предполагалось, заложен большой, а основательно обследовать его не оставалось времени. Устройство взрывателя было немного знакомо, остановкой часового механизма взрыв не предотвратить. Но с помощью особой «кошки» и веревки или проволоки взрыватель удавалось вырывать с «корнем». В радиусе ближних кварталов придержали движение войск. Около фугаса остался один Макаров. Он закрепил на взрывателе «кошку» и размотал привязанный к ней телефонный провод длиной шестьдесят метров, чтобы хватило до окопчика. Но и окоп ни в какой мере не обеспечивал саперу безопасность. Так, для порядка.

Потянул Макаров за провод и «кошка»... сорвалась со взрывателя! Оставалось, нет ли какое время до взрыва, раздумывать было некогда. Макаров бросился к фугасу и что было силы рванул взрыватель руками... Ничего, тихо кругом, только от бега и волнения свое тяжелое дыхание Макаров слышит. Чувствует, как по вискам сбегает холодные струйки пота...

Семь тонн тола было заложено в фугасе направленного действия. Главную его силу гитлеровцы рассчитывали обрушить на мост и улицу, по которой беспрерывными потоками двигались советские войска.

Макарова уже наперед поздравляли с награждением орденом Славы I степени. И не ошиблись бывалые солдаты, в тот же день из штаба бригады запросили представление к награде отважного сапера.

...Командованию потребовалось заминировать один перекресток автомобильных дорог и подорвать склад в тылу противника, в сорока километрах от переднего края. Почему именно этот перекресток и этот склад, Макаров не знает, тайной осталось. Самое трудное для него в задании было найти нужный перекресток и склад на неизвестной местности. Требовалось ее по карте изучить, а Макаров карту читать не обучался. Но из троих идущих на задание, рядовой Василевский хорошо разбирался в карте, он и взял на себя обязанность проводника.

Оделись разведчики легко: южная мягкая зима стояла, да и нести на себе пришлось много. Кроме автоматов, запаса патронов и продуктов, несли шесть пятикилограммовых мин и шесть килограммов тола.

Под шум боя перешли линию фронта и трое суток добирались до указанного места. Днем отлеживались в укрытии, а ночью шли. Тихо, настороженно, вслушиваясь в каждый шорох. Впереди какое-то движение или людской говор — сворачивали в сторону. Справа что-то послышалось — подавались влево. При таком петлистом пути да ночью трудно было ориентироваться Василевскому, но он точно вывел товарищей к намеченным объектам.

За ночь заминировали перекресток. Сняли у склада часового и подняли немецкие запасы на воздух. Взрыв вызвал у немцев суматоху, усиленное движение. Одна за другой взрывались под автомашинами мины. Гитлеровцы в панике метались, а советские саперы неподалеку из укрытия наблюдали и взрывы считали: все шесть взорвались.

Налегке саперы вернулись к своему исходному рубежу за одну ночь, а советские войска к этому времени отошли на семь километров к востоку. Немцы подтянули новые силы, плотность войск у них в первом эшелоне стала такая, что саперам и ступить было негде. Отсиживаясь в полузамерзшем болоте, они двое суток не могли перейти передний край. На третью ночь чувствуют — больше не выдержат, вмерзнут в болото. Решили, была не была, в открытую перебежать ничейную полосу. Сбросили раскисшие в воде сапоги и в одних носках, что есть духу пустились по смертоносной «ничейке». Пока немцы впотьмах разобрались, что к чему, кинулись к пулеметам, саперы на рекордной скорости уже «финишировали» у своих окопов. Потом смеялись над бегунами всей ротой — солдату тужить и дня не прожить.

Война кончилась, а саперов долго не отпускали. Восстанавливали, строили, что особо срочно нужно было. Хлеб убрали. Скот, без хозяев разбежавшийся, собирали. Так повзводно и стада пасли, караулили, коров доили.

Домой возвращался Александр Денисович ровно через четыре года, тоже в сентябре. Сопутствовали солдату радость большой победы и печаль тяжелых утрат. Та же дорога от Пензы серой суровой ниткой ниже знакомые села, поля, перелески. Река Уза бежит навстречу, несет воду от самого двора Макарова: «Попей, солдат, смой военную пыль и копоть, запекшуюся кровь с ран— вода родная, целебная. Присядь на бережку, погибших товарищей помяни: Колчина Василия Ивановича и Ванясова Терентия Тимофеевича. Трех вас провожала, одного встретила».

Душевно встретили Макарова и Бутырки. Правда, без пиров и музыки, не до того еще деревне было: вдовьи и материнские слезы не высохли. Отдохнуть бы как следует покалеченному войной солдату, да времени не было. Поднимать колхозное хозяйство надо было.

Многие на войне в начальники вышли, вернулись и на командные колхозные должности встали. Кому что дано, а у Александра Денисовича не было такой жилки, чтобы руководить и командовать, ему дай дело для его рук. Пусть работа тяжелая, пусть черновая, это самое его дело, что в колхозе, что на войне. Как в случае с фугасом в городе Коломья, Макаров один на один выходил против разных бед и неполадок. Вовремя не завезли кормов скоту, а в поле носа не высунешь: метель, снега по пояс, гусеничный трактор на сгруженный и спрессованный снег картером садится и ни с места. Вот тут Макаров на лошади и выручал. День ли, ночь ли — не в счет, возил из непогожего поля солому, сено, спасал положение.

И сдвинулся колхоз, зашагал все в горку, в горку. Сил набрался, завидные достатки появились. Были в этом немалые заслуги и Александра Денисовича Макарова.

МАКАРОВ Александр Денисович, род. 26.02.1912 в с. Бутырки Лопатинского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил 4 класса. Работал в колхозе. В Кр. Армии с 1941.

В боях Вел. Отеч. войны с апр. 1942. Сапер 114-го инж.-сап. батальона (6-я инж.-сап. бригада, 1-й Укр. фронт) рядовой М. 5.3.44 в р-не нас. пункта Тадеушполь (Польша) проделал проход в минном поле пр-ка и снял много мин. 10.6.44 нагр. орд. Славы 3 ст. В том же боев. составе (1-я гв. армия, 4-й Укр. фронт) ефрейтор М. 8.9.44 в р-не нас. пункта Санок (Польша) проделал проходы в минных полях пр-ка, сняв св. 30 мин. 24.10.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 27.11.44 в р-не г. Михаловце (Чехословакия) М. обезвредил мину с часовым механизмом, чем спас мост на р. Лабарец от взрыва. 24.3.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Жил в родном селе. Работал в колхозе. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями. Умер 21.02.1987. Похоронен в с. Чардым Лопатинского р-на.

Лит.: Лобода В.Ф. Солдатская слава. М., 1963. Кн. 1. С. 173.

Что ни подвиг — награда

В моем архиве хранился интересный документ времен Отечественной войны, который причастен нашему земляку Николаю Григорьевичу Макарову. Это копия наградного листа о представлении комсомольца к ордену Славы 1-й степени, утвержденному Указом Президиума Верховного Совета СССР в мае 1946 года.

В то время старший сержант Николай Макаров был командиром отделения моторизованного батальона автоматчиков 36-й танковой Краснознаменной ордена Суворова и Кутузова бригады.

Наш земляк сражался на различных фронтах. Громил фашистов на Центральном, Калининском, Брянском, Южном, Первом Украинском, Первом Белорусском фронтах. Отборная, сплоченная танковая бригада во всех сражениях показала отличную выучку. Она зачастую перебрасывалась с одного фронта на другой, туда, где было трудно. В ее составе Николай Макаров получил постоянную прописку, проявляя в боях мужество и отвагу.

О его мужестве и героизме рассказывают боевые награды, полученные им ранее. Это два ордена Славы — третьей и второй степени, которые получил в годы великих сражений немецкими полчищами.

Третью награду — орден Славы первой степени он получил за участие в боях на берлинском направлении.

Командир моторизованного батальона автоматчиков гвардии капитан Титаренко писал 28 апреля 1945 года:

«...В боях против немецко-фашистских захватчиков показал себя одним из смелых и отважных разведчиков. В бою за город Зеелов товарищ Макаров со своим отделением был направлен в разведку. Используя складки местности, Макаров без шума зашел противнику с фланга, захватил в плен трех вражеских солдат. Фашисты превосходящими силами пытались отбить пленных. Макаров со своим отделением смело вступил в бой, несмотря на сильную группировку врага. В коротком ожесточенном бою гитлеровцы оставили на поле боя 19 убитых солдат. Мужественно и бесстрашно действовал в бою сам командир отделения. Автоматными очередями уничтожил восемь солдат противника».

Смелые разведчики доставили пленных в штаб бригады, при допросе они дали ценные сведения. Рассказали, где расположены огневые точки, как построена система обороны узла сопротивления. Эта сведения пригодились танкистам. Используя выгодный маневр, они вытеснили врага из занятых позиций. Автоматчики на ходу забросали гранатами несколько

пулеметных точек. Танкисты гусеницами своих танков раздавили три противотанковых орудия.

И снова, как и ранее, Николай Макаров проявил солдатскую смекалку и решительность. Трофейным оружием «фаустпатрон» он уничтожил вражеский пулемет, который открывал огонь, мешая продвижению нашей пехоты.

Боевое задание по разведке огневых позиций было выполнено. Сам командир отделения автоматчиков Макаров был представлен к ордену Славы первой степени, а участники операции были награждены другими боевыми наградами.

Так сражался с врагом наш земляк, удостоенный высокой награды. С победой вернулся в родное село Новое Шаткино Николай Григорьевич. Трудился в колхозе на разных работах. В конце сороковых годов полный кавалер орденов Славы работал на лесоразработках в Архангельской области. Суровый холодный климат повлиял на здоровье фронтовика. Он вернулся домой.

Мать Н.Г. Макарова Прасковья Семеновна в своем письме подполковнику Т.П. Кадышеву сообщала: «Коля пришел с фронта со многими орденами и медалями, работал в колхозе на заготовке леса, выполнял любое задание. Его всегда хвалили. Война, раны сказались, и 13 января 1952 года он умер».

Похоронили его на кладбище села Новое Шаткино, в северо-западной его части, недалеко от ворот. Место захоронения отмечено холмом и памятной стелой.

МАКАРОВ Николай Григорьевич, род. 8.8.1919 в с. Новое Шаткино Камешкирского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Мордвин. Образование начальное. Работал в колхозе. В Кр. Армии с 1940.

На фронте в Вел. Отеч. войну с мая 1944. Ком-р стр. отделения 36-й танк. бригады (11-й танк. корпус, 8-я гв. армия, 1-й Белорус. фронт) ст. сержант М. в конце июля 1944 в бою за г. Любомль (Польша) в составе танк. десанта уничтожил св. 10 солдат. Когда его танк был подбит, организовал круговую оборону и отремонтировал боевую машину. Подавил пулемет пр-ка. 11.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Ком-р отделения той же бригады и корпуса (69-я армия, 1-й Белорус. фронт) М. в янв. 1945 в р-не г. Радом (Польша), действуя в составе танк. десанта во главе отделения, скрытно подобрался к пулемету врага и уничтожил его расчет. В этом бою истребил 9 враж. солдат. В бою за г. Томашув из пулемета уничтожил св. 10 гитлеровцев. 8.3.45 нагр. орд. Славы 2 ст. Ком-р отделения той же бригады и корпуса (1-я гв. танк. армия, 1-й Белорус. фронт) М. в апреле 1945 в р-не г. Зеелов (Германия), находясь во главе отделения в разведке, захватил в плен 3 гитлеровцев. При отражении атаки пр-ка лично ликвидировал 8 пехотинцев. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Работал в родном колхозе. Нагр. медалями. Умер 13.01.1952.

Герой Днепра

На одной из тихих улочек старинного русского села Бессоновки, на самой западной его окраине, стоит деревянный в три окошка дом, обшитый тесом. На наличниках веселая замысловатая резьба. В палисаднике буйно цветут мальвы и канны.

Этот дом хорошо знают сельчане. С искренним уважением и теплотой вспоминают они о его хозяине — Иване Федоровиче Максьюшине, полном кавалере ордена Славы, лихом разведчике, а в мирное время — механизаторе колхоза.

Вспоминают... Да, в 1966 году, в самом расцвете сил, фронтовик, прошедший через всю войну, не раз видевший смерть в лицо, скончался. Был ему 51 год. Безвременная, горькая утрата...

После его кончины в доме жили вдова — Евгения Михайловна, и три их сына — Владимир, Александр и Николай. В комнатах все напоминало о нем. Словно бы только что сидел здесь Иван Федорович, да вышел на минутку на крыльцо покурить. Вот-вот должен вернуться.

...Я вспоминаю свои встречи с этим невысоким, крепко скроенным, по-мужички немногословным человеком. Он не любил разговоров о войне — там, на фронтах остались его кровь, его боевые товарищи и друзья. Вспоминать не любил, а помнил всегда и везде. По грозовой военной молодости проверял свои поступки и дела.

В областном театре шло торжественное собрание, посвященное Дню Победы, а Иван Федорович, выбравшись из президиума, сидел в фойе и тихонько, чтоб не поругала билетерша, курил в рукав, о чем-то задумавшись. И все проходящие мимо с интересом вглядывались в лицо мужчины в черном пиджаке и хромовых сапогах. На груди его светлели ордена и гвардейский значок.

— Самый первый свой военный день почему-то вспомнил, — сказал тогда И.Ф. Максьюшин. — Сколько лет пролетело уже с той поры.

...Задолго до начала Великой Отечественной войны началась солдатская дорога Ивана Максьюшина. Распрощался он с родной Бессоновкой, в которой жили и трудились его деды и прадеды, отец и мать. Прошел Западную Белоруссию, оттуда получил направление на Север — против белофиннов.

На второй день, едва по радио передали — война, он снова был уже на призывном пункте. Снова стучали колеса вагонов, проносились мимо поля, звучала гармошка.

Сразу с хода вступили в бой. Все пришлось испытать солдату — и тоску отступления, и окружение... Но особо памятно ему дни в конце сорок третьего года, когда их части вышли на левый берег Днепра.

— Вот Днепр перешагнем, — говорил командир, — а там легче пойдет...

Но перешагнуть холодный сентябрьский Днепр оказалось делом очень тяжелым. Фашисты крепко держались за водную преграду.

26 сентября сержант Максюшин в составе штурмового десанта переправился на правый берег Днепра. Прорвана на небольшом участке первая линия обороны, но что это? Под кинжальным огнем вражеского пулемета падают бойцы, вжимаются в землю, тронутую утренним холодком.

Что делать? Неужели сорвется атака? А ведь за ними еще солдаты. Размышлять некогда. Словно по команде, первыми поднялись с земли сержанты — отделенный Кабанов и Максюшин. Пулеметное гнездо немцев уничтожено. Десантная группа продолжала бой.

Около сорока фашистов уничтожено, другие стали отходить. Не дать уйти! Стремительно продвигался в обход противника сержант Максюшин. Теперь в его руках ручной пулемет. Не один фашист нашел свою гибель от его меткого огня.

Так было в том бою. Так было и при атаке на высоту 150,3, где Иван Федорович очередями своего «ручника» заставил замолчать вражеский пулеметный расчет, и этим помог нашим воинам взять высоту.

Он не думал о наградах, идя в бой, нажимая на гашетку пулемета. И был удивлен, когда приехавший в их роту генерал вручил ему орден Красного Знамени. Это была первая награда.

Не думал Иван Федорович, что придется еще форсировать Днепр, снова перешагивать его седые холодные воды. В ночь с 11 на 12 ноября он опять высаживается на правом берегу, только теперь уже в районе хутора Беленький Запорожской области. Их группе, известной своей лихостью даже в штабе фронта, было дано задание — достать «языка».

Под сильным огнем противника, под вспышками ракет, освещавших сизую гладь осенней ледяной реки, переправились на тот берег. Впереди были вражеские окопы.

Одним из первых ворвался сержант Максюшин в чужие траншеи. От огня его автомата падают навзничь часовые, разбито пулеметное гнездо. А «язык» уже уходил в ночь, сопровождаемый нашими солдатами. Так бывало не раз, назад не отходили до тех пор, пока не поступало сигнала — «Все в порядке», «язык» на пути к штабу.

За этот поиск сержант Максюшин приказом по шестой армии был награжден орденом Славы третьей степени.

А через две недели Иван Федорович снова форсировал Днепр и опять в новом месте — у хутора Каневский. Опять стремительный бросок в сторону вражеских траншей. Снова летели ручные гранаты, замолкали станковые пулеметы, и наши отходили, уводя «добычу» — офицера и солдата.

В этот раз сержант не переправлялся обратно на свой левый берег. Едва забрезжило утро, в цепях атакующих уже шел вперед, участвовал в бою за удержание плацдарма южнее хутора Алексеевский.

В этом бою он из своего автомата уничтожил четырех солдат и оберлейтенанта. Много ценных документов нашли при нем разведчики. Совет армии наградил Максюшина вторым орденом Красного Знамени.

И снова ходил в разведки, «за языками» сержант, трижды форсировавший Днепр. Скажи кому, не поверят! Но так оно и было — трижды пересекал солдат его широкий синий простор.

...Тогда, в театре, рассказал мне Иван Федорович и такой случай. Перед очередным наступлением командование поручило их отделению привести «языка».

— Без него не возвращайтесь, — нахмурив брови, сказал комбат, — и с меня голову снимут, и вам от меня не поздоровится, — но на прощанье обнял каждого.

Цепочкой, неслышно ступая, уходили в ночь семеро смелых и отважных. Шли плавнями, по пояс, по грудь в воде, держа над головой оружие. После посмеивались над ефрейтором Марченко: больно уж маленький был — в некоторых местах с головой в воду уходил, а оружие не опускал.

После плавней отжали одежду — сушиться было некогда, и так же неслышно углубились в тыл противника. Враг не ждал гостей. Какой «разумный» солдат пойдет через гнилые глубокие плавни, по холодной ледяной воде, да еще ночью! Поэтому у землянки, вход в которую шел из траншеи, стоял всего-навсего один часовой, да двое дремали у пулемета.

Опять выручила дерзкая стремительность и быстрота, которой славилось отделение разведчиков и сам сержант Максюшин. С первого же выстрела он снял пулеметчика. Убит часовой, в дверь землянки полетели гранаты...

«Язык» двигался в сопровождении наших бойцов к плавням, а на оставшихся бойцов прикрытия обрушился шквал огня. Переполошенные, перепуганные фашисты открыли по своим же траншеям стрельбу из минометов и автоматов.

Что-то тяжело ударило в левую руку. Тронул ладонью — кровь. Ранен... Но перевязывать некогда. Дал условный сигнал — отходить. Сам шел последним. Шел, придерживая рану рукой.

Обессиленные, изнуренные, выбившиеся из сил, к рассвету вернулись в свою часть. Комбат ждал, словно и не ложился поспать хоть минуту. Да так оно и было.

— Ну, спасибо, ребята! Ну, удружили вы мне! Все целы?

И грязных, потных, перемазанных тиной, снова обнял и расцеловал.

— Теперь отдыхать! Отдыхать!

Но какой отдых! На рассвете пошли в атаку. Только и успели, что сменить обмундирование. Благо у старшины всегда было на этот случай запасное.

Никогда не позабудется ночь под Николаевом. Вдвоем с сапером Максюшин прошел через минное поле. Укрылись в придорожных кустах, стали наблюдать за дорогой.

Медленно проползла колонна немцев. Фашисты шли молча, изредка вспыхивали огоньки сигарет. Трогать не стали — все-таки многовато на двоих.

Потянулась вторая колонна — поменьше. По ней-то и ударили солдаты из автомата и ручного пулемета. Разметали отряд. Но разрывная пуля попала в ногу сержанта. Превозмогая боль, он все же продолжал стрелять.

Выручили свои. Вслед за Максьюшиным и минером, чуть левее, шли еще разведчики. Они-то и пришли на помощь, наголову разгромив вражескую колонну. Захватили «языка», и через то же минное поле вынесли сержанта из вражеского тыла.

И на этот раз не обмануло чутье разведчиков — «язычок» оказался важной птицей.

Воевал бессоновский колхозник и под городом Никоподем Днепропетровской области, освобождал украинские земли. Особенно жестокий бой шел в районе сел Грушевки и Кута Апостоловского района. Целых две недели февраля 1944 года ходили в атаку наши бойцы и отходили, теряя товарищей. В ночь на 12 февраля под сильным пулеметным огнем отделение старшего сержанта Максьюшина на подручных средствах форсировало речку Бузулук в районе Грушевки. На восточной окраине села завязалась смертная схватка. Тринадцать контратак противника отразили наши бойцы. Максьюшин записал на личный свой счет еще две пулеметные точки и 17 гитлеровцев. Исход боя был решен — в село вошли советские войска.

А старший сержант был отправлен в госпиталь — опять настигла его вражеская пуля. Пришлось на какое-то время расстаться с родной частью.

...Может быть, об этом, может, о чем-то другом, и думал, сидя в фойе областного театра, человек в черном пиджаке и хромовых, по-солдатски до блеска начищенных сапогах.

В день двадцатилетия Победы вызвали Ивана Федоровича в областной военкомат. В комнате собралось много людей. Были военные, но больше все люди в гражданской одежде.

Военком вручал награды. Назвал и его фамилию. К двум орденам Славы прибавился еще один — первой степени. Им старший сержант Максьюшин был награжден за тот ночной поиск, откуда товарищи принесли его на своих руках с разрывной пулей в ногу.

Двадцать лет лежали документы в архиве, два десятка лет ждала награда своего солдата и, наконец, отыскала его.

Когда приехал домой из Пензы, там уже ждали товарищи. Крепко пожимали руки, поздравляли. Им, прошедшим через войну, была известна цена каждого ордена.

Иван Федорович благодарно смотрел в лица друзей, уже загорелых от апрельских ветров, жал твердые мозолистые руки...

Вот Киреев — тезка и по имени, и по отчеству. Водил трактор, а на войне стал танкистом, дрался под Киевом и Будапештом, в Чехословакии.

Бывший танкист и Иван Кузьмич Михотин. А вот Дмитрий Тимофеевич Пшичкин был артиллеристом. Под Москвой сражался Кузьма Васильевич Субботин, на Орловско-Курской дуге — Иван Кузьмич Кожасев... Подсчитать бы, сколько бессоновцев воевало? А сколько не вернулось домой?

* * *

Сейчас в доме на улице имени И.Ф. Максюшина живет младший сын Николай (работает в спортивной школе). В 1989 году умерла Евгения Михайловна, много лет занятая в звене по посадке знаменитого бессоновского лука. Не стало и Владимира, который трудился на пензенском заводе ВЭМ (вычислительно-электронных машин). Александр Иванович, работавший сварщиком в областном центре, после ухода на пенсию стал плотничать в колхозе имени В.И. Ленина.

... Стоит на западной окраине Бессоновки небольшой в три окошка дом. На его фасаде установлена мемориальная доска, рассказывающая о том, что здесь жил Иван Федорович Максюшин, отважный мужественный разведчик, полный кавалер ордена Славы, один на все большое старинное село. Так решили на своем общем собрании колхозники.

МАКСЮШИН Иван Федорович, род 15.4.1915 в с. Бессоновка Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил 4 класса. Работал в колхозе. В Кр. Армии с 1937. Участвовал в сов.-финл. войне 1939-40.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июля 1941. Ком-р отделения взвода пешей разведки 1120-го стр. полка (333-я стр. див., 6-я армия, 3-й Укр. фронт) сержант М. в ночь на 12.11.43 в составе группы форсировал р. Днепр сев. хутора Беленький (юж. г. Запорожье), одним из первых ворвался в траншею пр-ка, уничтожил 3 гитлеровцев, вывел из строя пулемет врага. 11.12.43 нагр. орд. Славы 3 ст. Ком-р взвода пешей разведки того же полка (див. и армия те же, 3-й Укр. фронт) М. в ночь на 24.01.44 в р-не юго-зап. г. Запорожье во главе группы из 5 человек проник в глубь обороны пр-ка, захватил «языка», уничтожил 4 фашистов. 4.02.44 нагр. орд. Славы 2 ст. Ком-р отделения пешей разведки того же полка ст. сержант М. в ночь на 12.02.44 в р-не зап. г. Никополь (Днепропетров. обл.) со своим отделением форсировал р. Бызавлук и захватил плацдарм. В бою за его удержание группа отразила 13 контратак врага, чем способствовала выполнению боевой задачи. 13.9.44 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Вернулся в родное село. Работал в колхозе. Нагр. 2 орденами Красного Знамени, медалями. Умер 5.10.1966.

Сапер в тылу врага

У каждого рода войск свое назначение, определенный круг специальных обязанностей. Казалось бы, известно, что входит в обязанности сапера или танкиста, разведчика или воздушного десантника. Владимир Андреевич придерживался того же мнения.

— Ну, как воевал? Обычно воевал, как все. Дело сапера известно, я больше все с минами возился, сколько их проклятых перенячил за три года! Одним словом, минер — моя военная специальность.

Но все-таки «обычно» ли воевал Матвеев? Не все же саперы награждены орденами Красного Знамени и Красной Звезды, не все полные кавалеры ордена Славы. А В.А. Матвеев орден Славы первой степени получил одним из первых — за № 30.

В беседе слово по слову выяснилось, что Матвеев — сапер не совсем обычный и воевал он несколько не «как все». Оказывается, военные биографии тех же саперов не повторяются, каждая из них содержит что-то новое и еще не рассказанное.

До войны и первый ее год Матвеев работал слесарем на пензенском вело-заводе. Три его брата и сестра-врач ушли на фронт в начале войны. Два брата, летчик и пехотинец — лейтенанты, впоследствии погибли. А Владимира не брали в армию, у него со зрением было плохо, по этой причине он и срочную службу не проходил. Только через год лечения медицинская комиссия определила, что в авиацию или в артиллерию он по глазам не подходит, а в пехоту или еще лучше в саперы его можно зачислить. В мае сорок второго года Владимира взяли в пехоту. Осенью под Сталинградом он был ранен. Лежал в Астраханском госпитале и оттуда получил назначение в саперные войска. Тут бы, казалось, ему и следовало заняться минным делом. Но, нет, для этого потребовалось еще пройти ускоренную... парашютную: подготовку, научиться приземляться с парашютом в немецком тылу. Военная специальность у него стала, если полностью назвать, сапер-минер-разведчик-десантник-парашютист.

Каждый род войск вел свою разведку, вели ее и саперы. Группа из 7-8 человек с рацией сбрасывалась с самолета. Обычно это делалось в полосе готовящегося наступления. Саперов интересовали минные поля, противотанковые рвы, водные переправы, проходимость дорог. Не обходили они вниманием, конечно, и сосредоточение войск противника, его боевой техники, размещение штабов, складов, аэродромов — это непреложная обязанность каждого военного на фронте. Не проходил мимо всего этого, разумеется, и Матвеев, но специализировался он главным образом на минных полях, а это самый трудный объект разведки.

А как же их отыщешь на такой территории, вы же десятки километров проходили? — спрашивал один из подсевших к нам работников склада, где мы вели разговор.

— Искаживали много, а зачем же на всей территории искать. Мины зря не ставят. Смотришь, где противотанковый ров, мост, дорога с ограниченными объездами, тут и ищи минное поле. Определяй его границы, площадь, а данные — радисту, он отстучает их шифром. Себя поставишь на место немцев и примеришься, где бы ты заминировал, точно, и они там минами землю начинят. Мало ли сам такие же места минировал.

— Ну и эти места миноискателем прощупывали?

— Редко. Только там, где боев не было, а где бои прошли или свалка какая-нибудь, металлообрабатывающий завод вблизи, там миноискатель беспрерывно гудит. Металлу в землю полно набилось, а миноискателю все равно, что мина, что осколок с горошину, что железная стружка, знак подает. А пластмассовую или как у нас были, деревянную мину не берет. Лучше нет собак, чуткие они на тол. В бригаде у нас целый собачий батальон был. Обучать их только трудно и мы как-то в парашютный десант не приспособились собак брать. Больше все щупом пользовались, вроде копыя такого, идешь и тычешь им в землю.

— А так можно и на воздух взлететь, — представил, видимо, один из слушателей себя со щупом на минном поле.

— Не было такого случая, — снисходительно улыбался Владимир Андреевич. — По противопехотным минам, это да, не погуляешь, но их немцы в тылу у себя не ставили. Отходили когда — оставляли или перед передним краем их приспособляли. А в противотанковые они редко заранее взрыватели вставляли. Да и чтобы взрыватель сработал, нужна тяжесть девяносто килограммов, а если в тебе нет столько, ходи без опаски. В чем и не дураки были немцы, а тут у них недомыслие получалось. Сами, что ли, своих мин боялись, и нам это на руку было хоть на передовой, хоть в тылу.

Говорил Владимир Андреевич о чем-нибудь страшном, и казалось: не так уж страшен черт, как его малюют. И рассказы у него тоже короткие, одной папироски «Прибой» на три истории хватало:

— За один такой заброс в немецкий тыл я и третью степень Славы получил. Пятнадцать суток мы бродили. А осень, холодно. Продукты тянули, тянули, потом все кончились. Ноги еле таскали. Могли бы у немцев запастись едой, только без шумихи было не обойтись. А выдавать себя нельзя, таиться приходилось. Но не помирать же с голоду. Подобрались ночью к деревне. Подкараулили женщину, из крайней избы вышла. Просим: вынеси поесть чего-нибудь. Она руками отмахивается. Говорит, полна деревня фашистов и у нее квартируют. Сейчас ушли за ужином, а один остался узлы сторожить. В узлах одни тряпки и всякая безделица. И между прочим, или с умыслом каким женщина шепчет: «В соседней избе полицай живет. Он только что пришел и один в доме». Командир группы у нас был старший сержант Ключ, украинец, парень что надо. Он и говорит: «А что, ребята, втихую прихватим полицая, а у него, наверняка, и продук-

ты есть». Одни из нас во дворе остались, другие в избу заскочили, мужик даже и не сопротивлялся, а может, не успел. Все, что у него нашлось, на него же навьючили и с собой забрали, как «языка»...

Слушатели ждут: вот-вот развернутся такие события, от которых дух захватит. Ну, хотя бы, чего нельзя ждать от фашистского прихвостня — полиция, с которым семерым саперам пришлось несколько дней в немецком окружении скрываться и передний край переходить. Нет, так и довели полиция без всяких приключений. Сглаживалась в рассказе Владимира Андреевича острота событий, суховаато и обыденно они выглядели. Собеседнику приходилось самому многое представлять, как там все было. Что переживал Матвеев, прыгая ночью с парашютом на землю, занятую врагом. Как волновался, отыскивая после приземления в темноте товарищей, раскиданных иной раз на километры, когда нельзя ни кричать, ни сигналить и расспросить некого. Это и представить трудно, и Владимир Андреевич объяснить затруднялся:

— Как-то всегда собирались. Пока в воздухе висишь, примечаешь и запоминаешь, кто где приземляется. Потом уж какая-то сила друг к другу тянет. А чтобы под крик птиц и зверей приспособливаться, чего-то у нас не ладилось. Один раз только двоих потеряли, отнесло на парашютах далеко: с запозданием из самолета выпрыгнули. Когда наши в наступление пошли, видели тех двоих... На виселице... Рассказывали, кто видел, зверски пытали, прежде чем повесить.

Матвеев вздыхал и добавлял после короткой паузы:

— А так в тылу немцев можно было гулять. Конечно, если ртом ворон не ловить, не лихачить. Еще если местность подходящая, лето — и совсем хорошо. Магушка-ночь здорово выручала. В тыл на самолете подбросят, из тыла уж самим выбирать приходилось. А людей чаще всего теряли при переходе переднего края. Тут, как не суди, бои шли.

Вот так непреднамеренно и приглушал краски о своем подвиге солдат Владимир Андреевич. Это не скромность героя, как убеждены некоторые. Это сознание непереносимости военной героики. Подвиг, ставший долгом, прямой обязанностью, он уже не представляется человеку какой-то исключительностью.

После парашютной выброски саперам мало приходилось отдыхать. Части готовились к наступлению. Вернувшиеся из немецкого тыла были нарасхват: помогали командирам изучать местность в тылу противника, уточняли местоположение заграждений. А потом приходило самое трудное — сопровождение войск при наступлении.

Матвеев чаще всего сопровождал танки. На броню садились два сапера, и танк шел на прорыв немецкой обороны. На мчавшуюся машину обрушивался огонь из всех видов оружия, обезумевшие фашисты строчили по мощному КВ даже из автоматов. Танк крушил все, что попадалось на пути. Его кидало на неровностях, на сминаемых пушках, автомашинах. Каким-то чудом держались на танке сапёры. Страшная тряска, упругие взрывные волны от рвущихся рядом снарядов, по броне градом барабанили осколки и пули.

Здесь саперы становились немного танкистами. Они являлись проводниками по заграждениям. Разминировали проходы в известных им минных полях

и неизвестных, которые на ходу танка должны заподозрить, остановить танк, обследовать место и обеспечивали проходимость для танков и других, следовавших за ними войск. Саперы с танкистами меняли траки на подорванных гусеницах. В короткие боевые загибья им давали попробовать завести мотор, настраивать радию, учили обращаться с пушкой. Случалось, погибал танкист, на его место в бою садился сапер. Делили поровну с танкистами синяки и шишки, набитые об броню, делили и смерть от огня, сосредоточенного по танку. Два раза Матвеев был ранен на броню осколками в голову, много раз контужен.

Бывало и так: прорвется танк во вражеский тыл, разворочает его снарядами или сторит, а свои не подошли. И снова саперы с уцелевшими танкистами возвращаются к передовой.

— А как же было иначе, — говорил Владимир Андреевич. — Особенно последние годы наступление развивалось быстро, разве успеет сапер бежать впереди танков прорыва. Автомашину ему дать, толку нет, ее первый малокалиберный снаряд разнесет, пулеметная очередь насквозь прошьет. А это прижмешься к броне за боевой башней, вцепишься во что придется и смотри только, чтобы не слететь. Башня от лобового огня укрывает. Как даст какой-нибудь слабенький снаряд или бронебойный вскользь по лобовой броне, а тебе ничего. Только в голове звон, в глазах темно, чувствуешь, память теряешь. Последнее что в уме: только бы не свалиться. Очнулся раз — танк перед разрушенным мостом остановился, я за скобу держусь, и уж в себя пришел, а руки разжать не могу. Через минуту отошел, брод искать надо было.

Сопровождал Матвеев и пехоту. Однажды проводилась разведка боем. Началась она с артиллерийской подготовки, под шумок которой Матвеев с товарищами разминировал проходы. Очень выгодное время, когда противника артогнем загоняют в землю. Тут ему не до наблюдения за какими-то отдельными фигурами на полосе заграждения — действуй сапер свободно.

Только успели смолкнуть последние залпы и не рассеялись еще пыль и чад на «обработанном» немецком переднем крае, советская стрелковая рота начала разведывательный поиск.

Матвеев провел роту через минное поле и, как всегда, включился в ее состав: кто знает, может быть, еще что потребуется от сапера. В первой траншее почти никто не сопротивлялся, во второй — завязалась рукопашная. В сапере, как в специалисте, нужды пока не было, и он работал в тесной траншее автоматом. На глазах у него кто-то оглушил немца около входа в блиндаж. Матвеев хотел было перешагнуть через гитлеровца, да заметил на нем какие-то особые витые погоны, не приходилось таких видеть. Что это за чин, он не знал, но показалось — важная птица.

Бой был скоротечный. Подрались в третьей траншее и стали отходить, пока немцы с соседних участков в клещи не взяли и не отрезали.

«Языков» более чем достаточно захватили, на выбор — от ефрейтора до офицера. А Матвеев еще одного ведет, стволом автомата подталкивает.

— Это еще что за гусар? — спрашивают пехотинцы. — На кой черт его тащить. Чиновник какой-нибудь почтовый или швейцар. У него и вид-то ненормальный.

— А может, инженер или ученый какой по военной технике, — стоял за пленного Матвеев, а сам подумывал: «А если на самом деле из каких-нибудь лакеев, засмеют потом».

— Сам я для интереса в конвоиры вызвался. Привели мы пленных в штаб. Вышел из землянки начальник разведотдела штаба и сразу к моему пленному. Спрашиваю: годится? А тот приказал, чтобы остальных пленных пока увели, а про моего сказал: «Это клад для нас, как его на передний край занесло!» Записал мою фамилию, подмигнул и сам увел в землянку моего «швейцара». Что это был за чин, так и не могу сказать, какой-нибудь из СС, наверное. Вот вторая степень Славы, точно не знаю, за что у меня, на скорую руку вручали, без объяснений, под огнем. Но догадываюсь, за «языков» и тот чин, видно, здесь вес имел, до него все мелочь подвертывалась.

Знал и хорошо помнил Матвеев только, что первую степень Славы получил за форсирование Одры. Об этом было объявлено при вручении ордена и чествовании героя в Кремле. Но это не заключительная была награда. Владимир Андреевич уже в Пензу вернулся, а вслед ему еще орден Красного Знамени пришел.

Много лет проработал Владимир Андреевич на базе «Ростекстильторга» отборщиком — отбирал и отправлял торгующим организациям тюки с разными тканями. Тем удивительнее, что человек такого мирного рода занятия проявил в войну столько отваги и способностей кадрового военного. Откуда это у русского человека? Из наследия отцов и дедов, которым пришлось столько повоевать, отстаивая свою землю! Из великой, исторической любви его к Родине.

МАТВЕЕВ Владимир Андреевич, род. 13.11.1919 в г. Пенза в семье рабочего. Русский. Окончил 8 классов. Работал слесарем-инструментальщ. на 3-де им. Фрунзе. В Кр. Армии с 1942.

В боях Вел. Отеч. войны с июня 1942. Сапер 215-го отд. батальона инж. заграждений (43-я отд. инж. бригада, 4-й Укр. фронт) рядовой М. в ночь на 8.4.44 под г. Армянск (Крым) проделал проход в проволочных заграждениях пр-ка, обеспечив выход в атаку своей пехоте. 25.4.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Сапер 105-го отд. моториз. штурм. инж.-сап. батальона (23-я моториз. штурм. инж. сап. бригада, 1-й Укр. фронт) ефрейтор М. с бойцами 12.01.45 зап. нас. пункта Стапув (Польша) проделал проходы в минных полях пр-ка, сняв св. 200 мин. из них 35 противотанковых. 14.4.45 нагр. орд. Славы 2 ст. В том же боевом составе (2-я армия Войска Польского, 1-й Укр. фронт) в ночь на 16.4.45 в р-не нас. пункта Нидер-Нойндорф (Германия) под сильным огнем установил с сослуживцами рамные опоры моста для переправы через р. Нейсе, обеспечив своевременную доставку подкрепления. 27.6.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1947 демобилизован. Вернулся в родной город. Работал кладовщиком на торговой базе. Нагр. орд. Красного Знамени, 2 орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями.

Верность клятве

Двести восемнадцатый стрелковый полк 77-й гвардейской дивизии... В его составе и прошел с боями от Москвы до полноводной Эльбы Василий Дмитриевич Мещеряков.

Он хорошо помнил первый день, когда его зачислили в пулеметный взвод. Лейтенант Семенов тогда строго заметил:

— Будешь воевать в гвардейской части. Это высокое звание нужно заслужить в ратном бою смелостью, мужеством, отвагой.

Были бои, были атаки. В одном Василий Мещеряков уничтожил из своего пулемета до двадцати фашистов. Вручая бойцу первую медаль «За отвагу», командир взвода одновременно прикрепил на его гимнастерку гвардейский значок:

— Вот теперь ты настоящий гвардеец!

Наши войска стремительно продвигались на запад. На пути части, в которой служил Мещеряков, оказался город Хелм — первый польский город. Фашисты упорно оборонялись: ведь это были ворота в Люблин, где находился лагерь смерти Майданек.

Мещеряков получил приказ выдвинуться с пулеметом на одну из выгодных высот, выбрать огневую позицию, окопаться и в ходе боя прикрыть наступление роты. В случае контратаки противника — вести отсечный огонь. Вместе со вторым номером, под ураганным вражеским обстрелом, они проползли шестьсот метров и достигли цели.

Началась артподготовка наших частей. Затем по сигналу ракеты пошла в наступление пехота. И тогда Мещеряков открыл огонь: он был настолько сильным, что немцы не могли поднять головы.

На левом фланге фашистская пехота попыталась контратаковать наши части. И снова заработал пулемет гвардейца. Ни ответный вражеский обстрел, ни разрывы мин не могли сдержать его боевого порыва. Четко отдавал он команду своему помощнику:

— Скорей, скорей новую ленту! Бьем гадов!

Между тем наша пехота продолжала успешно наступать. Враг дрогнул. Город Хелм был освобожден. За проявленную отвагу Мещеряков и его товарищи были награждены орденом Славы третьей степени.

И снова путь на запад. Впереди Висла, Одра и Берлин! Переходы, разведки, переправы, ночные бои...

Однажды фашисты начали наступление на участке стрелковой роты, которую поддерживал своим огнем пулеметчик Мещеряков. Василий Дмитриевич

заметил, что его огонь с оборонительного рубежа не совсем эффективен. Тогда он выбежал из траншеи, установил свой пулемет и с близкого расстояния начал поливать свинцовым дождем наступающих фашистов. Атака была отбита.

Но, как выяснилось потом, противник на этом участке лишь демонстрировал наступление, а главный удар хотел нанести по соседним ротам. Надо было, предупредить друзей-пулеметчиков, чтобы они готовились отразить атаки не с правого фланга, а с левого.

Командир роты дважды посылал связных, но они не дошли. Тогда он вызвал Василия:

— Надо любой ценой передать приказание. Иначе будут большие жертвы...

Под сильным пулеметным и автоматным огнем, где перебежками, где ползком Мещеряков направился к соседней роте. В нескольких местах пробита шинель. От разрывов пуль песок засыпал глаза. Но солдат продолжал бежать и ползти. Приказ был выполнен. За этот подвиг Василия Дмитриевича наградили орденом Красной Звезды.

Много было боев, но особенно запомнились Василию Дмитриевичу дни на Одерском плацдарме и близ Франкфурта. О подвигах пулеметчика, совершенных в этих операциях, писала дивизионная газета. Один из номеров этой газеты Мещеряков хранил и после войны.

...Когда гвардейцы заняли плацдарм на правом берегу Одры, он был равен одному километру в глубину и двум — по фронту. И этот кусочек земли пехотинцы держали тринадцать суток, отсюда пошли в наступление. Дорого стоило сохранить рубеж! В распоряжении десантников была лишь одна пушка и пулеметы. Гвардейцы держались от противника всего на винтовочный выстрел.

Вот где поработал пулемет Мещерякова! Немели руки, слезились от напряжения глаза. Нередко ствол пулемета так раскалялся, что приходилось на время прекращать огонь. По пять-шесть контратак отбивали гвардейцы.

В один из таких дней кончились патроны. Пять раз под огнем врага переправлялся Мещеряков через Одру на небольшой лодке и обеспечил патронами не только свой пулемет, но и соседние.

— Жив, Василий? Не царапнуло? — спрашивали, восхищаясь его смелостью, однополчане.

— Меня ни пуля, ни снаряд не берут, — отшучивался он.

Так дошел Василий Дмитриевич до стен Берлина. Где бы он ни воювал, всегда оставался верен солдатской клятве — защищать Родину до последней капли крови.

После демобилизации вернулся в родные края, работал на пензенском заводе «Стройдеталь» №1 — был плотником, столяром, слесарем, бригадиром, мастером. Трудился по-гвардейски.

День 50-летия Вооруженных Сил СССР у Василия Дмитриевича был двойным праздником. Кроме медалей «За отвагу», орденов Красной Звезды, Славы третьей и второй степени его нашла еще одна заслуженная награда — орден Славы первой степени. Он стал полным кавалером этого солдатского ордена.

МЕЩЕРЯКОВ Василий Дмитриевич, род. 6.8.1921 в с. Хоненево ныне Мокшанского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил 7 классов. Работал слесарем. В Кр. Армии с 1940.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июля 1941. Пулеметчик 218-го гв. стр. полка (77-я гв. стр. див., 69-я армия, 1-й Белорус. фронт) гв. мл. сержант М. 1-4.8.44 при расширении плацдарма на лев. берегу р. Висла у нас. пункта Дольна (Польша) метким огнем отразил 6 враж. контратак, уничтожил ок. 15 гитлеровцев. 3.8.44 спас жизнь ком-ру взвода. 8.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 17.4.45 при прорыве обороны пр-ка на лев. берегу р. Одер ворвался в нас. пункт Мальнов (Германия), установил в окне здания пулемет и прикрыв огнем продвижение нашей пехоты. В этом бою уничтожил 2 огн. точки и до 20 гитлеровцев. 8.6.45 нагр. орд. Славы 2 ст., 26.12.67 перенагр. орд. Славы 1 ст. 27.4.45 в бою сев. г. Франкфурт-на-Одере (Германия) гв. сержант М. из пулемета скопил до взвода враж. пехоты, содействовал захвату в плен 2 офицеров. 1.6.45 нагр. орд. Славы 2 ст.

В 1946 старшина М. демобилизован. Жил в г. Пенза. Работал слесарем в научно-исследовательском ин-те. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Скончался 7.03.1994.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 163-167.

Роспись на рейхстаге

Их уже было много — росписей на стенах самого главного здания фашистской Германии — задымленного, поверженного, с бьющимся наверху полотнищем алого флага, когда сержант Павел Невежин пришел сюда с друзьями. Стояли, читали надписи: «Слава русскому народу!», «Здесь были Ивашкин, Григорьев, Леденев, Шалаев, Кузьмина», «Были и мы из Якутии», «Из Чувашии Копнев Ф. Ф.», «Расписались танкисты...». И дальше названия городов — Орехово-Зуево, Винница, Ташкент, Киев, Шепетовка.

— Павел, а вон и Пенза твоя, — показывая рукой вверх, сказал Невежину взводный, — воюют землячки.

Сержант поднял глаза. «Мы из Пензы» — четко выделялось на стене. Видимо, выбито штыком. «Везде наши есть», — с теплотой подумал он. Сколько раз земляков приходилось встречать за эти долгие четыре года — куда бы ни попадал, прежде всего родных по земле, по Пензе искал.

— Придется и нам расписаться, — вывел его из задумчивости голос взводного. — Лезь, Паша. Доверяем тебе это почетное право.

— За меня уже расписались. Видишь?

— А ты фамилию поставь. И потом, ты же не из самой Пензы...

Солдаты помогли сержанту забраться на плечи одного из них. Только так и можно было найти свободное местечко (кое-кто приходил в рейхстаг даже с лесенкой). На стене появилась еще одна подпись — «Невежин (Пенз. обл.)». Рядом — чуть левее — вырубил кинжалом фамилии товарищей. Раз они доверили ему такую честь.

Расписался — что же тут особенного? Тысячи победителей — советских солдат оставили свои автографы на стенах рейхстага — в назидание будущим завоевателям. Служил еще несколько месяцев — демобилизовали не сразу — нужны были армии опытные, проверенные огнем и боями кадры. После Берлина Павел Невежин вернулся в свою родную Выгладовку Пачелмского района, откуда добровольцем в начале сорок второго ушел на фронт.

В мае того же победного сорок пятого в поверженном рейхстаге побывал фотокорреспондент военного журнала «Фронтвая иллюстрация» Анатолий Павлович Морозов. Он сделал сотни снимков росписей советских солдат и офицеров, взявших твердыню фашизма. В поле зрения его фотообъектива попала и роспись нашего земляка — «Невежин (Пенз. обл.)». Ровно через двадцать лет — 10 мая 1965 года — она появилась на

страницах «Пензенской правды». Редакция обращалась к своим читателям: «Нам пока не удалось отыскать земляка, расписавшегося на рейхстаге. Надеемся, что теперь он отзовется».

Прошло несколько месяцев, прежде чем из Курска пришла открытка. Написал ее инженер, Михаил Григорьевич Пособнов: «Мною случайно прочитана ваша газета, рассказывающая о пензяках в Берлине, где речь идет о Невежине из Пензенской области. В 1948 году мы закончили вместе с ним Пензенский строительный техникум. Сейчас он — инженер, живет и работает в Москве, в одном из проектных институтов».

А до этого было небольшое письмо Александра Шишко из Одессы, в котором он писал: «Мне бы хотелось повидать боевого друга, уроженца Пензенской области Павла Невежина. Кончилась война, и мы расстались. Где сейчас живет Павел, не знаю. Помогите найти его».

...И вот я разговариваю с Павлом Петровичем Невежиным в отделе Московского института «Гипротяжмаш». Показываю «Пензенскую правду» с фотоснимком А.П. Морозова. В голосе ветерана войны — и удивление, и радость.

— Смотри, подпись отыскалась. Моя...

Подходят товарищи по работе. Начальник отдела Вадим Леонидович Кармалинин берет в руки газету:

— Точно, невежинская подпись. Ни с какой другой не спутаешь.

Газета идет по рукам.

— Павел Петрович, — немножко даже с обидой говорит инженер Мария Ивановна Кондакова, — и молчали все время!

— Вам теперь в ФРГ надо съездить, — шутливо добавляет ее подруга, — пусть посмотрят в Бонне на тех, кто расписался на рейхстаге. Для памяти.

...Со станцией Выглядовка связаны первые детские воспоминания Павла Невежина. Здесь много лет работал его отец Петр Алексеевич — ветеран железнодорожного транспорта. Учиться же Павлу пришлось в Пачелме — в железнодорожной школе. Закончил ее перед самой войной. Хотел поступить в Горьковский кораблестроительный институт, но... июнь 1941 года.

Товарищи приходили в военкомат, получали направления к местам службы. Виктор Волчков, Николай Марин, братья Федякины уехали в Пензу, в артучилище, а Павла вновь и вновь оставляли — не подошел... По росту. В который раз он пробился к военкому.

— Отправляйте на фронт.

— Жди. Вызовем.

— Да нельзя ждать. Ведь война идет.

Так Павел Невежин начал свой боевой путь. Радиотелеграфные курсы в Куйбышеве, учебный батальон под Москвой, первые тяжелые бои под Сталинградом. Прошел пачелмский парень через многие фронты, был на Дону, участвовал в освобождении города Калач (за героизм и мужество их 26-му танковому корпусу здесь было присвоено звание 1-го гвардейс-

кого Донского корпуса), шли на Лозовую и Днепропетровск, отступали от Харькова, закреплялись на Северном Донце. Там сержант Невежин был тяжело ранен и после госпиталя попал уже в другую часть, входившую в состав прославленной восьмой армии, которой командовал генерал В.И. Чуйков. В ее составе и дошел до Берлина.

— Много было боев, — рассказывал Павел Петрович. — Тяжело пришлось на реках Ингулец, Южный Буг в районе города Новая Одесса, при форсировании Хаджибейского лимана, под Одессой. За бои по ее освобождению гвардии сержант — начальник радиостанции был награжден медалью «За отвагу». Затем — Заднепровский плацдарм. О нем вспоминал Василий Иванович Чуйков в книге «Гвардейцы Сталинграда идут на запад». Почти месяц держали его гвардейцы 57-й стрелковой дивизии, отражая в день до двадцати вражеских атак. Тут П.П. Невежин был удостоен ордена Славы III степени.

Потом — 1-й Белорусский фронт, Пинские болота, освобождение польского города Демблина, форсирование 1 августа 1944 года Вислы, в районе Мангушева. На лодках в кромешной тьме плыли к вражескому берегу. Закрепились, наладили связь. И сразу же ударили по чужим траншеям наши батареи. Новая награда украсила грудь отважного связиста — орден Красной Звезды.

С ожесточенными боями шли через Польшу, освобождали город Лодзь, подошли к Одре, переправились и захватили плацдарм на противоположном берегу. И всюду сержант П.П. Невежин четко обеспечивал связь, слышались в эфире позывные «Сура». Не было случая, чтобы его радиостанция выходила из строя. Павел Петрович был награжден орденом Славы II степени.

— И вот, наконец, Германия — вспоминал П.П. Невежин. — Наша армия вышла на Берлинское направление. Завязались бои у Зееловских высот. Укрепления здесь строились в несколько ярусов, что позволяло врагу вести огонь одновременно с нескольких этажей. Нависали высоты над низменной поймой Одера. Штурм Зееловских высот начался 6 апреля, на самом рассвете. Было, как днем — ослепляли врага десятки мощных прожекторов. Шли в атаку танки и пехота, артиллерия.

Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Лишь к исходу второго дня удалось взять все три укрепрайона.

21 апреля передовые части ворвались в предместья Берлина. Бои шли за каждый дом, каждую улицу. Озверевший враг не хотел сдаваться. Павел Невежин вместе с товарищем-радистом находился в городе. Решили сменить позицию — перебежали к следующему, тоже основательно разбитому дому. Только хотели влезть в проем окна, в здание ударил снаряд. Заваленный камнями, Невежин потерял сознание.

Очнулся в госпитале. Белые стены, за окнами синее небо, щебет птиц. Над кроватью склонился врач.

— Радиостанция тебя спасла, всямятку была. И спасибо товарищу скажи — откопал и в госпиталь доставил.

Было это 26 апреля, а восьмого мая, не оправившись еще как следует от контузии, сержант сбежал из госпиталя — не мог находиться там, когда кончилась война. Вместе с товарищами пришел к рейхстагу. Он стоял на плечах друга и вырезал кинжалом фамилии — свою, друзей.

— Не думал, что через столько лет вновь увижу свою подпись, — задумчиво говорит он, — жаль, подписей ребят не видно на снимке. Они вот тут, левее были, — показывает он на газетный снимок. — Я столбиком их вырезал. Павел Петрович помолчал и сказал:

— А сколько ребят не вернулось! Ночью не спится иногда долго, лица их вижу. Младший сержант Раджабов радистом был у меня, все про свой Узбекистан рассказывал, в гости звал. Лейтенант Воробьев. Тоже погиб. Не знаю даже, откуда он и родом. А командира роты связи так прямо на моих глазах убили...

Невежин показал маленькую любительскую фотографию, видно, снялись где-то в перерыве между боями:

— Где они сейчас? Окончилась война, и разъехались по своим родным местам. Петя Грицунов живет в Волгодонске, Саша Шишко — в Одессе, командир радиовзвода Павел Силович Дикий — в зерноградском районе Ростовской области. Толя Корнев — с курской земли. Вот это — Виктор Поликарпов из Рязанской области, Петр Григорьевич Чупик — из Николаевской, Виктор Макаров с Брянщины, и Володя Крымов — у него и фамилия была по местности, где родился — в Крым он уехал.

...После войны Павел Петрович какое-то время учительствовал в Выглядовке, вел два класса в однокомплектной школе, затем уехал в Пензу — в строительный техникум. Здесь в начале 1948 года и был вызван в областной военкомат.

— Поздравляю вас, — крепко пожав руку, с теплотой в голосе сказал военком, — Указом Президиума Верховного Совета СССР за активное участие в боях под Берлином вы награждены орденом Славы первой степени. Три года искала вас награда.

Поздравили своего товарища и студенты — многие из них, как и он, были фронтовиками. А Михаил Пособнов, самый близкий друг, сказал:

— Горжусь тобой, Павел! Завидую даже. Полный кавалер ордена Славы!

После техникума Павел Петрович работал в Херсоне. Он знал вес кирпича в руке, умел держать мастерок, был неплохим прорабом. Как одного из лучших строителей, его пригласили на работу в Москву. В разных местах столицы возводил новые дома бывший солдат. Не без его участия росла Москва, ширилась во все стороны, становилась еще более прекрасной.

Все эти годы по вечерам Павел учился в Московском политехническом институте, получил диплом инженера-строителя промышленного и гражданского строительства. Это была большая победа. Целых шесть лет двойного труда! А уже семья, не один жил...

Много лет Невежин работал в большом коллективе института «Гипротяжмаш», руководил конструкторской группой строительного отдела.

По их проектам возводились вагоностроительные заводы в Риге и Калининграде, Калининне и Торжке, Калуге и Брянске. Павел Петрович ставил свою подпись на чертежах проекта Алтайского вагоностроительного завода — там выросли огромное четырехэтажное здание и инженерно-лабораторный корпус. Проекты корпусов электропогрузчиков для Калининградского завода, для Московского завода теплоавтоматики, заказы для городов Горького и Энгельса, и на каждом чертеже стояла его подпись: Невежин...

...С Павлом Петровичем мне довелось встретиться еще раз через несколько месяцев. Я был послан в Москву, чтобы вручить генерал-лейтенанту Василию Афанасьевичу Глазунову (ему первого января исполнилось семьдесят лет) — хрустальную вазу, изготовленную николевскими умельцами, и памятные адреса. Остановился в столице у Невежиных.

Узнав о цели моего приезда, Павел Петрович сказал:

— А ведь на фронте я не раз видел генерала Глазунова. Полк, в котором служил, входил в четвертый гвардейский стрелковый корпус. Он-то им и командовал...

Дача В.А. Глазунова находилась на одной из подмосковных станций. Поэтому Анна Егоровна не отпустила нас одних, а сказала, что поедет с нами (мало ли что...). Когда электричка остановилась на перроне, я сразу узнал прославленного генерала. Он был в покрытой сукном бекеше, белых бурках и папахе. Рядом с ним находилась овчарка.

И вот они встретились: командир корпуса, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант и сержант, полный кавалер ордена Славы. По одной и той же земле проходили они в войну, одни и те же реки форсировали, брали одни и те же города.

О многом вспоминали при встрече бывшие воины-пензенцы. Задумчив взгляд Василия Афанасьевича, тепло смотрели глаза из-под нависших бровей. И прошлое входило в комнату.

Много войн и фронтов стояло за плечами прославленного генерала. Солдатом он участвовал в Брусиловском прорыве, дрался с белогвардейцами и басмачами, командовал дивизией на Дальнем Востоке, прошел путь до стен рейхстага в Великую Отечественную...

А у Павла Петровича была всего лишь одна война— последняя. От Москвы до Берлина прошел со своей радиостанцией гвардии сержант; оставил роспись на рейхстаге...

Разговор о войне, о прошлом. Было о чем вспомнить и генералу, и сержанту. Беседа шла о связистах, их роли в минувших сражениях. Вспомнили и командира 170-го гвардейского стрелкового полка, Героя Советского Союза, подполковника Никиту Дорофеевича Дронова. Любили солдаты своего «батю» за храбрость, честность, скромность и прекрасную человеческую душу.

— Во время наступления на Берлин, — говорил Василий Афанасьевич, — связисты были нашими глазами и ушами. Ведь вся координация шла через вас, — обращался он к П.П. Невежину. — Позывные вашей

радиостанции — «Сура» — я помню. Думал тогда, что земляк воюет. И точно оказалось — с Пензенской земли...

Вместе с П.П. Невежиным нам удалось посетить Центральный музей Вооруженных Сил. Здесь, в толпе экскурсантов, мы проходили по залам, осененным славными знаменами русских армий, с волнением осматривали боевые реликвии. Но особенно долго стояли в зале, посвященном празднику Победы. Здесь вдоль стены сложены фашистские знамена, брошенные в мае 1945 года к подножию Мавзолея. Есть и макет рейхстага. В большом альбоме — фотографии автографов на его стенах. На одной из них в центре — «Невежин (Пенз. обл.)». Четкая уверенная подпись. Такая же, какую ставил инженер Невежин на чертежах проектов.

* * *

14 февраля 1970 года «Красная Звезда» опубликовала отчет о встрече в редакции с бывшими фронтовиками, кавалерами ордена Славы всех трех степеней. Было предоставлено слово и П.П. Невежину, главному специалисту Московского проектного института специализации и комплексного развития промышленности. Летом сорок четвертого года он должен был обеспечивать связь командира одного из стрелковых батальонов с командиром полка.

— Ночью подошли к Висле, — рассказывал Павел Петрович. — Наши саперы подготовили понтоны. Мы сели в них и, как только стало светать, двинулись по реке. У вражеского берега понтоны начали застревать. В это время гитлеровцы открыли бешеный артиллерийско-минометный огонь. Мы спрыгнули в воду. Радиостанцию пришлось держать над головой. Бойцы подняли над собой винтовки и пулеметы. Вести огонь было нельзя — глубина большая. Но все равно с криком «ура!» мы вышли на берег. Рядом со мной никого из командиров не оказалось. А по радиостанции требуют быстро доложить обстановку, запрашивают о наших действиях, какая нужна помощь. Искать кого-то из начальников просто не было времени, да и не знал я, живы ли они или, может, погибли. Пришлось действовать самому. Передал все, что от меня требовали, а сам старался сориентироваться уже не как радист, а как командир. Вижу, фашисты бьют орудиями и минометами из глубины своей обороны. Попросил командира полка перенести туда огонь нашей артиллерии. Ну, понятно, и в цепи пришлось команды подавать.

Говорил Павел Петрович сдержанно, даже немного стесняясь. А ведь тогда он без чьего-либо приказа, повинуюсь своему солдатскому долгу, взял на себя ответственность за судьбу целого батальона. Взял потому, что в эти критические минуты думал не о собственной судьбе, а о той большой задаче, которую предстояло выполнить батальону, думал о тех, кто рядом с ним шел в бой.

В апреле того же года П.П. Невежин вместе с другими кавалерами ордена Славы участвовал во встрече с писателями столицы в Центральном

Доме литераторов. Через четыре года он присутствовал на встрече с москвичами в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького. В июле 1982 года Павел Петрович был дорогим гостем в Пачелмской железнодорожной школе, где на традиционную встречу с учащимися ежегодно собирались ее бывшие выпускники.

Павел Петрович никогда не забывал своих друзей. В один из приездов в Пензу он познакомил меня с Агафьей Терентьевной Артюшиной, два сына которой не вернулись с фронта. Павел Константинович пропал без вести. Николай Константинович остался под Сталинградом. Родился он в лунинском селе Чирково. Призванный в армию, служил командиром батареи 749-го зенитного артполка 244-й стрелковой дивизии.

В одном из боев Н.К. Артюшин получил тяжелое ранение и скончался 15 сентября 1942 года, находясь в 264-м отдельном медсанбате. Воин был захоронен в саду Саши Филиппова, а зимой 1963-1964 годов его останки, как и останки других бойцов, были перенесены в братскую могилу на Мамаевом кургане. У матери хранилось фотография, на которой сын запечатлен среди выпускников Пензенского педучилища. Надпись на обороте коротка: 17-й выпуск. 1936-1939 годы.

Василий Поляков

Пройдя дорогой фронтовою

Прими, дружище, поздравленья
Авансом сразу лет до ста.
В твой юбилейный день рожденья
Ей-богу осень — красота.
Ликует неба высота.
Пройдя дорогой фронтовою.
Ее не в силах позабыть.
Твои заслуги пред страну
Равно с победой вместе слить.
Об орденах солдатской Славы
Всех степеней, что на груди.
Известно на Руси державной,
Что был всегда ты впереди.
Но и в гражданке стал ты докой,
Еще б — строитель, инженер!
В твоей профессии высокой
Есть доблестный для всех пример.
Жизнь не подвластна точным срокам,
И все же, шествуя до ста,
Не подведи, пожалуйста!

НЕВЕЖИН Павел Петрович, род. 13.10.1923 в с. Студёнка ныне Пачелмского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1970. Окончил 10 классов. Работал преподавателем в школе с. Калиновка Пачелмского р-на. В Кр. Армии с 1942.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июля 1942. Радист роты связи 170-го гв. стр. полка (57-я гв. стр. див., 8-я гв. армия, 3-й Укр. фронт) гв. сержант Н. 10-15.5.44 в боях за расширение заднепровского плацдарма под огнем пр-ка обеспечил командование соединения устойчивой радиосвязью с частями. 20.5.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Нач-к радиостанции роты связи того же полка, див. и армии (1-й Белорус. фронт) Н. в бою за нас. пункты Либух, Кальцих (сев.-вост г. Мезеритц, Польша) 29.01.45 обеспечил командование бесперебойной связью. Участвуя в отражении контратаки пр-ка, из личного оружия поразил 3 гитлеровцев. 27.02.45 нагр. орд. Славы 2 ст. В боях за Берлин 26.4.45 обеспечил командование полка бесперебойной радиосвязью с батальонами, продвигаясь по улицам, уничтожил из автомата 4 гитлеровцев. Был ранен, но продолжал выполнять боевую задачу. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 старшина Н. демобилизован. Живет в Москве. Работает специалистом отдела Гипроронииавиапрома. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Участник Парада Победы 1995.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 172-177.

Покорялись реки бойцу

Этот адрес — Вильнюс, улица Шопена, восемь, школа № 27 — знали многие люди нашей страны. Отовсюду приходили сюда письма.

Присылали их бывшие солдаты, сражавшиеся на литовской земле, которым вильнюсские школьники помогли разыскать боевые награды; родственники тех, кто погиб при освобождении Прибалтики и считался пропавшим без вести. Сто шестнадцать памятников-обелисков поставлено на могилах Героев Советского Союза по ходатайству школьного воен-

но-исторического кружка, которым руководил Павел Матвеевич Фролов, бывший фронтовик, прошедший путями войны от Белоруссии до Берлина. Семьдесят пять улиц, поселков, школ, пионерских дружин названо именами героев. Более пятидесяти бывших солдат, разысканных кружковцами, получили свои заслуженные награды, много лет искавшие их.

Письма из Вильнюса приходили и в нашу область. Это ребята с улицы Шопена написали в село Бестужево, родителям младшего сержанта Дмитрия Клемина, танкиста, погибшего при освобождении столицы Литвы, о подвиге их сына. А вот письмо, что отправила в Вильнюс из села Клейменовки Каменского района Матрена Константиновна Дырдина: «Спасибо вам, ребята, за то, что сообщили о последних минутах жизни моего сына Бориса, за то, что имя его не забыто в Литве, за освобождение которой он отдал свою жизнь».

Пришло письмо из Вильнюса и на Пензенский механический завод, где работал электриком Федор Петрович Паньшин.

«Дорогой Федор Петрович! — писали ребята. — Мы узнали, что за подвиги в Прибалтике вы были награждены орденом Славы первой степени. Просим прислать свою фотографию, а также воспоминания».

Растревожило письмо старого солдата. Пришло оно почему-то на завод, не домой, но не стал показывать его товарищам. Чего, скажут, хвалишься? Фронтовиков в цехе немало.

А дома снова достал его, развернул листок, исписанный аккуратными ровными буквами.

— Старались здорово, — подумал ласково про незнакомых ребят. — Надо ответить. Да и карточку послать. Придется завтра в фотографию сходить...

Но о чем написать им, ждущим письма, через двадцать с лишним лет после конца войны отыскивающим его следы? А написать надо. Не ради себя.

Ради памяти. Пусть всегда остается с ними негасимое чувство любви к людям в серых шинелях, их ратным подвигам.

...Родина Федора Петровича Паньшина — затерянная среди равнин и лесов рязанская деревенька Малые Лупяжи. Воспоминания о ней самые отрывочные — синяя лента реки, желтая песчаная отмель, кустарник, склонившийся над водой. Почему-то из детства ему больше всего запомнилась река. Да еще шершавые крупные руки отца, глядящие по голове...

Вырос он в Подмосковье. Здесь кончил школу, поступил на завод «Электросталь», знаменитый на всю страну — тут варили сталь, обрабатывали и прокатывали ее. Покорялся металл сильным рабочим рукам.

Отсюда с «Электростали» ушел Федор Паньшин в армию. Служил в артиллерийском полку, проходил военную выучку, ходил в строю, читал уставы, не ведая, что через какой-то год ему снова придется надеть шинель и принять на подмосковных полях первое боевое крещение.

Вернулся на завод, работал. С гордостью смотрел, как падает в изложницы из пробитой летки кругая струя раскаленного металла, как проходит сталь через прокатные станы. Уже тогда делали на их предприятии броню. В мире веяло грозой.

В первый же день войны пришел в военкомат. Дождался своей очереди. Пожилой военный поднял усталые глаза:

— Вызывали?

— Нет. Я пришел сам.

— Идите работать. Когда нужно будет — сообщим.

Повестка пришла только в конце октября. Завод закрывался — немец подходил к столице.

Сначала Паньшин попал в рабочий батальон — копали укрепления, до изнеможения, до кровавых мозолей вгрызаясь в начавшую уже стыть землю. Минировали участки, ставили заграждения. Десятки километров противотанковых рвов, ходов сообщения, лесных завалов, проволочных заграждений опоясывали столицу, Сотни огневых точек готовы были обрушить на врага мощь своего огня.

В заснеженных подмосковных полях принял Федор Паньшин первый бой. Шестнадцатого ноября германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и пять мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Враг имел цель — путем охвата и глубокого обхода флангов фронта выйти в тыл нашим войскам, окружить и занять столицу. Тула, Кашира, Рязань и Коломна, Клин, Рогачев, Солнечногорск, Яхрома — вот города, которые фашисты намеревались занять первыми, чтобы отсюда нанести массивный удар по Москве.

Стояло в их планах и занятие города Дмитрова. Здесь, в составе других войск занимал оборону и батальон, в котором находился рядовой Паньшин.

Начались дни и ночи ожесточенных оборонительных боев. Вынужденные отступления, атаки и контратаки, победное наступление. В рядах

тех, кто гнал немца от столицы, шел и парень с «Электростали» Федор Панышин.

К весне сорок второго он был уже обстрелянный солдат, знавший, как спать на снегу, идти в атаку под злым огнем вражеских автоматов и пулеметов.

В марте 1942 года командир построил заметно поредевший батальон, прошел вдоль рядов, остановился, встал лицом к строю.

— Сегодня мы собрались в последний раз. Многие из вас пойдут служить в другие части. Хочу сказать свое спасибо за верную службу. Вы хорошо дрались...

Так Федор Панышин расстался с первой своей частью, попал в 99-й отдельный мотопонтонный мостовой батальон, приданный Пятой гвардейской танковой армии, которой командовал генерал П.А. Ротмистров. В нем и прошел всю войну.

— Из многих рек пришлось воду брать, — говорил Федор Петрович, — сколько их, и больших, и малых встречалось на пути.

И часто вспоминалась речка детства, огибавшая сельцо Малые Лупяжи. Она была самой первой рекой в его жизни.

На новом месте службы многому пришлось учиться заново — возводить за короткий срок переправы, наводить понтонные и строить деревянные мосты, ставить мины и разминировать вражеские минные поля. Но самая суровая и тяжелая школа осталась позади — в сыпучих холодных снегах Подмосковья. Дальше учиться было легче.

Хорошо помнилась Федору Петровичу первая водная преграда — безымянная речка в окрестностях Смоленска. Было, наверное, у нее название, и знал его в те зимние, метельные дни солдат, да вот, запомнил через годы. Хоть убей, не вспомнить, как же звали ее — с крутыми обрывистыми берегами? Высота их кое-где доходила до десяти метров. Походили-походили тогда по снегу, искали, где поудобнее спустаться, да нет, везде круты и недоступны берега. А приказ жесткий, как все приказы: навести переправу. За самый короткий срок.

Мела и завывала пурга. За ее белой круговертью не видно ничего вокруг. В наспех вырубленном окопе командир развернул карту, скользнул узким лучом фонарика. По карте лес лежал совсем недалеко, рядом, в каких-то трех километрах.

Трудные это были километры. За метелью не было слышно, как вгрызались в звонкие мерзлые тела сосен и берез острые безжалостные зубья солдатских пил, как падали наземь деревья, как подхватывали их на лету руки в солдатских рукавицах, очищали от веток, ошкуряли, поднимали на плечи. Несли через поле — мерзлое непаханное поле. Ноги проваливались, задевали за комья, заснеженное бревно тяжело давило на плечо, но солдаты шли «и шли туда — к берегу речки, через которую надо перекинуть мост.

Сбрасывали бревна, курили накоротке и шли сквозь пургу в обратный путь. Небольшой мосток, а деревья надо много. И еще — успеть нужно до рассвета.

А тут фашист начал обстрел. То ли слышал стук топоров на реке, то ли звук пил в лесу, то ли почувствовал что, но ударила артиллерия. Во многих местах перепахали поле вражеские снаряды. И шли через него с бревнами на плечах, сквозь снег и ветер, солдаты. Шли, не обращая внимания на огонь.

А на речке другие бойцы уже возводили мост, вбивали сваи, ставили прогоны, делали настил. К рассвету, который заалелся над лесом, через поле пошли к мосту войска — пехота, артиллерия, танки. Они стояли где-то невдалеке, ждали.

Войска шли, а Паньшин и его товарищи лежали в мерзлых окопах и спали. Не будил их ни огонь фашистской артиллерии, ни лязг машин, ни гулкий слитный топот пехоты. Такой был приказ командования — отдыхать. Войска отдыхали в ночь, а батальон работал, делал свое дело. Он заслужил сон.

Заслужил батальон и награды. За тот мост на безымянной речке рядовой Федор Паньшин получил первую свою медаль — «За отвагу».

И потом были реки. Приходилось Федору Паньшину минировать и взрывать деревянные и железные мосты, наводить понтонные сооружения, работать, именно работать, под огнем противника, градом бомб, снарядов и пуль.

Это была работа, какую мог он делать и в мирное время. Ведь мосты нужны людям во все времена. И была эта работа — во имя будущей победы, во имя завтрашнего дня!

Снова была речка, и снова безымянная. Не записывал солдат их названий, не вел дневников — времени не было на записи. Шли и шли вперед.

А далась новая речка кровью. Леса под рукой не оказалось. Нашли, стали доставлять к переправе. А все под огнем. Настелили часть моста, а вторую не успели — налетели вражеские самолеты.

Ранило командира взвода. Не соглашался он уходить от реки, да крови много потерял. Хотел дать новую команду и не смог, потерял сознание. Унесли на носилках в тыл.

Бомба попала прямо в готовую часть моста, разнесло бревно. Не поднялись с земли многие товарищи. Кого осколок задел, кого пуля. А работа продолжалась. Мост надо было построить к сроку.

Здесь Федор Петрович был контужен. Ударил рядом с его окопом вражеский снаряд, обсыпал землей, и правую руку как отсушило. Несколько дней не мог поднять. Да и сейчас, нет-нет заболит...

И еще была река — знаменитая, про которую слышал в школе, когда учился. Туго когда-то пришлось под ней Наполеону — отступая здесь, бросил свои войска. Об этом напомнил солдатам политрук:

— Знаменитая перед нами река, товарищи. Сама Березина. Осилим? Осилили. За Березину был дан солдату второй орден Славы.

Вспоминалось Федору Паньшину местечко на подступах к Белой Церкви. Подойти к нему можно было только через болото. Все другие подходы враг перерезал. Колеса машин увязали в грязной желтой жиже, моторы нагужно ревели и глохли.

Тогда на помощь пришел понтонно-мостовой батальон. Из толстых досок делалась колея. Доски подкладывались под колеса, и машины шли, словно по рельсам. Неверный поворот руля — и считай, все пропало, движение опять застопорится.

Такие деревянные «рельсы» тянулись ни много, ни мало — больше чем на двадцать пять километров. Сколько было в них вложено труда, пота!

Здесь и от шоферов требовалось большое мастерство. Малейший, неверный поворот руля, и весь труд саперов насмарку — останавливается движение.

Через много речек, рек, болот и озер пришлось пройти солдату. Остались за его спиной Днепр и Висла, был и широкий полноводный Неман.

Неман... Переправа через него запомнилась Федору Паньшину. Было это в районе Гродно. Как и всегда, работа шла с вечера, лишь стемнело. Под огнем, под бомбами, а навели мост, не впервые приходилось такое делать.

Золотой орден Славы первой степени получил солдат за Неман... В сорок четвертом, весной, Федор Петрович стал коммунистом.

Через всю Прибалтику прошел боец, закончив войну на берегу Балтийского моря. Кроме трех орденов Славы да медали «За отвагу», были на его пропыленной, обожженной солнцем, пропитанной потом гимнастерке орден Красной Звезды и медали за освобождение городов.

Строил солдат мосты, научился гадить болота. Да не пригодилась ему после войны приобретенная в боях специальность. Отгремели залпы победы, и Федор Петрович Паньшин вернулся на свой «Электросталь». Завод работал так же, как до войны, давал сталь, которой все больше и больше требовалось стране.

Потом Челябинская область, и, наконец, Пенза, город Заречный. До двадцатилетия Победы на механическом заводе никто и не догадывался, что рядом с ними трудится техник-электрик, в годы войны совершивший не один подвиг.

...Растревожило, о многом напомнило письмо из вильнюсской школы. Ведь среди рек, через которые наводил в годы войны мосты и переправы Федор Паньшин, были и те, что вели на Вильнюс и Каунас. И все они, большие и малые, покорялись бойцу. Советскому бойцу.

ПАНЬШИН Федор Петрович, род. 1.02.1915 в д. Малые Лупяжи Спасского р-на Рязан. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1944. Окончил 6 классов. В 1933 переехал в г. Электросталь Моск. обл. Работал на з-де. В Кр. Армии с 1937 по 1938 и с 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с ноября 1941. Понтонер 99-го отд. моториз. понтонно-мост. батальона (8-я понтонно-мост. бригада, 3-й Белорус. фронт) рядо-

вой П. с бойцами 30.6-1.7.44 при наведении понтонно-мостовой переправы через р. Березина близ г. Борисов (Минская обл.) под огнем собрал замыкающий мостовой паром, а затем построил мост для прохода боев. техники. Личным примером увлекал товарищей на быстрейшее выполнение боев. задания. 19.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 15.7.44 в 10 км сев. г. Гродно при наведении переправы через р. Неман одним на первых установил свой паром, чем содействовал своевременному пропуску 3-го кав. корпуса на лев. берег реки. Во время враж. возд. налета переправа была повреждена, и П., рискуя жизнью, восстановил 4 полупонтон. 29.6.45 нагр. орд. Славы 1 ст. 18.02.45 П. в составе того же батальона (21-я моториз. инж. бригада, 5-я гв. танк. армия, 2-й Белорус. фронт) при строительстве моста через р. Пассарге (ныне р. Паслёнка) в р-не нас. пункта Петгелькау (9 км юж. г. Бранево, Польша) был ранен, но продолжал выполнять боевую задачу. 31.3.45 нагр. орд. Славы 2 ст.

В 1945 демобилизован. Вернулся в г. Электросталь Москов. обл. С 1959 жил в г. Пенза. В 1962 окончил энергетический техникум. Работал на приборостроит. з-де. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Скончался в августе 2004.

Лит.: Батуркин П.А., Зарубин В.Ф. Кавалеры славы ратной. Рязань, 1987. С. 92-95; Лобода П.Ф. Солдатская слава. М., 1963. Кн. 1. С. 201.

«Достоин награждения орденом...»

Это письмо, написанное 26 февраля 1975 года, Н.И. Пивоваров прислал в областной краеведческий музей по просьбе его сотрудников. «Уважаемые товарищи земляки, пензяки! — писал Николай Иванович. — Письмо я Ваше получил, на которое даю небольшой ответ. Для знакомства». Он рассказывал, что родился в апреле 1921 года в селе Нагорная

Лака, сейчас Вадинского района. Когда ему было четыре года, родители переехали в Ростов-на-Дону, где отец стал работать на паровозоремонтном заводе имени В.И. Ленина (бывшие Владикавказские мастерские).

После смерти отца (его не стало в 1932 году) мать осталась с пятью детьми, и Николай вынужден был оставить школу, устроиться слесарем на завод. 14 ноября 1940 года его призвали в Красную Армию и направили в город Нарофоминск в 27-й танковый полк 14-й мотомеханизированной дивизии. В ее составе красноармеец Н.И. Пивоваров был направлен в город Витебск, стоящий на реке Западная Двина. Служил он в то время оружейным мастером, пришлось и снабжать боевые машины боеприпасами.

11 июля 1941 года наши войска оставили Витебск, участвовали в приграничных боях. В октябре Н.И. Пивоваров оказался в Казани, где работали курсы по подготовке кадров для иностранных машин, поступивших в СССР по поставкам от союзников. В 1942 году он на танке «Матильда» был направлен под Харьков, где в мае иностранная машина вышла из строя и пришлось доставлять ее до города Горького (сейчас Нижний Новгород). Там Николай Иванович был зачислен в 49-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк, назначен командиром орудия на танке, названном в честь премьер-министра Великобритании — «Черчилль».

По «дороге жизни» (так во время войны называли единственную транспортную магистраль через Ладожское озеро, которая с сентября 1941 по март 1943 года связывала Ленинград со страной) танковый полк был переброшен в осажденный город.

Это письмо Н.И. Пивоварова землякам, а также копии наградных листов сохранились в фондах Государственного объединенного краеведческого музея. Видимо, они были получены из Москвы при содействии председателя областного совета ветеранов войны Т.П. Кадышева, который использовал их для публикации в «Пензенской правде».

«Дни и ночи командир орудия Пивоваров находился в танке, — писал он в номере от 20 февраля 1976 года. — Полк часто перебрасывался на более важные направления, и на каждом участке, какое бы задание наш земляк ни получал, проявлял мужество и отвагу». «Однажды танк находился в засаде, — рассказывал Тихон Прокопьевич. — От командира орудия Пи-

воварова требовалась исключительная зоркость и быстрота по наведению орудия на цель. Надо было поразить ее меньшим количеством снарядов. Вот на горизонте показался тягач противника с двумя зенитными пушками. С первого выстрела Пивоварова машина загорелась и остановилась, со второго перевернулись пушки, стали рваться снаряды. Часть солдат из расчета уничтожена, остальные разбежались. В той же засаде Николай Иванович уничтожил еще две вражеские автомашины с живой силой».

Находясь на Ленинградском фронте, гвардии старшина Н.И. Пивоваров участвовал в наступлении в районе Пулковских высот, в окончательном снятии блокады великого города на Неве. Весь экипаж танка был награжден медалями «За оборону Ленинграда».

21 января 1944 года командир 49-го отдельного гвардейского тяжелого танкового полка написал представление к ордену Славы третьей степени. «Тов. Пивоваров, — говорилось в нем, — в бою за сильно укрепленный район противника с. Константиновка 18 января с/г уничтожил из орудия 4 пулеметных дзота и одно орудие противника. 19 января в бою за с. и жд. ст. Горелое уничтожил 2 миномета и 2 пулеметных гнезда противника. В бою за д. Константиновка и Горелое уничтожил до 30 человек немцев». Отметив, что Н.И. Пивоваров — «волевой, решительный и смелый командир орудия», командир полка делал вывод: «За мужество и решительность, проявленные в бою с немецкими захватчиками достоин правительственной награды — ордена Славы III степени».

В 1944 году, получив свои отечественные танки ИС-2 («Иосиф Сталин»), полк, в котором служил Н.И. Пивоваров, был переброшен на Яско-Кишиневское направление и в составе Шестой танковой армии с боями прошел по территории Румынии, Венгрии и Чехословакии. Здесь приказом от 31 августа 1944 года командир 49-го гвардейского тяжелого танкового Красносельского Краснознаменного полка подполковник Краснов, представляя бойца к награде, писал: «28 августа 1944 года, находясь в засаде, из танка прямой наводкой с первого выстрела уничтожил тягач противника с зенитной пушкой и прислугой. Кроме того огнем уничтожил две автомашины с солдатами, поспешно эвакуировавшиеся из г. Бузэу (Румыния)». После изложения личного боевого подвига делался вывод: «За умелое использование своего оружия в бою, за стойкость и мужество достоин награждения орденом «Красная Звезда». В приказе от 30 сентября командующий армией, генерал-полковник А.Г. Кравченко, позднее дважды Герой Советского Союза, наградил гвардии старшину орденом Славы II степени.

23 декабря 1944 года командир 49-го полка, уже подполковник Середа, отправил еще одно представление в штаб дивизии. «5 декабря 1944 года, — сообщал он, — при прорыве обороны противника севернее г. Хатван (Венгрия) действовал смело и решительно. Танк, в экипаже которого действовал Пивоваров, находился все время впереди остальных танков, уничтожая танки, СУ (самоходные установки. — О.С.) и орудия противника, мешающие продвижению наших частей. В районе Херед огнем из пушки прямой наводкой уничтожил три орудия противника. Заметив вражеского корректировщика, находящегося на заводской трубе, Пивоваров первым выстрелом сбил трубу, после чего огонь по нашим танкам прекратился».

«В ночь на 6 декабря, — продолжал командир полка, — танк первым ворвался в населенный пункт Ерте Тарга, где Пивоваров огнем из пушки разбил два зенитных орудия, ведших огонь по танкам, подавил огонь 6 орудий, из них двух крупнокалиберных. Танк гусеницами раздавил более 10 автомашин с имуществом, 7 повозок, 4 миномета, причем Пивоваров огнем уничтожил более 30 немецких солдат и офицеров.

11 декабря при взятии опорного пункта Гонт на реке Ипень и бое за город Шахи, — говорилось в представлении, — Пивоваров уничтожил 2 орудия противника, 1 танк и 10 гитлеровцев. За время боев на территории Румынии и Венгрии гвардии старшина Пивоваров прошел на своем танке боевой путь более 1600 километров. Был тяжело ранен, однако после излечения вновь возвратился в свой полк и продолжает беспощадно истреблять технику и живую силу противника». Вывод командира полка заканчивался словами: «...достоин награждения орденом Славы I степени».

Н.И. Пивоваров был демобилизован из армии в 1946 году и, по его словам, «трудится, как и все» — слесарем в инструментальном цехе одного из заводов города Ростова-на-Дону. Николай Иванович извинялся, что его письмо «пока что так коротко», но второго в музей не последовало.

В Ростове-на-Дону вышло несколько книг, где публиковались материалы о Н.И. Пивоварове, но о том, что его родина — пензенское село Нагорная Лака ничего не говорилось. В городе на Суре узнали об этом лишь из письма героя, адресованного музею.

ПИВОВАРОВ Николай Иванович, род. 4.4.1921 в с. Нагорная Лака ныне Вадинского р-на Пензен. обл. в семье рабочего. В 1925 переехал в г. Ростов-на-Дону. Русский. Окончил 7 классов. Трудился слесарем на з-де. В Кр. Армии с ноября 1940.

В боях Вел. Отеч. войны с июня 1941. Ком-р орудия танка 49-го отд. гв. тяжелого танк. полка (42-я армия, Ленингр. фронт) гв. старшина П. с экипажем 18-19.01.44 в боях за ж.-д. ст. Горелово (Красносельский горсовет Ленингр. обл.) подавил орудие, 2 миномета и 6 пулеметов, истребил более отделения гитлеровцев. 10.02.44 нагр. орд. Славы 3 ст. П. в составе того же полка (6-я танк. армия, 2-й Укр. фронт) с экипажем 28.8.44, действуя в засаде в р-не г. Бузэу (Румыния), прямой наводкой уничтожил враж. тягач с зен. пушкой и прислугой, 2 автомашины с пехотой. 30.9.44 нагр. орд. Славы 2 ст. П. в составе экипажа танка 5-6.12.44 сев. г. Хатван (Венгрия) уничтожил более 10 огн. точек неприятеля, поразил неск. автомашин с военным имуществом, 7 повозок, истребил большое кол-во живой силы пр-ка. 13.12.44 в бою за г. Шаги (Чехословакия) огнем из орудия вывел из строя враж. танк и 2 орудия. 28.4.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1946 демобилизован. Вернулся в г. Ростов-на-Дону. Работал слесарем-инструментальщиком на з-де «Алмаз». Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, медалями.

Лит.: Они прославили Родину. Ростов-на-Дону, 1975. Кн. 3. С. 128-131; Кавалеры ордена Славы. Л., 1971. С. 253-262; Слава тебе, солдат. Ростов-на-Дону, 1967. С. 146-150.

Один из первых

Их было трое, первых в стране полных кавалеров солдатского ордена Славы,— командир отделения 188-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант Н. А. Залетов, разведчик 110-й отдельной разведывательной роты старший сержант К. К. Шевченко и сапер 1134-го стрелкового полка ефрейтор М. Т. Питенин.

Митрофан Трофимович родился 23 мая 1900 года в селе Алеево, ныне Неверкинского района, в семье крестьянина. Когда в сорок первом он пришел с пополнением в действующую армию, его назначили вторым номером станкового пулемета. Это были грозные и суровые дни: враг рвался к Москве. Уже в первом бою Питенин был ранен, но не покинул поле боя до тех пор, пока атака противника не была отбита.

После госпиталя Питенин попал на курсы саперов. Классных занятий почти не было. Нужно было поспевать за войсками, перешедшими в контрнаступление. Саперы строили командно-наблюдательные пункты, блиндажи, рыли окопы, ставили различные заграждения, мины. Командир взвода лейтенант Тимашев прикрепил к Питенину опытных наставников — саперов Каширина и Репникова, которые помогали ему познать все премудрости саперной тактики и техники. Каширин не раз брал его с собой в рейд по разминированию минных полей, стараясь передать новичку накопленный опыт.

И вот пришло время, когда Питенина назначили главным в группе, которая должна была подготовить два прохода через минные поля и проволочные заграждения. Задание — в случае неудачи вести разведку боем...

В полночь саперы покинули окоп и поползли в сторону вражеских позиций. У каждого — ножницы для «колючки», миноскатели, бикфордов шнур, автомат, гранаты. Вдруг в небо взмыла вражеская ракета. Одна, другая, третья... Ночь прошли очереди трассирующих пуль. Справа ударил миномет. Саперы укрылись в первой попавшейся воронке, стали ждать, пока фашисты успокоятся. Ждать, не отвечая выстрелом на выстрел,— такова доля сапера.

Стрельба наконец стихла. Поползли дальше. Вскоре обнаружили минное поле. Определив систему расположения мин, приступили к их обезвреживанию. Два автоматчика прикрывали саперов, пока те выковыривали из-под снега тяжелые железные коробки, резали метр за метром колючую проволоку, проделывая проходы для наших бойцов.

Но вот с вражеской стороны ударил пулемет. Ухнули несколько раз пушки, затрещали автоматы, а затем над полем снова повисли ракеты.

Саперы продолжали работать под огнем противника. Снята последняя мина, можно отходить к своим. В этот момент Питенина ранило. Товарищи оказали ему первую помощь. А на исходных рубежах уже находилась наша пехота.

— Вперед, ребята! — поднял Питенин бойцов в атаку и, как хозяин проделанных ворот, стал пропускать через них атакующих...

За проявленные мужество и бесстрашие при выполнении боевого задания Митрофану Трофимовичу вручили орден Славы III степени.

Трудными и опасными были фронтовые дороги для сапера Питенина. Под бомбежкой, артиллерийским и пулеметным огнем наводили бойцы переправы через реки и каналы, прокладывали гати через болота. И все в предельно сжатые сроки: окончания их работ ждали танкисты, пехотинцы, артиллеристы.

...Ночь, Ярко светит луна. На снегу отчетливо видна каждая веточка.

— Пролезем, Потемкин? — обращается Питенин к своему напарнику и сам же отвечает: — Конечно, пролезем, на то мы и саперы.

Скрытно, чтобы не обнаружить себя, подползли они к вражеской «колючке». Немецкие заграждения находились всего в 50 метрах от их траншей. Ночь тихая, слышно, как кашляют простуженные немцы. Питенин пустился на хитрость: чтобы не звенела проволока, он попросил Потемкина держать ее руками, а сам резал ножницами. Кусок за куском, пока не образовался нужный проход.

Подвиг Питенина командование 5-й армии Западного фронта отметило орденом Славы II степени.

Не одну тысячу мин обезвредил Питенин на дорогах наступления наших войск. Бойцы всегда знали: там, где прошел Питенин, мин нет, путь на запад свободен. Однажды на Варшавском шоссе он спас от взрыва наш обоз с боеприпасами. В последний момент Питенин обнаружил, что на перекрестке дорог заложены вражеские мины. Обезвредив десяток противотанковых мин, устало улыбнулся:

— Извините, братцы, за задержку Теперь можно ехать до самого Берлина.

Он ласково потрепал за холку буланого коня и сел на повозку.

Митрофан Трофимович достал из вещевого мешка тетрадку и стал на ходу писать письмо домой. Были в том письме такие строчки, обращенные к сыну: «Твой отец стал кавалером двух орденов Славы. Я добьюсь и третьего ордена, стану полным кавалером, чтобы ты, Федя, гордился нашей фамилией и чтобы всему нашему селу мы, Питенины, служили примером».

Свое обещание он сдержал. За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество М.Т. Питенин был награжден орденом Славы I степени. Сын не дождался отца с фронта: вражеская пуля оборвала жизнь отважного воина в июне сорок четвертого года. Но память о нем живет в сердцах благодарных потомков. На его родине воздвигнут обелиск в честь павших на фронтах Великой Отечественной войны односельчан. В районном центре Чучково Рязанской области, где до войны какое-то время работал Митрофан Трофимович, установлена стела, на которой высечены имена Героев Советского Союза и полного кавалера ордена Славы М.Т. Питенина. В московской школе № 283 создан музей боевой славы 338-й стрелковой дивизии, в которой служил наш земляк.

Могила М.Т. Питенина находится на воинском кладбище у деревни Старь Добромысленского сельсовета Лиозненского района Витебской области.

ПИТЕНИН Митрофан Трофимович, род. 23.5.1900 в с. Алеево ныне Неверкинского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Образование начальное. Работал в колхозе. В Кр. Армии с мая 1941.

В действ. армии с июня 1941. Сапер 1134-го стр. полка (338-я стр. див., 31-я армия, Зап. фронт) ефрейтор П. в ночь на 14.11.43 в р-не д. Пуцаны (Дубровинский р-н Витеб. обл.) вместе с другими саперами проделал проход в проволоч. заграждениях пр-ка и обезвредил свыше 100 противопех. и противотанк. мин. Провел стр. подразделения в расположение врага. Во время схватки с неприятелем уничтожил около 10 гитлеровцев. 28.11.43 нагр. орд. Славы 3 ст. П. в составе того же полка, див. (5-я армия, Запад. фронт) в ночь на 6.02.44 во главе группы саперов проник в расположение врага около д. Рублёво (Лиозненский р-н Витеб. обл.) и, сняв неск. рядов колючей проволоки, разминировал подходы к траншеям. Прикрывал отход саперов и уничтожил при этом 5 солдат. 18.4.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 23.6.44 (3-й Белорус. фронт) возглавил группу саперов, к-рые юго-зап. г. Витебск участвовали в разминировании укрепленной полосы пр-ка. Во время схватки с враж. диверсионным отрядом огнем из трофейного пулемета уничтожил свыше 10 враж. солдат и офицеров. В бою 3.8.44 был смертельно ранен. 22.7.44 нагр. орд. Славы 1 ст.

Лит.: Батуркин П.А., Зарубин В.Ф. Кавалеры славы ратной. Рязань, 1987. С. 103-106.

В день двадцатилетия Победы они собрались в областном центре. Приехали сюда из своих сел и деревень, угловатые, загорелые, не привыкшие к особым почестям. Их знакомили с городом, фабриками, заводами и школами Пензы. Привезли и в местную воинскую часть. Молодые солдаты, волнуясь, проходили, чеканя шаг, держа равнение, отдавая честь тем, кто воевал. Пригласили их к себе и журналисты. Герои войны сидели за длинным редакционным столом, вспоминали войну, говорили буднично — просто и неторопливо, словно бы, вот они рядом — бои, окопы и воронки, пулеметный и автоматный огонь.

Михаил Васильевич Скобелев, майор из облвоенкомата, позднее полковник, знал всех, кого пригласили, и лично, и по наградным листам. С хитринкой в голосе он обратился к одному из кавалеров.

— Николай Николаевич, а вот объясни нам, почему ты до последнего дня скрывался. Ведь только шестого мая, три дня назад, узнали мы, что ты — полный кавалер ордена Славы...

Поднялся из-за стола невысокого роста человек в сером пиджаке, с загорелым дотемна лицом. Словно бы растерян:

— А что больно хвастать-то. Воевал. Как все...

— Ордена почему не носил?

— Что же их лишний раз надевать. Еще скажут — хвалится. Пришел домой, снял их с гимнастерки, жена в узелок завязала да в сундук на самое дно и положила...

Так я впервые познакомился с Николаем Николаевичем Рязанцевым. Поговорить с ним тогда не удалось — «рабочий» день ветеранов минувшей войны был заполнен до отказа, распределен буквально по минутам — после редакции их ждали уже в какой-то школе. А потом — вузовская аудитория.

Договорились о встрече, но оттянулась она почти на два года. Лишь в один из метельных февральских дней давно невиданной даже старожилами зимы удалось съездить в Старый Шуструй — село, где жил Рязанцев.

— В Шуструй? Немного неудачно, — с этого начался у нас разговор с Н.Я. Батовым, первым секретарем Нижнеломовского райкома партии, — снегом все перемело. Пораньше или попозже надо было приезжать...

Николай Яковлевич походил к кабинету:

— Рязанцева хорошо знаю. Скромняга. Столько лет никто не знал, что у нас в районе герой живет — полный кавалер! Да их на страну посчитать!

Снова помолчал секретарь, потом сказал твердо:

— Поедешь к Николаю Николаевичу...

На машине добросили меня до Верхнего Ломова. А оттуда в Шуструй ехала проводить предвыборное собрание избирателей секретарь колхозного партбюро.

— Николай Николаевич обязательно будет в клубе, — заверила она. — Да и куда он может выехать в такую снегопад.

Снегу, действительно, напало много. На равнине это не было особенно заметно; ровным слоем расстилась снежная гладь. Лошадь проваливалась, розвальни попадали одним полозом в колею, клонились набок, и приходилось ехать с наклоном в сорок пять градусов. Петр Михайлович, артельный конюх, выравнивал сани — тогда розвальни попадали полозом в противоположную колею — всем сидящим приходилось менять точку опоры.

Петр Михайлович — старожил этих мест. Здесь жили и отец его, и дед, и прадед. Поэтому и знал всех в округе.

— Колю Рязанцева? — переспрашивал он, уминая темным негнушима пальцем табачную крошку в самокрутку. — Как же его не знать! Коренной, шуструйский. Земельный мужик! К земле привержен...

Дорога бежала лесом, мимо причудливо заснеженных елок и сосен. Снег чистый-чистый, такого не встретишь в городе. Любой следок будет отмечен на его белизне.

Но вот и Старый Шуструй.

В клуб собирался народ. За столом, у окна, перелистывая журнал, сидел пожилой человек. Правый рукав его стеганой телогрейки был аккуратно заправлен в карман. У печки, прислонив к ней костыли, сидел еще один бывший солдат — потерял на прошлой войне ногу. Прошел, тоже в стеганке, незнакомый мне человек — опять нет руки. Да, не обошла война и это село, оставила свою горькую, меченную кровью и железом память.

Николай Николаевич был здесь, перелистывал какой-то сельскохозяйственный журнал. Он насколько не изменился после той, накоротке, встречи в редакции. То же прокаленное зимними ветрами и метелями лицо, открытые, с загашенной хитринкой глаза.

Провели предвыборное собрание, единогласно поддержали кандидата в Верховный Совет Республики, выдвинутого в Нижнем Ломове. Знали его хорошо и в этом селе.

Изда Николая Николаевича, прочно, накрепко срубленная, закрыта от дороги сугробами — вторая на порядке. Ей доставалась вся сила ветров и метелей.

— Здесь я и родился, — задумчиво говорил Николай Николаевич. — Мать Аксинья Федоровна семью кормила, отец — Николай Дмитриевич Рязанцев — знаменитый на всю округу плотник был...

С теплотой вспоминал он о своем отце, срубившем о соседних деревнях — Старом и Новом Шуструях, Кувшиновке не одну светлую и просторную избу, умевшем украсить их окна, ворота и двери резной витиеватой резьбой. Да разве не этим и славилась родная земля!

Родная земля! Сколько вмещают в себе эти короткие слова! В них и звон тугих апрельских ветров, и осторожный шорох поэмки, разрисованные морозными узорами окна, и туман, что летними вечерами тянется от

Черной дачи (так почему-то называли соседний с Шустройем лес). А главное — это поля. Раскинулись они вокруг села, обжитые, искоженные. Вон Зинкино поле, а рядом с ним Извоз, Амплева, Левушкина поляна...

Разве объяснишь, сколько в каждом из этих слов близкого и дорогого, почему звучат они как песня, как стихи? Видно, потому, что всё вокруг: небо, поле, сосны, избы, курящиеся дымками, — всё это и есть родная земля.

Было Николаю одиннадцать лет, шла пятая весна революции, когда отец сказал — неторопливо, взвешивая каждое слово, не особенно обучен был говорить:

— Пахать надо. Учиться после будешь.

Пахали землю Николай Рязанцев и его сестра Анна, шли по полю за лошастью, налегая на деревянную соху. Тяжело давался хлеб, нелегко начиналась хлеборобская судьба.

Рос Николай, тянулся вверх, наливался силой, как пшеничный колос. Глаза синие, волосы цветом в рожь. Однажды отец пришел с работы, необычно взволнованный. Присел, положив на колени тяжелые набрякшие руки.

— В колхоз вступил. «Память Ленина» артель назвали.

Было их семейство одним из первых, что вступило в новое хозяйство. И здесь Николай сеял, теперь уже сеялкой, а когда появились первые трактора, освоил их. Несколько десятилетий выращивал на шустройских полях хлеба, перерыв был только во время войн. Брал Николай Рязанцев в руки оружие и уходил на фронты, чтобы, победив, снова вернуться к родным оставленным полям...

На финскую Николай Николаевич ушел прямо из верхнеломовских мастерских, где их трактора стояли на ремонте. Поезд напрямик без остановок и задержек пошел на петрозаводское направление.

С месяц побыли в боях, а тут и конец войне. Недолгой была она — только морозной. Не думал тогда Николай Николаевич, что это лишь пролог к суровым и кровавым битвам, что меньше чем через год придется ему снова надеть солдатскую шинель. Надеть надолго — на четыре с лишним года.

В Белоруссии, где после финской встала лагерем их часть, встретился с Андреем Ивановичем Зубковым — односельчанином, вернулись домой вместе.

Вечером, когда я был у Николая Николаевича, на огонек к нему зашел бывший фронтовой товарищ. Я видел его в клубе. Он сидел на лавке, расстегнув брезентовый, гремящий плащ. Из-под ушанки остро поблескивали синие льдинки беспокойных глаз. Действительно льдинки, и точно, синие.

Как позднее я узнал, Андрей Иванович тоже воевал — в расчете «Катюш», проходил через Ладожское озеро в блокированный Ленинград, был под Воронежем, на Южном и Западном фронтах. Закончил бои за Одером — под Берлином.

Зайдя в избу к Рязанцеву, он не снял даже своего гремящего плаща, поздоровавшись, выпил предложенный с холоду граненый стакан водки, закусил огурцом.

— Андрей Иванович у нас — молодец, — сказал Рязанцев, — десять сыновей у него — один к одному.

— Точно десять, — подтвердил Зубков. — Это кроме дочки Тани — она в школе учится. Читайте: Михаил в Ленинграде плотником работает. Не думайте, что вторая столица. Мастера по дереву и там нужны...

И он стал перечислять, загибая для верного счета пальцы. Николай тоже в Ленинграде, в технологическом институте учится и одновременно работает по наладке станков. Владимир — тот в Пензе, слесарь на дизельном. Алексей — в плановом отделе завода ВЭМ. Андрей — в армии. Юрий и Виктор — двойняшки — один мастер по газу в Пензе, другой — слесарь в Оренбургской области. Анатолий закончил в Пензе училище, сейчас слесарь. А Генка и Сашка пока с отцом — учатся...

Воевал их отец. А вернулся домой — стал заведующим током. Но это ненадолго. Больше фуражиром работал Андрей Иванович Зубков.

...Лишь когда гости ушли, мы с Николаем Николаевичем смогли продолжить беседу. Взгляд моего собеседника сосредоточен, задумчив.

— После финской вместе с Андреем Ивановичем угодили мы в Бугуруслан — до десятого мая находились там. Получаю как-то письмо из дома, — голос Рязнцева изменился, какая-то теплая душевная нота появилась в нем. — Написали мне, что пашут дома. И женщины пашут. Да разве женское это дело! Не могу я такого сдержать! Землю обрабатывать испокон веков мужским занятием было.

Вернулся солдат домой только в конце мая, когда все уже посадили и посеяли — тянулись ввысь первые ранние, зеленые всходы. Глаз радовали, да только вот не твоими руками всё это делалось.

И снова война. Снова они ехали к месту формирования воинских частей. Попали в один взвод с Иваном Кудрявцевым. Рядом были и на финской. Большую семью оставил Иван, уходя в бой.

Первые схватки под Рогачевом, первые отступления и атаки. Здесь Рязанцев был ранен. Отправили в тыл. На берегу Березины, знаменитой русской реки, повстречал земляка. Василий Иванович Оводов (из Верхнего Ломова) постоял у носилок, ободрил:

— Живой будешь. Прощай!

Рязнцева отправили в тыл, а тем, кто остался, трудно пришлось. Часть понесла большие потери. Некоторые тяжелораненые, обессиленные воины попали в плен. Среди них был и Оводов. Круто распорядилась с ним судьба. Не мог он отсиживаться за колючей проволокой, когда шла война, бежал из лагеря. Добрался до партизан. Там в отряде и воевал до конца войны. Когда увиделись с Рязнцевым, уже в Нижнем Ломове, сказал обрадованно:

— Ведь я говорил, живой будешь...

А тогда тяжелым было ранение у солдата, слепое — в бедро. Рязанцев в госпиталях несколько месяцев лечился — и в Железноводске, и в Свердловской области. Первое мая встретил в Пензе. Правда, домой попасть не удалось, но подышал все-таки воздухом родной пензенщины. Тяжело опираясь на костыль, «брал приступом» горку от госпиталя до парка. Вглядываясь вдаль, он мысленно рисовал за каемкой горизонта убегающие вдаль поля, прорезанные зеленью озимых, панораму его деревни, его Шуструя.

Снова в бою Рязанцев попал уже в середине июня, под Воронежем. Рожь тогда цвела. Сколько бы ни воевал солдат, сколько бы дорог ни проходил, не гасла в его душе любовь к земле, везде и всюду оставался он хлеборобом. Понимал сердцем, что не вечно это — сырые холодные окопы, простреленная и прожженная у костров шинель, морозная, вороненая сталь винтовки. Знал, что придут иные времена — снова сядет он за штурвал комбайна, возьмет в истосковавшиеся руки руль трактора, пройдет теплым июльским полем, раздвигая ладонями тяжелые литые колосья. Тосковал хлебороб, особенно вот в такие дни, когда рожь цвела.

Во многих боях участвовала минометная батарея, разведчиком-корректировщиком которой был Николай Рязанцев. На Курском выступе тяжело пришлось. Думал, и живым не выбраться со своими ребятами. Гитлеровцы буквально завалили снарядами, били из всех орудий. Обычно в таких случаях говорят, что земля горела. Да, она горела, плавилась, но и давала укрытие. Окопались, переждали, а потом ответили таким огнем, что ошалевшие гитлеровцы замолчали.

Здесь, в бою под Сумами, Рязанцев получил первую свою награду — медаль «За отвагу». Вышло так, что внезапно (не подвезли боеприпасы) замолчали стодвадцатимиллиметровые минометы. Черными цепями фашисты поползли на наши позиции. Сержант видел это. Он корректировал огонь, связь была отличной. И вот тишина. Долгая, упорная.

А цепи шли и шли. И тогда ползком, перебежками, задыхаясь, падая, вставая во весь рост, Рязанцев добрался до станкового пулемета, брошенного фашистами. Во вражеской технике немного разбирался. Повернул пулемет, зарядил. Заклинило ленту, выбил перекос. Прошли какие-то секунды, и вот заговорило в умелых руках русского солдата чужое оружие. Дрогнули цепи, покатались назад. А тут подмога, вступила в бой и наша артиллерия.

Тогда же, в сентябре сорок третьего, получил разведчик и первую свою солдатскую звезду.

...Николай Николаевич достал из стола небольшой листок твердой бумаги.

— Весь мой боевой путь здесь. Иногда перечитываю...

«Сержанту Рязанцеву Николаю Николаевичу.

За отличные боевые действия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками приказами Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза тов. Сталина всему личному составу нашего соединения, в том числе и вам, объявлены благодарности:

2 сентября 1943 г. за освобождение г. Сумы.

19 сентября 1943 г. за освобождение г. Ромны.

6 ноября 1943 г. за освобождение г. Киева.

5 августа 1944 г. за освобождение г. Дрогобыча.

18 октября 1944 г. за преодоление Карпатского хребта».

Карпатские хребты... По крутым, извилистым и каменистым тропам взбирался на высоченные вершины сержант Рязанцев, чтобы обнаружить цель и передать ее координаты товарищам.

Трудно давался каждый перевал — две тысячи метров над уровнем моря. Лошади плохо тянули на вершину, самим солдатам приходилось помогать четвероногим друзьям, тянуть орудия, подтаскивать снаряды.

Чахлым кустарником и мелколесьем далеко от своих пробирался к вражеским позициям корректировщик. По радиации связывался с командованием, и летели в сторону врага наши снаряды. Летели точно — в цель.

Фашисты засекали станцию, вели по ней огонь. Приходилось быть очень осторожным, менять места.

Шла осень. Деревья тронула легкая позолота. Начали осыпаться, устилая склоны гор, листья, шуршали под ногами. «Совсем как в нашем Казенном лесу, — думал Рязанцев. — Осень везде одинакова».

С высоты хорошо виднелись расстилавшаяся внизу равнина, острые отроги Альп и город Моравска-Острава. Это была уже Чехословакия, хотя и не первый чешский город освобождала часть, где служил Рязанцев. В январе сорок пятого они брали Кошице, Прешов.

Здесь, на Карпатах, Николай Николаевич вспомнил, как под Киевом на соседних позициях, сражался один из чехословацких полков генерала Людвика Свободы. Молодые были ребята, веселые, с шутками да улыбкой ходили в атаку. «На Прагу идем!» — говорили они тогда, хотя до Праги ой как далеко было! Вместе форсировали Днепр, брали город Корсунь-Шевченковский. Сержант Рязанцев был награжден тогда орденом Славы второй степени.

После Моравска-Остравы перед солдатом лежала уже Прага. Ему, а не тем чехам-ребятам пришлось первым вступить в нее. Хотя, может, и они дрались где-то поблизости.

Там, в столице братской страны, и встретил сержант день Победы. Уже капитулировала Германия, гитлеровцы целыми батальонами и полками сдавались в плен, а какая-то часть под Прагой всё не складывала оружия. И еще некоторое время после девятого мая для сержанта Рязанцева не прекращались бои.

Тепло провожали солдата из полка. Начальник штаба крепко обнял его, пожелал мирной работы. А когда остались вдвоем, сказал:

— Скажу по секрету, представили мы тебя к ордену за Карпаты. Да что-то заблудился наградной. Думали к сегодняшнему дню, а не вышло.

— Получу еще. Главное, война кончилась. Домой надо ехать.

Лишь через три года нашла награда героя. В сорок восьмом вызвали сержанта запаса в Нижнеломовский военкомат и вручили орден Славы первой степени.

На фронте — в землянках и окопах, на русской и чешской земле Николай не раз, словно бы наяву, видел, как снова выходит он поутру в поле, как клонятся под тяжелой литой росой ржаные колосья, как ветер пригибает крутую веселую гриву овса. Вернулся домой, зашел в правление. Председатель, тоже фронтовик, поздравил с приездом, закурил:

— Ну, где, Миколя, работать думаешь?

— Как где? Здесь.

— Надолго ли? — В словах председателя слышалась усталость. Темнела она и в припухших, видно, от бессонницы, глазах.

Сидел сержант, не чувствуя, что самокрутка обжигает пальцы. Потом ответил. Коротко, как в армии. Для него этот вопрос был решен давно:

— Навсегда.

Снова вернулся Николай Рязанцев к своим полям. Сначала был простым трактористом, потом лет пять бригадиром. Не сразу отпустил с этой должности новый председатель Георгий Алексеевич Самышкин. Отговаривал, убеждал, дескать, фронтовик, старый солдат...

— Да потому и прошусь, что старый солдат, — с горечью ответил ему тогда Николай Николаевич. — Разве стал бы я от работы уходить. Никогда не боялся ее.

Никому не говорил дома сержант, как на Карпатах ударила невдалеке от него вражеская мина, как упал он навзничь, прикрывая руками рацию, не раз выручавшую во время корректировки, как поднимался с кровавым туманом в глазах. С тех пор иногда и бывало — как пеленой все вокруг покроется. Потому и передал свои бригадирские дела более молодому.

Они встречались ежедневно. Жили оба в Старом Шуструе, а ходили в Новый, за полтора километра — там вся техника сконцентрирована. Метель ли, ветер овраг перетянул, немного полем прошел, а там и село рядом. Сколько раз торился этот путь!

Добрые, сердечные и трудолюбивые люди работали рядом с Николаем Николаевичем. Роднило их одно большое чувство — любовь к земле, той самой земле, на которой стояли дома их дедов и отцов, на которой сами они привыкли работать, растить детей...

Мы говорили с Николаем Николаевичем о делах колхоза «Родина», сетовали, что молодежь вот не остается в селе, свет никак не проведут в Новый и Старый Шуструй, до сих пор горит керосиновая лампа. Нет, Рязанцев не жаловался на жизнь. Предлагали ему, и не раз, уехать отсюда. Можно было податься в Нижний Ломов — такого специалиста, как он, в РТС с руками оторвали бы. Приглашали и совсем уехать из этих краев.

— Да разве могу я от своей земли уйти, — медленно, словно бы отвечая своим думам, самому себе, говорил Рязанцев. — Ведь всё здесь твое, родное... Не пойму я иных молодых...

А в разговоре о мирных делах он нет-нет да и опять вспоминал войну. Непрошенная, горькая, она входила в беседу.

Говорили о шустройцах-фронтовиках. Вспоминали Ивана Антоновича Мисюряева, заведующего клубом. Это он сидел в клубе у окна, перелистывая единственной левой рукой страницы какого-то журнала. Отважный был разведчик — ордена Ленина и Красного Знамени имел.

Егор Иванович Котельников всю войну прошел сапером. А вот Федору Ефимовичу Кубасову не повезло. Тяжелораненым попал в плен, прошел через фашистские концлагеря. Не сгибался солдат, но, видно, ох, какими горькими были те годы, на весь век отпечаток оставили.

Николай Николаевич знал, что такое фашистский лагерь смерти. Нет, он не был его узником. В сорок пятом их, группу советских солдат, привезли в Освенцим посмотреть своими глазами, что делали там так называемые представители нового порядка.

Лагерь был пуст. Два дня прошло, как увезли из него в госпиталь последнюю группу заключенных. У входа встретили врач и Галя — комсомолка из Киева. Оба — живые скелеты, чудом выжившие в этом аду, но не пожелавшие сразу уехать домой. Они решили остаться здесь, на месте своей каторги, и рассказывать тем, кто будет приходить, о том, что было.

Ходил Рязанцев вместе с бойцами по лагерю, видел человеческий пепел, который напал из неостывших еще печей. Шел мимо груд одежды, обуви, мимо рвов, заполненных человеческими телами. Нагнулся над одним из них, сжимая в бессильной ярости кулаки, и полетела вниз с головы пилотка...

Вот почему, когда встречался Николай Николаевич с Кубасовым, здоровался, разговаривал, то с каким-то щемющим чувством смотрел в его лицо. Трудно приходилось солдату на фронте, но еще трудней, еще горше было, наверное, там — в неволе...

Часто вспоминал старый солдат и дружка своего Ивана Кудрявцева, вместе с которым отправлялся на финскую и Отечественную. Не вернулся тот домой. А уже и дети выросли. Мать-то не долго жила — умерла в сорок шестом, Рязанцев сам и гроб строгал ей. Остались четверо. Взял их в свою семью дядя Григорий Емельянович Кудрявцев, всех вывел в люди. Сам по-прежнему жил в Шустрове, старый уже, а как письмо от кого-нибудь из племянников получал — словно молодец, праздником для него это было.

Нередко вспоминал Рязанцев и боевых друзей, особенно комбата Виктора Григорьевича Миронова. Молоденький, с двадцать второго года рождения, а любил его, как отца. Заботливый был. После военного училища пришел в полк. Любил говорить: «Приходится туго — вызывай огонь на себя. Наши снаряды тебя не тронут».

Хотел комбат дойти до Германии (фашисты сестру у него в неметчину угнали) да не вышло. Ранило 1 августа 1944 на Днестре, недалеко от Станислава (сейчас это город Ивано-Франковск). Рязанцев сам отвез его в госпиталь. И встретились лишь в Будапеште в запасном полку — Виктор Миронов преподавал там военное дело, не захотел уйти в запас.

Помнил Николай Николаевич, что жил его друг на Набережной города Смоленска. Только написать вот никак не собрался...

С помощью смоленской областной газеты «Рабочий путь» удалось найти фронтового товарища Николая Николаевича. И вот его письмо. Он по-прежнему жил в древнем Смоленске, помнил всё:

«Воевали мы с вами в дважды Краснознаменной, Сумской-Киевской. В нашей батарее были старшина Карцев из Ленинградской области, младший лейтенант Ермаков, которого мы похоронили; Левин, Севрюков, Алевин, Сейфутдинов — где они, наши батарейцы?»

Когда меня ранило, принял командование батареёй капитан Юрий Сучков из Москвы. Где он сейчас?

Хорошо бы встретиться и поговорить о минувших годах. Да и о настоящем. Рассказать нам есть о чем...»

Сохранилась у Рязанцева фотография — маленькая, на немецкой трофейной бумаге отпечатанная. Стоят на ней около миномета четыре солдата. Справа Рязанцев с двумя орденами Славы и медалью «За отвагу»; рядом — усатый, из Сибири — фамилии его Николай Николаевич не запомнил — был из другого расчета. А с другого края — Филипп Касатонов — наводчик, тоже получил два ордена Славы. Родом из Курской области.

По просьбе Рязанцева я послал письмо — запрос в редакцию газеты «Курская правда». Там опубликовали его первого марта прошлого года, но письма от Филиппа Касатонина долго не было. Наконец, пришло — Филипп Ефимович жил в городе Щигры, работал в Госбанке.

Теплые, взволнованные письма пошли по маршруту Новый Шуструй — Щигры.

...Высокими глубокими снегами окружено родное село Николая Николаевича Рязанцева. Тишина стояла на его порядках. И как-то так получилось, что проговорили мы с ним почти до самого рассвета. Да и не до спанья особенно было: в доме ждали отела коровы, и каждый час хозяева приходили навещать ее. Хозяин всё посмеивался над женой — не перепутала ли она числа, но сам надевал шапку, зажигал «летучую мышь». Зорька поворачивала голову, косила большим лиловым глазом, вздыхала, словно бы извиняясь за то, что не дает спать ночью. А Николай Николаевич ласково хлопал её по теплому светло-коричневому боку и говорил одобряюще: «Ну-ну, ешь хорошенько! Скоро снова приду».

Село просыпалось с солнцем. Нет еще и пяти, а в окошках уже затеплились огоньки. В доме напротив (там жил Егор Иванович Сплюхин — сын первого председателя колхоза, сам в войну бывший председателем) запылало окно, заплыл на стенке огонь, затопили печку. Синий чистый снег лег в ночь на деревню. И тишина такая, что не услышишь в городе, до звона в ушах. Снежная тишина.

Уезжал я из Старого Шуструя рано. Бригадир к десяти утра вызвали на районный партийный актив, и надо было торопиться — дорога не летняя. Николай Николаевич вышел проводить. Стоял в снегу, смотрел в сторону Зинкина поля, и мне показалось, что видит он эту землю уже освобожденную от заносов, весеннюю, набухшую талой апрельской водой, полную яркой животворной силы. Той силы, что поднимала солдата в атаку, заставляла его вызывать огонь на себя, давала ему мужество при самых крутых поворотах жизни. Имя этой силы — любовь к Земле.

* * *

Больше побывать в Старом Шуструе мне не довелось, но, приезжая в Нижний Ломов, я всегда спрашивал в редакции районной газеты: «Как там живет Николай Николаевич?» А в один из приездов встретился с ним

в райцентре. «Простился я с Шуструем, — спокойно ответил он на мой вопрос: «Как жизнь?» — Нет больше моего родного села. В деревне осталось всего несколько домов, да и тех скоро не будет...»

Сказав, что ему дали квартиру в Нижнем Ломове, Н.Н. Рязанцев добавил: «Как перебрался сюда, со здоровьем совсем худо стало. А в больнице очереди, к врачу не враз попадешь...» Он просто-напросто стеснялся пользоваться своими льготами...

7 июля 1997 года его не стало. В некрологе, посвященном памяти Н.Н. Рязанцева, особо подчеркивалось, что Николая Николаевича «отличали не только мужество и героизм на полях сражений, но и большое трудолюбие, чуткость и душевная доброта в мирной жизни».

РЯЗАНЦЕВ Николай Николаевич, род. 24.3.1911 в с. Старый Шустрый ныне Нижнеломовского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил 3 класса. В Кр. Армии с сент. 1939. Участник сов.-финл. войны 1939-40.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июня 1941. Ком-р отделения батареи 120-мм минометов 465-го стр. полка (167-я стр. див., 1-я гв. армия, 4-й Укр. фронт) сержант Р. в период наступления полка 18.7-9.8.44 неоднократно находился под огнем на НП батареи, откуда умело корректировал огонь минометов. В боях за нас. пункт Глинне (14 км юго-зап. г. Ропенка, Польша) 18-19.7.44 по его целеуказаниям батарея накрыла до взвода гитлеровцев, подавила огонь 2 пулеметов. 5.8.44 в бою в р-не нас. пункта Конюшки Настацин (Польша) Р. находился в боев. порядках стр. роты. По его докладам миномет. огнем уничтожено 3 пулемета и до взвода враж. солдат. 18.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Заряжающий 120-мм миномета Р. в бою за нас. пункт Пшибышув (20 км юж. г. Буковско, Польша) в составе расчета 18.9.44 поддерживал огнем боев. действия стр. подразделений. Были подавлены 4 пулемет. точки пр-ка, пушка, истреблено св. взвода пехоты. В р-не нас. пункта Команча (Польша) 24.9.44 минометчики своим огнем обеспечили продвижение стр. батальону. 3.11.44 нагр. орд. Славы 2 ст. При наступлении на г. Моравска-Острава (Чехословакия) 29.4.45 ком-р расчета 120-мм миномета Р., следуя вместе с пехотой, метким огнем поразил 2 враж. пулемета, много солдат и офицеров, подавил миномет. батарею. При форсировании р. Одра в р-не ж.-д. моста у г. Ольза (Чехословакия) одним из первых переправил свой миномет на лев. берег, быстро занял огн. позицию и вывел из строя до 15 гитлеровцев и 3 огн. точки пр-ка. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 ст. сержант Р. демобилизован. Жил в г. Нижний Ломов Пензен. обл. Работал в колхозе «Родина». Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями.

Лит.: Солдатская слава. Свердловск, 1985. С. 160; Созвездия Славы. Свердловск, 1975. С. 267; И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 188-204.

Старшина батареи минометов

*Сергеев Михаил Афанасьевич
(1914-1945)*

СЕРГЕЕВ Михаил Афанасьевич, род.
в 1914 в Пензен. обл. в семье крестьянина.

Русский. Член КПСС с 1944. Образование начальное. С 1928 жил в с. Покровка Искитимского р-на Новосибир. обл. Работал в тресте столовых г. Новосибирск. В Кр. Армии с 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с окт. 1941. Разведчик-наблюдатель батареи 120-мм минометов 102-го гв. стр. полка (35-я гв. стр. див., 8-я гв. армия, 1-й Белорус. фронт) гв. ст. сержант С. во время прорыва обороны пр-ка близ нас. пункта Видуты (Турийский р-н Волын. обл.) 18.7.44 выявил неск. огн. точек, проник с разведчиками в расположение врага и захватил в плен 3 пехотинцев. 15.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Ком-р развед. отделения С. при форсировании р. Висла у нас. пункта Руда-Тарновска (5 км сев.-вост. г. Магнушев, Польша) вместе с пехотой переправился на противополож. берег и выявил 4 огн. точки пр-ка, к-рые были затем подавлены минометами батареи. 12.11.44 нагр. орд. Славы 2 ст. Старшина батареи 120-мм минометов гв. старшина С. в ходе боя за нас. пункт Либух (13 км сев.-вост. г. Мезеритц — ныне Мендзыжеч, Польша) 29.01.45 обнаружил 3 пулемет. точки пр-ка, к-рые были разбиты огнем полк. минометов. Во время преследования пр-ка из личного оружия уничтожил не менее 10 солдат. 31.5.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

Пропал без вести 25.4.1945. Нагр. медалями.

«Действовал смело и мужественно...»

В наградных листах, составленных на гвардии старшину Н.И. Сеснева, в графе «Постоянный домашний адрес представляемого к награждению, и адрес его семьи», указано: «ДВК, город Сучан, улица Зарудницкого, шахта №1, кв. №23. Жена Кикишова Анастасия Ивановна». Веря этим данным, дальневосточники считали его своим земляком, так как именно там он призывался в Красную

Армию. В Узбекистане, куда Николай Иванович приехал после 1945 года, тоже говорили, что полный кавалер ордена Славы родом из их мест.

Как установил пензенский краевед, подполковник Т.П. Кадышев, родился Н.И. Сеснев в 1919 году в селе Александровке, сейчас Наровчатского района. Там проживала его сестра Устинья Ивановна Нестерова. Оттуда и выехал на Дальний Восток.

Командир пулеметного отделения 210-го гвардейского стрелкового Полоцкого полка 71-й гвардейской Витебской дивизии Н.И. Сеснев прошел тяжелый, но славный боевой путь. Воевал на нескольких фронтах. Все двести героических дней и ночей находился на переднем крае в Сталинграде, принимал участие в окружении фашистской группировки. Там 10 июня 1942 года был ранен осколком в голову. 17 июля следующего года, будучи уже на Воронежском фронте, получил пулевое ранение в правую руку. Потом еще раз был госпиталь (23 июня 1944 года осколок угодил в левую руку), но старшина недолго оставался у докторов и медсестер, каждый раз раньше срока возвращался в родную пехоту.

В составе своего полка Н.И. Сеснев форсировал Дон и Днепр, освобождал от оккупантов Прибалтику, Белоруссию, Польшу, воевал и на территории Германии. 25 апреля 1944 года он приказом командира полка был награжден медалью «За отвагу», а затем заслужил ордена Славы третьей и второй степени.

Подполковник Т.П. Кадышев, первый биограф Н.И. Сеснева, так описывал один из боевых эпизодов войны. «Фашистские войска, окруженные в Прибалтике, пытались даже контратаковать наши части, упорно сопротивлялись, — писал 2 июня 1977 года в «Пензенской правде» Тихон Прокопьевич, — На участке 210-го полка они особенно были активны 1 ноября. На высоту, которую занимало отделение Сеснева, двинулась рота автоматчиков, поддержанная пулеметным огнем.

Старшина занял со своими расчетами выгодную позицию. Бойцы решили подпустить врага как можно ближе, и лишь тогда открыть огонь. Вот противник совсем близко. Вот даже видны лица фашистов. Но пулеметы молчат. С ко-

мандного пункта по телефону кто-то напомнил: «Вы что там, уснули? Видите, на вас немцы идут!» А Сеснев будто ничего этого не слышал, только повторял про себя: «Еще поближе, еще». Когда фашистов можно было расстреливать почти в упор, заработали пулеметы. Гвардейцы уложили около десятка солдат вермахта. Другие в панике отступили, но меткий огонь догонял их.

Первую атаку отбили. А через два часа фашисты вновь попытались штурмовать высоту. На этот раз они предварительно обстреляли ее из минометов. Но подавить наши боевые «гнезда» им не удалось. Когда враги пошли в атаку, их встретил губительный огонь. Так за один день были отбиты четыре вражеских попытки, на поле боя осталось много фашистских автоматчиков.

В перерыве между атаками командир полка пришел к пулеметчикам, обнял старшину и по-отцовски сказал: «Хотел ругать тебя, что долго не открывал огня, но вижу, что ты прав. Молодец, быть тебе полным кавалером ордена Славы...»

Н.И. Сеснев стал им. 23 ноября 1944 года командир полка, гвардии подполковник Кривомлин подписал наградной лист, в котором говорилось: «В бою с немецкими захватчиками 1-го ноября 1944 года в районе деревни Муцениэки Латвийской ССР, действуя смело огнем из станкового пулемета, отразил 4 контратаки противника с численно превосходящими силами. При этом уничтожил 13 немецких солдат. Во время штурма леса Круглый тов. Сеснев выдвинулся на фланг, подавил 4 пулеметных точки врага и тем самым обеспечил продвижение стрелков». Представление заканчивалось словами: «Достоин правительственной награды — ордена Славы I степени».

СЕСНЕВ Николай Иванович, род. в 1919 в с. Александровка ныне Наровчатского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Окончил 3 класса. Жил в г. Сучан Примор. края. Работал на шахте. В Кр. Армии с 1939.

На фронте в Вел. Отеч. войну с февр. 1942. Ком-р отделения станк. пулеметов 210-го гв. стр. полка (71-я гв. стр. див., 6-я гв. армия, 1-й Прибалт. фронт) гв. ст. сержант С. с отделением 23.6.44 перерезал пути отхода пр-ку близ ж.-д. ст. Сиротино (Шумилинский р-н Витеб. обл.) и истребил до 20 гитлеровцев. 1.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Гв. старшина С. 13.8.44 при отражении контратак пр-ка у нас. пункта Анес-Мемеле (8 км юго-зап. г. Скайсткалне, Латвия), выдвинувшись с пулеметом на фланг, отрезал враж. пехоту от танков и уничтожил до 15 гитлеровцев. 3.10.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 1.11.44 гв. старшина С. в том же боев. составе (2-й Прибалт. фронт) под нас. пунктом Муцениэки (сев.-вост. г. Приекуле, Латвия) при отражении контратак пр-ка из пулемета сразил более 10 гитлеровцев. В ходе атаки (тот же р-н) С. выдвинулся с пулеметами во фланг пр-ку и подавил 4 огн. точки, обеспечив продвижение стр. подразделений. 24.3.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Жил в г. Янгиголь, затем в г. Ахангаран Ташкент. обл. Работал грузчиком. Нагр. орд. Красного Знамени, медалями. Умер 17.12.1979.

Труженик войны

Только первого сентября пришла повестка Павлу Ивановичу Смолякову. Срочную он служил в связи, а тут начали оформлять в строительный батальон. Спокойный по натуре, рассудительный и сговорчивый, он не стал возражать: служил пятнадцать лет тому назад, теперь многое уже изменилось, какой он сейчас связист. А строить не дворцы придется, окопы да блиндажи, лопатой и топором всякий рабочий орудовать умеет.

Проводы в первые дни войны были шумные, а к отправке Смолякова люди уже немного свыклись с бедствием. Женщины на станциях души ни себе, ни другим не надрывали, за вагонами не бежали. Стали строже, сдержаннее, выплакались, что ли, за два с половиной месяца.

Честь честью простился Павел Иванович с семьей на станции, последние наказы сделал, а тут и паровозный свисток — прощай, Пенза!

Завезли Смолякова под город Сумы. Здесь 661-й строительный батальон и приступил к сооружению укрепленных позиций. Рыли противотанковые рвы и траншеи, строили доты, дзоты, блиндажи, ставили проволочное заграждение. Представляли, как войска расположатся на этом рубеже, на подступах поставят мины, установят пулеметы, пушки. Были полны веры, что на этом пороге немец поломает себе ноги.

Ну, а пока немец захватил севернее — Смоленск, а южнее — Кировоград и вышел почти на прямую линию с Сумами. Впереди выступом держался Киев, где шли сильные бои.

— Ну, Киев скорее всего устоит, — толковали стройбатовцы. — Такой город взять... Громадина, на холмах, обходы с флангов рекой прикрыты, и опять же — столица...

Смолякова несмелым считали, в разговоры он мало вступал, больше слушал. Руки лопатой заняты, голова — думами. Большими думами. Помогут ли Англия с Америкой? Пожалуй, на них надейся, а сам не плошай, это вернее всего. Хватит ли людских сил и материалов в стране? Вроде бы всего не занимать. А что он сам, Смоляков, может сделать? Пока что лишний накат на блиндаж положить, противотанковый ров подлиннее вырыть. Такое дело за ним не станет. На себя работает, на семью в далекой Пензе, на соседок-вдов с ребятишками, осиротевшими в самом начале войны. Никогда так доходчиво и больно не брали Смолякова за душу понятия, что такое русские люди, отчий край, Родина...

И не только Смоляков, все строители трудились не жалея сил. Работали не по часам, а пока инструмент из рук не вывалится. Кто постарше,

тому и в короткие ночные передышки не спалось. Жили тут же в построенных самими блиндажах, землянках, под траншейными перекрытиями. Выберется Павел Иванович на свету из убежища, а кое-кто из сверстников уже топорами тяпает, на всю артель инструмент точит. Чем еще могли помочь своему народу в беде военные строители? Пока только трудом.

Не устоял Киев, слишком много фашистских полчищ было брошено на столицу Украины. 21 сентября в Киеве его защитники сделали последние выстрелы.

Линию обороны заняли отошедшие с Днепра части и прибывшее из тыла пополнение. А строительный батальон оттянули на восток, укреплять новый рубеж: Курск — Харьков. С тяжелым сердцем отходили строители. Суровее стали «старики», разговоров меньше.

Смоляков про себя прикидывал: сколько же до Пензы осталось. Выходило, меньше того, что немец уже прошел. Вот Сумы, Курск и Орел отдали, а там что осталось: Тамбов и уже Пенза.

На орловском направлении фашистов остановили. Мало того, на одиннадцати участках фронта от Ладожского озера до Азовского моря советские войска перешли в контрнаступление и отбросили немцев от Москвы, Тихвина, Калинина, Тулы, Ростова и других городов. Это было светлым проблеском в долгом ожидании, в упрямой вере. Потом еще много было тяжелых неудач, много приходилось оставлять и рубежей и городов, но победа впереди стала как-то осязатее, нагляднее.

Оживленнее повелись разговоры среди товарищей Смолякова.

— Придет все же час, расколошматим фрицев! Теперь и там, поди-ка, видят, — солдат кивнул на заходящее солнце. — А то все думали мы в ура-кампанию играем.

— Какие игрушки, за зиму одиннадцать тысяч населенных пунктов освободили и миллион гитлеровцев положили.

— В сообщении указано, самые отборные кадровые гитлеровские дивизии разгромили, — вставил, слово и немногоречивый Смоляков.

— Еще бы не самые отборные, а какие же он на Москву бросит. Парад на Красной площади хвалился устроить, да жидки в коленках его дивизии оказались.

Судя по настроению в письмах, приходивших Смолякову, дома уже и в мыслях не держали, чтобы фронт мог до Суры докатиться. Большой подъем духа вызвал зимний разгром немцев у всего народа. В чего не привести, а нелегко верить без подтверждения, и оно очень кстати пришлось, праздником повернулось, лишнюю хмурь с лиц людей согнало.

К тому времени Смоляков числился уже рядовым 131-го саперного батальона. Дел у него значительно прибавилось: минирование и разминирование, наведение разного рода переправ, взрывное дело, освоение разнообразной военно-инженерной техники, в достатке поставляемой теперь тылом.

Однако до торжества полной победы еще было очень далеко. Заливав зимние раны, фашистский зверь весной сорок второго года ринулся по

двум новым направлениям: на Сталинград и Кавказ. И по-прежнему Смоляков укреплял один за другим рубежи. Теперь уже в непосредственной близости от передовой под артиллерийский гул, а часто и под разрывами снарядов.

Пехотинец должен быть смел, уметь владеть оружием. Саперу, как солдату, и в этом скидки нет, и нужно быть большим трудолюбом, иметь хорошую сноровку мастерового. В наступлении сапер впереди идет, мины убирает, проволоку режет, переправы наводит, первым на лед ступает, в воду лезет, в трясины. При отступлении последним идет, свои же переправы взрывает, мины на дорогах ставит — добро пожаловать.

Под Армавиром Смолякова ранило осколком мины в голову. Пока рану залечивал, многое изменилось. Зима наступила, крепко немец на Сталинграде запнулся, на Кавказе в горы уперся. В степи он техникой брал, а в горах с ней не разбежишься. Быстро его с круч спустили и обратным ходом погнали через Кубань, Дон, до самого города Сумы. «Задняя скорость» у него почти в два раза быстрее оказалась.

С этого наступления Павел Иванович постоянно двигался в голове первого эшелона. Дороги и броды разведай, переправами и проходами в заграждениях обеспечь — его дело. Под Ковелем пришла первая большая награда — орден Славы третьей степени.

Готовилось наступление. В ночь саперы вышли делать проходы в немецком заграждении. Едва ли не самой сложной, ответственной и опасной операцией у саперов являлись эти проходы. Каждое минное поле, каждое колено ломаной линии колючей проволоки постоянно под усиленным наблюдением и простреливается вдоль и поперек. Попробуй, подступись! А саперу нужно порезать проволоку, отыскать в земле и обезвредить мины, обозначить проходы, провести ночью по ним разведку или наступающие роты.

Помимо большой осмотрительности, маскировки, согласованности действия группы, саперу-минеру нужны особые руки. Неточное движение рук часовщика приводит к порче деталей, хирурга — к осложнению операции. Неловкое движение рук минера ведет к смерти его и рядом находящихся товарищей. Если же это произойдет на полосе заграждения, неизбежен внезапный бой, и тогда уже смертей не счесть.

Миноискатель миноискателем, а минеру нужно уметь прощупывать пальцами мельчайшие неровности, трещины в дерне, подозрительную рыхлость и другие свежие нарушения почвенного покрова. И все это впотьмах. Задень какую-нибудь жилку-проволочку неосторожно и всё... А мины раз от разу все хитрее делались, все строже.

Первую ночь группа Смолякова работала в полосе заграждений удачно. Даже утром немцы не обнаружили никаких нарушений: колючая проволока цела, не видно, чтобы мины кто выкапывал.

На вторую ночь вышли заканчивать работу. И опять сначала всё хорошо шло, но один запутался в своем же проводе и наделал шуму. Тут же с немецкой стороны взлетела ракета, другая, ударили пулеметы. Советская

сторона ответила пулеметами и минометами. Завязался очень нежелательный бой — местная перепалка, а на рассвете намечено общее наступление. Немцы теперь предупреждены, насторожены, усилят оборону. А саперы еще полностью проходами не обеспечили наступление передовых подразделений. Вот к чему приводила неосторожность сапера, его неловкие руки.

Делать нечего, усложнили саперы обстановку, первыми и выходи из нее. До утра Смоляков ползал по полу под огнем, шаря последние мины, обозначая проходы маленькими флажками. А началось наступление, остался на минном поле проводником — это надежнее, флажки могли сбить, не заметить в боевой горячке. В том и назначение сапера, чтобы оберегать свои войска, облегчать их действия. Ни один пехотинец, ни один танк в проходах на mine не подорвался. Так и подошел Павел Иванович под первую боевую награду.

Сапер в атаку редко ходит, он впереди атакующих идет. На берегу Вислы, скрытом кустами, собрали наплавной пехотный мостик из штатных понтонных средств. Ночью его нужно было перетянуть через реку.

— Смоляков, Москаленко, Рудь, — вызвал командир роты. — Мужички, вы у меня самые опытные, ни вас вся надежда, тяните мостки.

На том берегу ни одного своего солдата. Над рекой хутор, в нем немцы оборону занимают. Днем на лодках попытались пехотную роту на тот берег перебросить, немцы такой огонь открыли, что река вспенилась. Пришлось отказаться от затеи.

И теперь троим на малой надувной лодке предстояло в плавание пуститься. Они должны были тянуть за собой телефонный провод, за него вытянуть канат, а за канат подтянуть мостик и зачалить его за что-то. По мостику цепочкой по одному побежит пехота, атакует хутор, захватит плацдарм. Гарантия выполнения плана: ночью могут не заметить троих в лодке, впотымах трудно точный прицел взять. А чтобы саперов там врукопашную не встретили, с этого берега их огнем поддержат. Риск большой, а без него и воевать не берись — поплыли саперы. И, конечно, их заметили. И, конечно, по ним открыли сильный огонь. Неточность прицела в темноте наполовину оправдалось: никого не убили, а лодку продырявило, на последних пузырях воздуха до мели добрались. Огнем свои хорошо поддержали. Мостик перебросили, плацдарм захватили. Саперы на понтонах начали тяжелую технику переправлять. Но войск столько двигалось, что пришлось в этом месте мост строить. Легко ли вообще мост построить, еще труднее в бою под артиллерийским обстрелом и авиабомбежкой. Бывало, одна авиабомба целый день солдатского труда на нет сводила. Семнадцать человек на этом мосту рота потеряла. В том числе Москаленко, друга Смолякова, с которым они первыми ступили на вражеский берег Вислы впереди атакующих.

После упорных боев и прорыва немецкой обороны советские войска, сбивая боевые заслоны, шли походными колоннами. Саперная рота задержалась с вечными переправами и спешила выдвинуться вперед. Впереди

у дороги небольшой лесок в полях затерялся. В лесу боевое охранение обнаружило оставленный немцами большой склад боеприпасов: штабеля ящиков со снарядами, минами, гранатами, покрытые камуфлированным брезентом. Пока обследовали склад, дозорные сообщили, что с фланга движутся немцы. Около батальона в боевом порядке, автоматы наготове, приближалось к лесу. Какая цель у них была — неизвестно, во всяком случае они намеревались занять лес. Хоть силы были и неравные, саперы могли, развернувшись на опушке, принять бой, но они сделали лучше. Когда немцы входили в лес, саперы с другой стороны вышли из него, оставив на складе пять толовых шашек с подожженными шнурами. Нужно ли говорить, что началось твориться в лесу. Уцелевшие фашисты выскакивали из леса и попадали под огонь саперов. Не потерявшие совсем рассудка поднимали руки.

Четверть часа позже мимо дымившихся еще остатков рощи на запад прошла новая колонна советских войск. Четверть часа раньше ее здесь мог бы ждать в засаде немецкий батальон, если бы его не уничтожили саперы. А к вечеру, далеко уже отсюда, саперы, положив винтовки рядом, поплевав в ладони, взялись за топоры: приступили к капитальному ремонту деревянного моста на пути. Нельзя было войска задерживать, день победы оттягивать.

С войны Смоляков возвращался в звании сержанта, с орденом Славы третьей и второй степени. Поезд, казалось, опаздывает, часы отстают. Эх, крылья бы солдату!

По-родственному в дороге жалел Пензу: война хоть и не докатилась сюда, а жизнь, наверно, в городе подзамерла. Мужское население на войне было, все силы, средства и запасы фронту отданы, хозяйство, наверно, надорвалось. Но сколько радости было, когда он увидел, что жизнь в городе била ключом. Шла великая стройка, за войну появились новые заводы: арматурный, «Пензмаш», пущена ТЭЦ и много других предприятий. Развертывалось жилищное строительство.

Смоляков жил на тихой окраинной улице Городок, свой домик — не ахти какие хоромы да если его поддерживать, вовремя латать, есть где жить. Прошло время, и стройка, как фронт, докатилась до его улицы. Прямо напротив его дома вырос многоэтажный дом со всеми коммунальными удобствами и Павла Ивановича попросили переселиться в него. А его домишко снесли и там пять этажей поднялось. От старой улицы ничего не осталось, и название новой улице дали очень почетное — имени В.А. Карпинского, деятеля российского революционного движения, публициста.

А тут ещё одна радость: накануне пятидесятилетия Октября Смолякову вручили орден Славы первой степени. Еще в конце войны был представлен к награде, и не знал до последних дней. И до сего времени ни ему, ни в военкомате неизвестно, как и какие заботливые люди разобрались во всем, нашли наградные документы и самого награжденного. Много всякого пережил Павел Иванович и никогда слезинки не пролил, а при полу-

чении этой награды сильно растрогался, сердце благодарностью к людям переполнилось до краев.

СМОЛЯКОВ Павел Иванович, род. 16.8.1903 в г. Пенза в семье рабочего. Русский. Окончил 7 классов. Работал слесарем на заводе, грузчиком на элеваторе. В Кр. Армии с сент. 1941.

На фронте в Вел. Отеч. войну с окт. 1941. Сапер 131-го инж.-сап. батальона 37-й инж.-сап. бригады (69-я армия, 1-й Белорус. фронт) рядовой С. 6.7.44 в р-не г. Ковель (Украина) при подготовке к наступлению под интенсивным враж. огнем разведал укрепления передн. края пр-ка. 9.7.44 С., продельвая проходы в минных полях пр-ка, спас экипаж САУ из подожженной гитлеровцами машины. 25.8.44 нагр. орд. Славы 2 ст. Сапер того же батальона С. 2-7.8.44 под огнем пр-ка участвовал в наведении моста через р. Висла. 9.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Во второй половине янв. 1945 в ходе Висло-Одерской операции С. под огнем пр-ка обезвредил 135 противотанк. и противопехот. мин, обеспечив быстрое продвижение наших наступающих частей; невзирая на обстрел врага, разминировал мост, предотвратив его подрыв неприятелем. 31.5.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Вернулся в родной город. Работал вулканизаторщиком. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями. Умер 16.12.1987.

Это была рядовая, пожалуй, не из лучших, репродукция с картины, репродукция из тех, которые издаются массовыми тиражами, а потом продаются в киосках «Союзпечати». На ней был изображен артиллерист, заряжающий орудие. Рядом лежат убитые товарищи. Впереди — горящие танки со свастики и подпись: «Не пройдут».

Но чем-то привлекла картина внимание Виктора Алексеевича Соустина. Удалось лицо артиллериста: бесконечно усталое, в потехах пота и грязи, оно дышало непреклонной решимостью. Лицо победителя! Такое нельзя придумать. Такое надо обязательно видеть. И, раз увиденное, оно не забывается.

Соустин вспомнил командира батареи. Вот так же погибла вся батарея. Командир один принял бой с двадцатью танками. И танки повернули назад. Тогда они не прошли.

А был командир совсем, если считать по мирному времени, молодым парнишкой. Впрочем, как и ребята его батареи. Соустину тоже не было восемнадцати, когда вместо техникума он пошел па фронт. Замковой в артиллерийском противотанковом дивизионе 45-миллиметровых пушек.

Дивизион принял первый бой под Артемовском, на Украине.

Шли танки и стонала выжженная земля. Бойцы в тот день потеряли счет атакам. Когда началась та, последняя, от батареи уцелело одно орудие, а у него — они вдвоем с наводчиком-земляком Николаем Шиловым. Потом ранили в плечо Николая. Последний танк Виктор расстрелял в упор. Выскочивших из люков немцев подоспевшие пехотинцы взяли в плен.

Тогда они тоже не прошли. В армейской газете появилась маленькая заметка: «В июле 1943 года под Артемовском развернулись ожесточенные бои с превосходящими силами противника. Отлично дрались артиллеристы, прибывшие из Сибири. В одном из первых боев гвардии красноармеец В. Соустин подбил немецкий танк. За этот подвиг он представлен к медали «За отвагу».

Потом вперед шли мы. Красные флаги над Запорожьем. Освобожден Кишинев. Артиллеристы получили новую технику. Вместо «сорокапятков» мощные 76-миллиметровые пушки с подкалиберными снарядами, перед которыми не могла устоять броня даже тяжелых танков.

Позади Ковель. Задача с ходу форсировать Вислу и создать плацдарм для наступления. На Сандомирское направление были повернуты первая и третья гвардейские танковые армии. У Баранува разгорелись ожесточенные бои. В истории Великой Отечественной войны есть та-

кая запись: «В начале августа 1944 года гитлеровцы нанесли сильный контрудар из районов городов Мелон и Тарнобжег на Баранув. Они надеялись отсечь переправившиеся за Вислу войска от остальных сил и уничтожить. Только мужество и стойкость советских солдат и офицеров остановили противника».

Мужество и стойкость. Да, они тогда понадобились. Противотанковый дивизион вышел к Висле, спокойной и величавой. Погода была пасмурная. Моросил дождь. Вражеский берег виделся, как в тумане. Немцы вели огонь из дальнобойных орудий.

Утром началась переправа: пехота — на лодках, орудия — на плотках. Немецкие артиллеристы пристрелялись. Из-за низких облаков вывалились самолеты с фашистскими крестами. Дыбом встала вся Висла...

Неполная рота бойцов достигла вражеского берега. А фашисты уже поднимались в контратаку, пытаясь сбросить смельчаков в воду. Появились танки. Плот с орудием Соустина бойцы подхватили, втащили на руках. Позицию выбирать было некогда. На горстку наших автоматчиков надвигалось с десяток бронетранспортеров.

В этом бою Соустин был и за командира орудия, убитого на берегу, и за наводчика. Уже пылают четыре бронетранспортера. Автоматчики окопались и ведут прицельный огонь по вражеской пехоте. Еще четыре машины подбил Соустин. Бронетранспортеры отошли, уступив место танкам, с ходу открывшим огонь. На орудие обрушился шквал снарядов. Один за другим падают бойцы. Но фашисты не прошли и на этот раз. В трагический момент на помощь пришла наша авиация, стремительные ИЛы нанесли сокрушительный бомбовый удар.

Всё горело: танки, земля, камни... Виктор Соустин продолжал стрелять, пока не подошло подкрепление.

Больше месяца день и ночь грохотал бой на плацдарме. Дивизион, которым командовал гвардии майор Мотов, ежесуточно отбивал по семь-восемь танковых атак.

Плацдарм, сыгравший важную роль в дальнейшем наступлении наших войск, отстояли дорогой ценой. А Соустин не был даже ранен. Ему казалось, что он прошел все огни и воды, что самое страшное уже было. Но впереди ждала Одра.

Ее форсировали ночью по льду. Немцы навесили осветительных ракет, и ночь превратилась в день. Разбитый снарядами лед трещал и проваливался. На вражеском берегу снова пришлось отбивать яростные атаки фашистов. Отбивать и продвигаться вперед, на Берлин.

В большом городе что ни дом — то крепость. В этих условиях основной боевой единицей стал штурмовой отряд автоматчиков, усиленный артиллерией, танками и саперами.

Рота под прикрытием орудия Соустина неудержимо продвигалась вперед. Артиллеристы стреляли прямой наводкой. Все ближе центр города, где в глубоких подземельях ждут своего последнего часа те, кто собирался владычествовать над всем миром. Но Соустину не пришлось участвовать

в штурме имперской канцелярии. Накануне капитуляции Берлина его, раненого, отправили в тыл, в госпиталь.

Обидно, конечно. Да что делать? Свой солдатский долг выполнил до конца, воевал с честью. Свидетели тому — три ордена солдатской Славы.

Выписавшись из госпиталя, Соустин вернулся в кемеровский город Топки, куда их семья в 1934 году переехала из пензенского села Мокшан, где Виктор Алексеевич родился 18 октября 1924 года. Верный семейным традициям, пошел на паровоз. Работал кочегаром, а потом окончил школу машинистов. Пришло время — сменил паровоз на тепловоз. Отличный специалист, депутат областного Совета был снова на передовой.

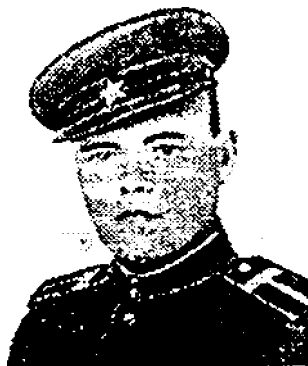

СОУСТИН Виктор Алексеевич, род. 18.10.1924 в р.п. Мокшан Мокшанского р-на Пензен. обл. в семье рабочего. Русский. Член КПСС с 1945. В 1934 переехал с семьей в г. Топки Кемеров. обл. Окончил 7 классов. Работал слесарем в вагонном депо. В Кр. Армии с авг. 1942.

На фронте в Вел. Отеч. войну с апр. 1943. Наводчик орудия 2-й батареи 83-го отд. гв. истр.-противотанк. дивизиона (79-я гв. стр. див., 8-я гв. армия, 1-й Белорус. фронт) гв. мл. сержант С. в составе оруд. расчета в авг. 1944 при форсировании р. Висла уничтожил 2 автомашины пр-ка, склад горючего, пулемет. точку. 28.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 2.02.45 в бою в р-не нас. пункта Дроссен (20 км юго-вост. г. Кюстрин — ныне Костшин, Польша) ком-р орудия того же истр.-противотанк. дивизиона гв. сержант С. со своим расчетом поразил более 10 гитлеровцев, неск. повозок и 4 автомашины с грузами. При форсировании р. Одер в февр. 1945 в числе первых переправил свое орудие на лев. берег. В бою за высоту и д. Рейнтвейн (Германия) расчетом во главе с С. было уничтожено 4 враж. пулемет. точки, св. 10 солдат, подавлена миномет. батарея. 15.4.45 С. нагр. орд. Славы 2 ст. Во время наступат. боев в апр. 1945 на лев. берегу р. Одер в р-не г. Зелов (Германия) ком-р орудия того же дивизиона гв. ст. сержант С. во главе расчета подавил более 10 враж. пулемет. точек, 3 противотанк. орудия, подбил 7 груз. автомобилей, истребил более 20 пехотинцев. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1947 демобилизован. Живет в г. Топки Кемеров. обл. Работал машинистом тепловоза в локомотивном депо. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Трудового Красного Знамени, медалями.

Лит.: Фронтовики, наденьте ордена! Кемерово, 1970. С. 164-166.

В составе 36-й танковой бригады

Сычев Андрей Трофимович (1925-1945)

СЫЧЕВ Андрей Трофимович, род. в 1925 в с. Подгорное Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. В 1926 переехал в с.

Сколково Кинельского р-на Самарской обл. Окончил 4 класса, курсы трактористов. Работал в колхозе. В Кр. Армии и на фронте в Вел. Отеч. Войну с янв. 1943.

Заряжающий танка Т-34 36-й танк. бригады (11-й танк. корпус, конно-мех. группа, 1-й Белорус. фронт) сержант С. с экипажем 20.7.44 переправился вброд через р. Зап. Буг, преследуя пр-ка, вышел к г. Седлец (ныне Седльце, Польша). 24.7.44 на танке ворвался на сев. окраину г. Лукув (Польша), в составе экипажа подбил самоход. орудие пр-ка, уничтожил его расчет с десантом, неск. пулемет. точек и автомашину. 21.8.44 нагр. орд. Славы 3 ст. В составе 65-й танк. бригады 69-й армии ком-р орудия ст. сержант С. с танкистами 10-16.01.45 в боях за г. Зволень и Радом (Польша) вывел из строя враж. танк, 2 орудия, истребил св. 20 гитлеровцев. 8.3.45 нагр. орд. Славы 2 ст. 16.4.45 сержант С. в составе той же бригады (1-я гв. танк. армия) в р-не нас. пункта Вербиг (14 км зап. г. Киц, Германия) огнем из орудия подбил 3 танка, 4 бронетранспортера, уничтожил много солдат и офицеров. 15.5.46 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 старшина С. демобилизован. Вернулся в Сколково. Умер в нояб. 1945. Нагр. орд. Красной Звезды.

Дорога через минные поля

9 мая 1989 года шемьшейская районная газета опубликовала небольшой материал жителя районного центра Ю.Ф. Дернина, где он рассказывал о том, что село Дубровка-на-Узе — родина полного кавалера ордена Славы П.Н. Тремасова, сообщил коротко сведения из его биографии. Об этой публикации я узнал лишь в конце ноября от библиографов областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова и сразу же написал письмо автору. Юрий Федорович ответил быстро, но сообщил, что у него нет наградных листов на героя войны.

Эти документы у меня уже были: их 28 августа того же 1989 года получил из Центрального ордена Красной Звезды архива Министерства обороны СССР заведующий архивом Пензенского обкома КПСС, заслуженный работник культуры России В.А. Мочалов. Узнав, что я готовлю к переизданию книгу «И родом они пензенские», он передал мне всё полученное из Подольска. Я сразу же отправил выписки из них в Шемьшейку, и Ю.Ф. Деркин 9 мая 1990 года опубликовал в той же газете «Заветы Ильича» материал «Солдатская доблесть».

16 февраля 1990 года я получил письмо от сына фронтовика — П.П. Тремасова, который проживал в городе Чехове Московской области. «По словам отца, — писал Павел Павлович, — он в семилетнем возрасте, без родителей, воспитывался у дяди в селе Каржиманте и до 1932 года проживал у родных в городе Голутвине. После женитьбы Павел Николаевич переехал на станцию Шарапова Охота Серпуховского района Московской области, откуда и был призван в армию. В июле 1941 года он овладевал специальностью минера-сапера в деревне Лужки. Затем была передовая...»

С августа 1942 по октябрь 1943 года П.Н. Тремасов находился на Донском, Воронежском и 2-м Украинском фронтах. 10 сентября гвардии ефрейтор, сапер 110-го отдельного гвардейского саперного батальона 97-й гвардейской стрелковой Полтавской Краснознаменной ордена Суворова дивизии был отмечен орденом Красной Звезды.

15 марта 1944 года командир батальона гвардии капитан Педуненко заполнил наградной лист, в котором говорилось: «Гвардии ефрейтор Тремасов Павел Николаевич 8 и 9 марта 1944 года в районе сел. ст. Данциг — Антоновка на рубеже, ранее занимаемом противником, обнаружил минные поля и под сильным артиллерийским огнем противника сделал проходы и пропускал технику, танки и артиллерию, после чего разминировал в течение двух дней противоположные мины. Поставленную бое-

вую задачу выполнил». Приказом по дивизии он был награжден орденом Славы III степени.

С июля 1944 года гвардии младший сержант, командир отделения П.Н. Тремасов воевал на 1-м Украинском фронте. 10 января 1945 года комбат гвардии майор Педуненко писал в представлении к награждению: «С 6 на 7 января 1945 года в районе высоты 267.6 под сильным артиллерийским и минометным огнем противника в непосредственной близости к траншеям снял 5 противопехотных мин... пропустил группу стрелков и вместе с ними первый ворвался в траншею противника, где также очистил траншею от мин и сюрпризов, а впоследствии отбивал контратаку немцев. Высота была взята и закреплена нашими стрелками. Гвардии младший сержант П.Н. Тремасов достоин правительственной награды — ордена Славы II степени».

8 февраля майор Педуненко предоставил П.Н. Тремасова к ордену Красного Знамени. «При форсировании реки Одер, — говорилось в наградном листе, — с 23 по 27 января 1945 года под губительным артиллерийским и минометно-пулеметным огнем противника, будучи командиром расчета, на десантной лодке переправлял людской состав и боеприпасы на левый берег реки.

25 января от брошенной бомбы авиацией противника осколком пробило дно лодки и он, на ходу откачивая воду, с лодкой причалил к берегу благополучно, без единой потери, спас людской состав и боеприпасы. Переправил на левый берег реки: людского состава св. 100 чел, свыше 100 ящиков боеприпасов».

Приказом по 5-й гвардейской армии ее командующий генерал-полковник А.С. Жадов заменил орден Красного Знамени на орден Славы II степени. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1969 года произошло перенаграждение — П.Н. Тремасов получил орден Славы I степени.

В одном из писем сын П.Н. Тремасова вспоминал, что на его вопрос отцу: «За какие подвиги он получил награды?», тот отвечал: «Мое дело было заминировать, взорвать, или разминировать. Дорога вперед шла через минные поля». Павел Николаевич рассказывал ему, что однажды он заминировал свой участок на передовой и, когда немецкие танки пошли в наступление, два из них сразу же подорвались. Атаку отбили, но, по сообщению сапера, ночью должны были придти бронетранспортеры и утащить подбитые танки. С наступлением темноты он подполз к подбитым машинам и в «шахматном» порядке заминировал подход к ним. Ночью раздались два взрыва, а утром увидели рядом с танками покореженные транспортеры.

П.Н. Тремасов рассказывал сыну и о том, что орден Красной Звезды он получил в 1943 году за операцию «Мост». Противник наступал большими силами и, чтобы удержаться на своих позициях, был получен приказ — взорвать мост, разделяющий воюющие стороны. Павел Николаевич заминировал мост и стал ждать, когда по нему пойдут чужие танки, а те

крутились на той стороне, идти боялись. Через некоторое время приполз из штаба майор, потребовал взрывать и отходить, даже грозился пристрелить, но солдат спокойно ответил ему: «Пока танки на мост не взойдут, взрывать не буду. А так хоть один танк уничтожу». Грозя трибуналом, штабной майор уполз. А танки так и не двинулись в сторону моста. Потом поступил приказ — не взрывать его. Пришло подкрепление и по этому мосту красноармейцы пошли в наступление.

В одном из писем Ю.Ф. Деркин рассказал о том, что его отец, как и многие пензенцы, не вернулся с войны. Фамилия его есть в Книге «Память: Пензенская область». Там сказано, что Федор Федорович, призванный в армию Лопатинским райвоенкоматом, был политруком и погиб в бою в июле 1941 года. Сюда можно добавить, что он был среди строителей Сталинградского тракторного завода. В их семье долго хранили альбом с фотографиями цехов, подаренный ему, как награда за ударный труд.

Сын П.Н. Тремасова прислал мне несколько фотографий своего отца. На одной из них Павел Николаевич сфотографирован в последние дни войны под Дрезденом в группе солдат, которые несли охрану полкового знамени. Орден Красной Звезды Павел Павлович привез и подарил в Шемьшейский краеведческий музей. Там же хранится и «Благодарственная грамота», врученная гвардии рядовому П.Н. Тремасову, бойцу 1-го Украинского фронта. Внизу ее — подписи: командующий войсками, Маршал Советского Союза И.С. Конев, начальник штаба фронта Ив.Е. Петров, член Военного Совета фронта, генерал-лейтенант К.В. Крайников.

П.Н. Тремасов скончался 30 декабря 1985 года и похоронен на кладбище в деревне Кузьменки Серпуховского района. Его жена Анна Филипповна умерла 18 сентября 1981 года. Они вырастили пятерых сыновей, которые честно отслужили в армии, а потом, по выражению одного из них, «работали, как отец», жили в Подмосковье: городе Чехове и на станции Шарапова Охота. Давно уже выросли внуки и правнуки старого солдата, чья родина — шемьшейское село Дубровка-на-Узе.

ТРЕМАСОВ Павел Николаевич, род. 10.6.1907 в д. Дубровка-на-Узе ныне Шемьшейского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Мордвин. Образование начальное. Работал лесорубом в Серпуховском лесничестве. В Кр. Армии и на фронте в Вел. Отеч. войну с июля 1941.

Сапер 110-го отд. гв. саперного батальона (97-я гв. стр. див., 5-я гв. армия, 2-й Укр. фронт) гв. ефрейтор Т. 8.3.44 в р-не с. Токаровка (Кривоозёрский р-н Николаев. обл.) обезвредил много противопехотных и противотанк. мин, устроил проходы для наступающих стр. подразделений. 22.3.44 в схватке с пр-ком уничтожил 5 гитлеровцев. 29.3.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Ком-р отделения сапер. б-на в том же боев. составе (1-й Укр. фронт) гв. мл. сержант Т. в ночь на 7.01.45 с бойцами в р-не юго-зап. г. Буско-Здруй (Польша) разминировал неск. участков минных полей пр-

ка, предварительно сняв проволоч. заграждения, уничтожил более 10 враж. солдат и офицеров. 12.4.45 нагр. орд. Славы 2 ст. 23-27.01.45 в р-не сев. г. Бриг (Бжег, Польна) совершил большое кол-во рейсов на десантной лодке через р. Одер, перевезя в общей сложности св. 100 бойцов и св. 100 ящиков с боеприпасами. 27.4.45 нагр. орд. Славы 2 ст., 23.9.69 перенагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Проживал в пос. Шарапова Охота Серпуховского р-на Москов. обл. Работал лесорубом в Серпухов. лесничестве. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 30.12.1985.

Под знаменами Полтавской дивизии

Это было 9 июня 2001 года. После операции (сняли катаракту с правого глаза) я лежал в палате областной больницы имени Н.Н. Бурденко. Там и услышал разговор двух больных:

— Ты откуда прибыл-то? — спрашивал кто-то, видимо, только что прибывшего на лечение.

— Из Канаевки...

Я хорошо знал это большое село в Городищенском районе и, чуть погодя, вступил в беседу:

— А Жаткина Василия Григорьевича не знаете?

— А я и есть Жаткин, — последовал ответ.

Василий Григорьевич искренно, как и я, обрадовался встрече, пересел на мою койку, и начались воспоминания. Ведь в 1957-1959 годах я работал в районной газете «Заря коммуны», а он был постоянным селькором, писал не только из родной Канаевки, но и о жизни окрестных сел. Вспоминая общих знакомых, В.Г. Жаткин называл и ветеранов войны, был председателем их Совета. Разговор зашел о книге «И родом они пензенские», и бывший фронтовец сказал:

— Хорошо бы переиздать ее... В ней, наверное, не все земляки указаны. Я могу, например, показать вам материалы о Сергее Петровиче Трофимове. Мы с ним почти через всю войну прошли...

Позже, уже выйдя из больницы, В.Г. Жаткин познакомил меня с текстом статьи, 30 мая 1995 года опубликованной в газете «Ульяновская правда». «С этим немногословным, умным и скромным человеком, — вспоминал Василий Григорьевич, — впервые я встретился в августе 1942 года в городе Балакове, Саратовской области, в Симферопольском пулеметно-минометном училище, готовящем здесь кадры для фронта. Мы были в одной 16-й минометной роте. В училище по ускоренной программе готовили нас командирами взводов.

Требования к курсантам были очень жесткие, — делился воспоминаниями бывший курсант. — Освоение чрезвычайно сложной учебной программы для 17-18-летних ребят представлялось трудно выполнимым. Большую часть занятий по огневой, тактической, строевой и физической подготовке проводили с нами в полевых условиях, когда холодный волжский ветер промывал нам в легких шинелях все косточки. А зима 1942-1943 годов была суровой. Морозы доходили до сорока — сорока трех градусов. Были случаи, когда некоторые курсанты родом из южных краев, не выдержав холода, падали в обморок, и мы быстро уносили их в казарму,

где они, отогревшись, вновь обретали форму. По ночам часто поднимали по тревоге, после чего водили нас по волжскому льду за 8-10 километров за дровами в лес, чтобы отапливать казармы и столовые.

Уже тогда, — свидетельствовал В.Г. Жаткин, — в нелегких условиях учебы Сережа Трофимов лидировал среди курсантов по успеваемости. К началу весны офицеры-преподаватели научили нас уверенно владеть всеми видами стрелкового, противотанкового и минометного оружия, приемами рукопашного боя, средствами химической защиты и связи. Через неделю-две должны были начаться выпускные экзамены, и мы усиленно к ним готовились, хорошо понимая, что офицерские звания неучам не присваиваются. Но жизнь распорядилась по-другому».

По рассказу В.Г. Жаткина, 16 апреля 1943 года их курс подняли по тревоге и вместе со старшекурсниками (всего 800 человек) были отправлены на фронт в состав 5-й гвардейской армии. Он и С.П. Трофимов оказались в 97-й гвардейской стрелковой дивизии, где их и назначили наводчиками 82-миллиметровых минометов. 11 июля они приняли боевое крещение, заслужив медали «За отвагу».

После боя под железнодорожной станцией Прохоровка на линии Белгород — Курск, которая вошла в историю Великой Отечественной войны, как место, где 12 июля 1943 года произошло самое крупное встречное танковое сражение, В.Г. Жаткин и С.П. Трофимов продолжили боевой путь в составе той же 97-й дивизии. Вместе они прошли через всю Украину, Молдавию, Румынию и Польшу. В начале осени 1944 года им пришлось расстаться. Василий Григорьевич, как самый молодой солдат в полку (родился 11 мая 1925 года, ушел в армию добровольцем одновременно с призывниками рождения 1924 года), получил направление в военное училище. Сергей Петрович продолжал службу, став полным кавалером ордена Славы.

Вот строки из наградных листов, заполненных на командира минометного расчета С.П. Трофимова: «4 августа 1944 года в боях за село Падев (Польша) его минометный расчет уничтожил две пулеметные точки и до 10 немцев. 25 августа в боях за село Печеноги (Польша) уничтожил наблюдательный пункт противника, с которого просматривал он весь наш передний край, уничтожил 5 немецких солдат».

«За время боевых действий на плацдарме левого берега реки Одер (Германия) с 26 по 31 января 1945 года, его минометный расчет уничтожил пять огневых пулеметных точек, один наблюдательный пункт, до 20 солдат и отбил 5 контратак противника».

Листы на награждение орденами Славы III и II степени подписывал командир 289-го гвардейского стрелкового Висленского полка, гвардии подполковник (позже генерал) Ю.А. Науменко. Он же отправлял и представление о награждении С.П. Трофимова орденом Славы I степени. «С 19 по 21 апреля 1945 года, — говорилось в документе, — в боях при форсировании реки Шпрее, расширении плацдарма на ее западном берегу и боях за город Зенфтенбург, находясь со своим расчетом в боевых поряд-

ках, огнем из миномета уничтожил 4 пулеметных точки, зажег две автомашины и уничтожил до взвода пехоты».

На всех наградных листах в графе: «Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи» стояло: «Пензенская область, Кузнецкий р-н, село Комаровка. Мать — Трофимова Мария Петровна».

В мае 1945 года политотдел дивизии выпустил агитплакат, в котором рассказывалось о минометчике С.П. Трофимове, разведчике С.А. Кузьмине, других героях прославленного соединения. Это им дивизионный поэт, старший лейтенант Яков Сатуновский посвятил строки:

К победе с боем шла пехота.
И под орудий грозный рёв
Трофимов бил из миномета,
Кузьмин в разведку вел орлов.

Позднее, вспоминая свою боевую молодость, С.П. Трофимов тепло говорил о санинструкторе Марии Кухарской, которая в боях под Сталинградом вынесла с передовой 438 раненых солдат и офицеров, в том числе и нашего земляка, уроженца деревни Комаровки. Она была награждена орденом Ленина, а в мирное время — Трудового Красного Знамени.

97-я гвардейская стрелковая дивизия вошла в энциклопедию «Великая Отечественная война 1941-1945», как Полтавская стрелковая дивизия. Сформированная в августе-сентябре 1941 года в Ставрополе, она в составе различных армий участвовала в боях под Ростовом, Харьковом, на Сталинградском направлении, прошла всю войну от Волги до Эльбы. За боевые заслуги соединение было награждено орденами Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого II степени. Около 8500 ее воинов награждены орденами и медалями, 12 стали Героями Советского Союза, 23 — полными кавалерами ордена Славы. В их числе был и С.П. Трофимов.

Фотография Сергея Петровича помещена в книге «От Волги до Эльбы и Праги: Краткий очерк о боевом пути 5-й гвардейской армии», изданной в 1970 году Воениздатом. Ее авторы, повествуя о 97-й дивизии, где проводились встречи нового пополнения с ветеранами, среди участников называли и минометчика С.П. Трофимова.

В этой же книге есть и фотография В.Г. Жаткина. В октябре 1943 года, когда в одной из атак фашисты, имея численное преимущество, сумели пробиться к нашим траншеям, начался рукопашный бой. Дрались все — солдаты, сержанты и офицеры. Гитлеровцы дрогнули и побежали, преследуемые гвардейцами. Василий Григорьевич участвовал и в других боях, показывая примеры мужества и высокого мастерства. 15 января 1944 года он отличился в бою за населенный пункт Чапец.

С войны не вернулся отец В.Г. Жаткина — Григорий Степанович, в 1941 году призванный Городищенским райвоенкоматом. Служил он красноармейцем и 22 марта 1943 года погиб в бою (захоронен в одном из сел Выходского района Смоленской области).

Г.С. Жаткин родился в 1905 году в городищенском селе Дигилевка. Из этого мордовского села ушли на фронты и не возвратились в родные места

25 представителей этой фамилии. Жаткины, названные в Книге «Память: Пензенская область», погибли в боях под Смоленском и на Украине, на подступах к польским городам Седльце, Рыбник Кагловицкого воеводства. Сержант Татьяна Ивановна Жаткина погибла в 1943 году. 12 дигилевцев пропали без вести.

Во Всероссийскую Книгу памяти занесены и Трофимовы, уроженцы деревни Комаровка Кузнецкого района. В Харьковской области, на Украине, 2 апреля 1943 года погиб в бою А.И. Трофимов (Александр Иванович родился в 1912 году). Трое Трофимовых пропали без вести: Петр Александрович, младший сержант, родившийся в 1902 году, числился в списках пропавших без вести с ноября 1941 года; Николай Петрович, красноармеец (год рождения — 1921-й) — с сентября 1941-го; Сергей Яковлевич, красноармеец, родился в 1904 году, пропал без вести в начале 1942-го.

Гвардии старшина С.П. Трофимов был демобилизован из армии в 1947 году. Он приехал в родную деревню, где, конечно же, узнал, кто из сельчан воевал и уже трудится дома, в каких семьях получили известия о гибели, о том, что такой-то пропал без вести.

Сергей Петрович не остался в деревне, по направлению Пензенского обкома ВКП(б) окончил Куйбышевскую юридическую школу, затем заочно — юридический институт. Профессиональную деятельность С. П. Трофимов начал в селе Игнатовка Ульяновской области, был прокурором Барышского района, заместителем прокурора Засвияжского района города Ульяновска, старшим помощником прокурора области, избирался членом президиума областной организации ветеранов войны и труда.

ТРОФИМОВ Сергей Петрович, род. 25.4.1924 в с. Комаровка Кузнецкого р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1944. В 1942 окончил среднюю школу. В Кр. Армии с 1942.

На фронте в Вел. Отеч. войну с июля 1943. Ком-р миномет. расчета 82-мм миномета 289-го гв. стр. полка (97-я гв. стр. див., 5-я гв. армия, 1-й Укр. фронт) гв. мл. сержант Т. в боях 4.8.44 за нас. пункт Падев (Польша) с расчетом подавил 2 пулемет. точки и уничтожил более 10 гитлеровцев. В последующих боях в авг. 1944 минометчики под его командой нанесли врагу ощутимый урон. Лично Т. уничтожил 5 гитлеровцев. 7.11.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Гв. сержант Т. в том же боев. составе (1-й Укр. фронт) за время боевых действий на плацдарме на лев. берегу р. Одер сев. г. Бриг (г. Бжег, Польша) 26-31.01.45 подавил 5 огн. точек и уничтожил более 10 гитлеровцев. 12.4.45 нагр. орд. Славы 2 ст. 19-21.4.45 в боях за г. Зенфтенбург Т. с расчетом уничтожил 4 пулемет. точки, сжег 2 автомашины и истребил большое кол-во гитлеровцев. 27.6.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1947 демобилизован. Работал в обл. прокуратуре г. Ульяновск. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., медалями.

Лит.: Роцин И.И. Солдатская слава. М., 1982. Кн. 6. С. 235-236.

Через три войны

Он, проходил по селу ровной неторопливой походкой — высокий, подтянутый, не согнувшийся под тяжестью лет. Темно-зеленая гимнастерка грубого сукна перетянута широким солдатским ремнем. В такт шагам позвякивают орден и медали.

Шумной воробьиной стайкой бежали в школу ребятишки. Кричали наперебой:

— Здравствуйте, дядя Егор!

— А вы к нам когда еще придете?

— Приду, приду. Раз приглашаете, приду!

С крыльца библиотеки окликнули:

— Егор Васильевич, что не заходите? Как Пелагеи Тихоновны здоровье?

Окликнула заведующая библиотекой.

Жена Чернигина что-то стала прихварывать в последнее время. То ли прохватило где. А скорей, годы сказывались.

— Сейчас, вроде, лучше.

— Возьмите ей что-нибудь почитать. Новые книги поступили...

Егор Васильевич зашел в комнату, занятую стеллажами. Остановился у выставки: на ней стояли книги о войне. Много книг. Десятилетия прошли, а не исчезла тема войны, все острее становится. Все больше и больше о ней пишут.

На обложке — солдат в стеганом ватнике, серой ушанке. Курит. «Судьба человека»... Читал ее, эту книжку, когда она еще в «Правде» была напечатана. Сильная штука! Здорово написал Михаил Шолохов про жизнь солдатскую, словно сам прошел всеми горькими верстами, со скаткой, котелком, да винтовкой за плечами.

Взял Егор Васильевич книгу, перелистал несколько страниц. Расплылись строчки перед глазами — без очков трудно стало. А как живой вставал перед глазами Андрей Соколов. Да и не только Соколов.

Многое вспоминалось старому солдату. Мало чем отлична его судьба от судьбы того шолоховского бойца. Всякое повидал на своем веку Егор Васильевич Чернигин.

...Десятого августа 1915 года простился он с родными пензенскими краями. Пошел, не оглядываясь, зная что смотрят влед ждущие заплаканные глаза матери, и все же не выдержал — оглянулся последний раз. В туманной пелене оставались Родники. Вот их уже и не видно — ни изб, крытых соломой, ни улицы, сплошняком заросшей зеленотравьем. Когда придется свидеться?

Поля, перелески, степи. Много пришлось пройти солдату — дышать седой пылью измученных зноем июльских дорог; скользить по грязи осенних тракторов, спускаться вниз ползучей, вырывающейся из-под ног тропинкой. Были и родные российские места, была и неведомая доселе заграница.

В Румынии застала весть о революции. Принесли ее в полк солдаты-большевики. И словно хворь какая привязалась — до боли в сердце, до темноты в глазах захотелось домой — в свои Родники. Здесь, на чужбине, и голос у ветра не такой, и птицы вроде не по-нашему поют. А самое главное, такие события происходят там...

С большим трудом удалось Егору Чернигину вернуться на родину. И сразу же попал он в крутой и горячий водоворот событий. Родники кипели. Бывший солдат был среди тех, кто организовывал в своем селе первый Совет.

А революции приходилось трудно. Ей нужна была помощь, верная и крепкая защита. И в мае восемнадцатого года, когда шли на Пензу цепи белочешских легионеров, среди ее защитников находился и Егор Чернигин. Снова взял он в руки винтовку, прибыл сюда по зову губкома партии.

Тонко звенели над головами вражеские пули, у Казанского моста ровно и четко стучал пулемет. Наши с боем отходили к Арбекову, в ближние леса, слишком неравны были силы.

Помнил Егор Васильевич вереницу простых сосновых гробов, выкрашенных красной охрой. Нескончаемой лентой протянулись они от Советской больницы до центральной площади Пензы. Это рабочие хоронили своих товарищей, погибших при защите города. Сейчас на братских могилах стоит памятник — рядом у древка знамени встали рабочий, крестьянин и солдат. И тогда, в восемнадцатом, они тоже стояли рядом.

Взял Егор Чернигин в тот майский день винтовку, да так и не выпустил ее. Вступил добровольцем в Красную Армию. Двадцать второй стрелковый полк, бои под Орлом против Деникина...

Это была на его счету уже вторая война — с гибелью друзей, кровью, слезами и горем близких. И разве мог знать солдат, что в марте сорок третьего, через четверть века, ему снова придется участвовать в боях...

...Пальцы Егора Васильевича перелистывали страницы книги. Нет, не обошла, не обделила его судьба. Всё довелось узнать: и большую радость, и горе глубокое, и счастье, и всеопалющую ненависть к врагу.

Сколько же было ему тогда, в том страшном, полыхавшем заревами и огнем июне? Да, к пятидесяти годы шли. Военкомат не торопил, давал отсрочку. Ушел на фронт сын Иван — Чернигин-младший. Проводил его до околицы отец, крепко сжал руку, похлопал по крутому, налитому силой плечу:

— И я скоро вслед за тобой. Авось, и свидимся. Чего на войне не бывает!

Настоял тогда на своем старый солдат, добился отправки на передовую. Снова вошли в его жизнь, стали частью бытия — окопы, бомбежки, дороги и тропы, война.

А с сыном так и не довелось свидеться. Случилось это под Орлом. Егор Васильевич и сейчас в мельчайших деталях помнит тот день. Черный день. К ним на позицию прибежал вестовой.

— Чернигин, к комбату.

Вошел Егор Васильевич в командирский блиндаж, и дрогнуло сердце от какого-то предчувствия. Необычно суровым и жестким было лицо комбата. Долго молчал, кроша папиросу. Тишина стояла в блиндаже, слышалось даже, как осыпается песок между бревнами (мышь, наверное). Но вот тот поднял глаза, подал надорванный конверт.

— Держись, отец.

Извещение было коротким — сын Егора Васильевича 28 февраля 1943 года погиб смертью храбрых в бою при наступлении на Смоленск.

Что мог сказать отец? Медленно сложил присланную бумагу, положил вместе с партбилетом в левый карман гимнастерки. Слез не было. Словно сдало что сердце, и камень горячий лег на него.

Товарищи уже знали о горе своего Отца — так его звали и во взводе — молодые были солдаты, необстрелянные, от тира да учебных мишеней сразу в пекло попали. Не утешали, не говорили обычных в таком случае слов. Знали, душой чувствовали — не всегда нужны слова.

А в ночь была атака. И падали скошенные вражьем огнем его товарищи, его сынки. Вражеская пуля не щадила, не разбирала — старый или молодой. А он шел вперед — высокий, не сгибающийся в атаке, совсем седой. И не брал его вражеский свинец.

Бои шли уже на подступах к самому Орлу. Враг дрался буквально за каждую улицу, озверело, жестоко, желая во что бы то ни стало удержать этот исконный русский город, важный в стратегическом отношении. Батальон, в котором был со своим противотанковым ружьем Чернигин, не мог поднять головы. А тут еще новость: вдалеке в туче пыли, в грохоте и лязге показались вражеские танки, тяжело ползли прямо на позиции батальона.

Кое-кто из молодых дрогнул — наедет махина на окоп, крутнется разок, и могилы копать не надо — сравниет с землей. Прикрикнул на одного из таких Егор Васильевич, уложил рядом с собой, зорко всматривался вдали, выжидал.

Вот танки все ближе и ближе. Медленно, тяжело, словно испытывая нервы, приближались зеленые стальные чудовища с черной свастикой. Перли наглые, жаркие, дышащие бензином, уверенные в своей силе и безнаказанности.

Вот он — виден в прорези прицела — поднялся на бугорок, обнажив уязвимое брюхо. Выстрел — и танк потерял ход, прыгают из него, спасаясь, танкисты.

Задымили еще подбитые танки, а остальные дрогнули, повернули назад. А тут и наша пехота встала в рост, пошла в наступление.

Дерзнул старый солдат вступить в единоборство с вражеским танком. Один на один боролся он и с вражеским самолетом.

Наглый и самоуверенный был фашист. На огромной скорости, на брешущем полете пролетел над окопами, поливая их свинцом. Поднимая голову от земли, Чернигин смотрел вслед самолету, а тот разворачивался, снова и снова делая заход.

— Не уйдешь, паразит!

И поймал Егор Васильевич в прорезь прицела противотанкового ружья вражескую машину. Задымилась она. Хотел летчик сбить пламя, покрутился, да не тут-то было, еще крепче занялось оно. За всё поплатился зарвавшийся фашист.

А Егора Васильевича во взводе в шутку стали называть зенитчиком. И танк первым в том бою подбил, и самолет подстрелил, словно воробья из рогатки. Своей храбростью, мужеством старый солдат показывал молодым — ничто враг перед русским человеком, перед его умом, сметкой, выносливостью.

Здесь командир полка, такой же пожилой, рано поседевший человек, приколот на гимнастерку солдата орден Славы третьей степени.

И снова бои, горячие, жаркие. Вот уже и речушка Дрисса. Вышли из строя ротный и взводный — одному пулеметная очередь прошла ноги, другому пуля задела голову. Медлить нельзя. Приказ твердый — закрепиться на том берегу, ждать подхода свежих частей.

Парторг роты и командир отделения Егор Чернигин приняли командование на себя. На бревнах, на досках переправились на тот берег, с ходу взяли вражеские траншеи.

И вновь бои, тяжелые, затяжные. Но по сигналу ракеты Е.В. Чернигин первым вставал на бруствер окопа с автоматом в руках, и бойцы поднимались вслед за ним. Они занимали окраину населенного пункта, берег реки и удерживали свой маленький плацдарм до подхода основных сил. Однажды встретились с вражеской разведкой, которая направлялась в сторону нашей засады. Не ушел ни один. Разве ожидали они такой дерзости! Разве могли подумать, что попадут в плен на захваченном берегу, в десятках метров от своих позиций! Вскоре Егор Васильевич получил орден Славы второй степени, а в Москву отправилось представление на первую.

Но вручали награду не в части. Опять вызвал солдата комбат. Был он помоложе того, что получил известие о гибели сына и вскоре погиб в одном из боев. Встал навстречу, сказал дружески:

— Соберайтесь, отец, в Москву. Калинин вас вызывает.

И здесь Чернигина звали Отцом.

Что собираться солдату? Поскоблится перед осколком зеркала, почистит кирзовые сапоги — и в путь. Первый раз за долгие военные годы он ехал на поезде. Всю дорогу, пешком — в дождь ли, в слякоть, в мороз или стужу — шагай, пехота, не уставай!

За окном проносились поля, леса, убежали вдаль телеграфные столбы — вроде бы и мирные пейзажи виднелись за плохо отмытыми стеклами. Но вот словно кто сжимал сердце, чернели и дымились пепелища, краснели битым кирпичом взорванные и сожженные здания вокзалов, водока-

чек. И по обеим сторонам дорог —obelisks, деревянные, сколоченные на скорую руку...

Шел солдат по улицам Москвы, постоял у Мавзолея, подошел к воротам Кремля. Молоденький лейтенант, вытянувшись, отдал честь. С уважением глядя на серую походную шинель фронтовика, сказал:

— Проходите. Пропуск вам уже заказан.

В высоком, светлом, залитом огнями зале их собралось много. Были здесь и солдаты, как Чернигин, приехавшие с передовой. Были и люди в штатском, но ордена им вручали боевые.

Вошел Михаил Иванович Калинин. Вручал ордена, пожимал руки, поздравлял с высокими наградами, шутил. Вместе со всеми аплодировал известным ему бойцам и Егор Васильевич. Наконец, назвали его фамилию.

Неторопливо подошел солдат к Калинин. Тот прикрепил рядом с двумя орденами Славы третий — золотой, обнял и трижды — по русскому обычаю — поцеловал.

Когда прощались, оба немолодые, поседевшие, Калинин пожал руку:

— На фронт или домой?

— На фронт.

Прямо из Москвы Егор Васильевич вернулся в свою родную часть.

...Сколько уже лет пролетело с той поры? Побольше двадцати. Егор Васильевич машинально перелистывал страницы шолоховской книги. Читал он этот рассказ. Да не о нем ли — Егоре Чернигине, прошедшем через три кровавых войны, через потери и утраты, и рассказал Михаил Шолохов в своей «Судьбе человека»?

Из задумчивости Егора Васильевича вывел голос библиотекаря. Она положила на стол стопку книг.

— Вот возьмите — это для Пелагеи Тихоновны.

— Я на обратном пути загляну. Надо еще в контору зайти. На дальнем поле озимые зарастают...

Знала библиотекарь, что неумный мужик Егор Васильевич, не заставишь его дома сидеть — и в посевную, и в уборочную в поле, да и в обычные дни заглядывает туда. Член группы народного контроля в совхозе. Резкий на слово, если заметит брак, упущение какое.

Он идет дальше по сельской улице — высокий, сутуловатый, не сломленный годами и бедами человек. Ветеран трех войн. Полный кавалер высшего солдатского ордена.

* * *

Впервые публикация о Е.В.Чернигине увидела свет в «Пензенской правде» 2 апреля 1965 года, затем материал о нем появился в газете Приволжского военного округа «За Родину».

28 мая 1968 года терновская районная газета напечатала очерк «Через три войны», под которым стояло: совхоз имени Энгельса Пензенского района.

Последние годы Егор Васильевич жил в Пензе, где и скончался 8 марта 1976 года. Похоронили его с воинскими почестями на Ново-Западном кладбище в начале 2-го участка Аллеи Славы, в крайнем ряду восточной стороны.

ЧЕРНИГИН Егор Васильевич, род. 12.02.1896 в с. Родники ныне Лунинского р-на Пензен. обл. в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1943. Образование начальное. С 1915 служил в русской армии, участвовал в 1-й мировой войне. В Кр. Армии с 1918 по 1919 и с сент. 1941.

В боях Вел. Отеч. войны с марта 1943. Стрелок 1264-го стр. полка (380-я стр. див., 50-я армия, 1-й Белорус. фронт) мл. сержант Ч. 29.02.44 у д. Лудчица (Быховский р-н Могилёв. обл.) первым ворвался в траншею пр-ка, из автомата сразил до 10 гитлеровцев и 1 взял в плен. 8.5.44 нагр. орд. Славы 3 ст. Ком-р отделения того же полка, див., армии (2-й Белорус. фронт) сержант Ч. 26.6.44 близ д. Острова (Чусовский р-н Могилёв. обл.) одним из первых форсировал р. Реста, поднял бойцов в атаку и овладел первой траншеей пр-ка, гранатой уничтожил пулемет с расчетом. 27.7.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 5-7.7.44 при освобождении д. Пекалин (в р-не г. Могилёв) с группой воинов занял окраину и удерживал ее до подхода основных сил. Лично подавил огн. точку, ликвидировал автомашину и неск. солдат пр-ка. 24.3.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Жил в пос. совхоза в Пензен. р-не, затем в г. Пенза. Нагр. орд. Отечественной войны 2 ст., медалями. Умер 8.3.1976.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 215-224.

Из глубины памяти

Мне сказали: «Его дом — десятый с краю». Я сбился со счета и не знал, девятый, десятый или одиннадцатый этот дом под новой железной крышей, только что обшитый тесом, с не застекленной еще верандой. Накрапывал дождь, на улице ни души, спросить не у кого. У меня была почему-то уверенность, что Алексей Сергеевич Чехманов живет здесь.

— Уехал в лес за жердями, — сказала его жена, Мария Ивановна. — Вот-вот должен вернуться. Никак с ремонтом

не распутаемся. Выходной нынче взял.

Ожидание скучным не было. У Алексея Сергеевича большая, дружная семья. Четверо детей: старшие — две дочери, младшие — два сына. Все учатся в средней школе. Сама Мария Ивановна учительница, очень энергичная и деятельная женщина.

В сельской семье забот и хлопот много. Все были чем-то заняты: заканчивали стирку, топили баню, перетаскивали выкопанную на огороде свеклу, носили капустные листья для коровы. Но меня, расположившегося на веранде, по долгу гостеприимства не покидали, то один, то другой занимали разговорами. Даже самые младшие оказались на редкость серьезными и интересными собеседниками. Они много знали, многим интересовались, здраво, удивительно по-взрослому рассуждали и всё расценивали.

Открыто и доверчиво Чехмановы рассказали о своем роде, начиная от дедов. Как старики в нужде жили, как Мария Ивановна мечтала врачом стать, но помешала война. Теперь она не теряет надежды, что одна из дочерей врачом все же будет. Алексей Сергеевич до войны работал плугарем, после кончил курсы трактористов и так «больше никуда не пошел», но «тракторист он хороший», тут же добавляют они. И это не родственная похвальба, после в правлении колхоза мне подтвердили, что Чехманов действительно один из лучших трактористов.

На дворе лил осенний дождь. Совсем стемнело.

Наконец он явился промокший, грязный, без жердей.

— Где же ты был? — спросили его хором.

— Ты же в лес собирался!

— Не поехал, пока морозов нет, пахать надо.

Слова Алексей Сергеевич словно порошки на аптекарских весах отвешивал. И сам он уж очень какой-то обыкновенный, этакий весь «глубоко мирный» колхозный пахарь и добрый семьянин. Тем не менее, этот чело-

век — подвиг, захватывающая и поучительная история, только история под замком скромности и скупого слова. И я приехал, чтобы вызвать у бывшего разведчика, грозы фашистов, как он воевал, как ему достались боевые награды. Знать это надо ради того, чтобы люди никогда не забывали, как досталась нам вот эта добрая, мирная жизнь на земле.

В мае 1941 года призванный на срочную службу Алексей Чехманов только начинал входить в армейскую жизнь. Учился владеть оружием, осваивал начало сложных и ответственных обязанностей пограничника. А в четыре часа утра 22 июня подразделение, стоявшее в 20 километрах западнее города Ровно, подняли по тревоге. Бойцы сразу поняли, что тревога не учебная: озадаченные лица командиров, в сообщении боевой обстановки не говорилось уклончиво «противник» или «войска синих», а прямо назывались немецкие войска. Выдали полный комплект боеприпасов, даже гранаты, чего ни при учебных тревогах, ни при обычных нарушениях границы не делалось.

С этого часа события в жизни Чехманова понеслись так быстро, что он не успевал следить за ними. Сменялись дни, места, лица, действия. Сейчас через годы ему уже и трудно было восстановить все в памяти. С пятого на десятое выплывало в ней то одно, то другое, а в целом трудно связать. Да и рассказчик Алексей Сергеевич не из бойких.

...Ни Западный Буг, ни пограничные заставы, численно небольшие и легко вооруженные, не могли остановить на границе 2-ю танковую группу 6-й немецкой армии. Пограничный отряд успел собрать свои тыловые подразделения и выдвинуться заслоном к городу Луцку.

Пограничники взорвали мост на реке Стирь и около двух суток вели бой с танками и пехотой противника, но не смогли гранатами и бутылками с горючим сдержать бронированный натиск, отошли к городу Ровно. В этом районе только начали вступать в бой части регулярной армии, совместно с ними пограничники днями оборонялись, а ночами отходили. Временами даже пытались в контратаки переходить. В результате всего немецкий удар на направлении Луцк — Ровно — Киев задержался больше, чем на параллельных направлениях севернее и южнее его. В этом была значительная доля заслуг и пограничников, и где-то совсем маленькая — Алексея Чехманова.

А пограничный отряд в непрерывных боях таял, как горящая свечка на ветру, оставалось человек полтора. Танковые колонны обтекли маленький отряд справа, слева и, сомкнувшись, устремились на восток. Десять дней с боями выходили пограничники из окружения. Фронт — кольцом, тыла нет, на поддержку соседа не рассчитывай, смены и передышки не жди. На какой-то станции пограничники, объединившись с группой автоматчиков, отбили у немцев 250 раненых советских бойцов. Отчаянно смелый бой вели, пока раненых на автомашинах вывозили и свободный путь им обеспечивали. Особо отличился Чехманов. Действовал он по святому солдатскому закону: «Сам погибай, а товарищей выручай». За выручку раненых и первую медаль «За отвагу» заслужил.

За короткий срок молодой солдат прошел большую военную науку. Как говорят, и «был обстрелян», и «вдоволь пороху понюхал».

Боец должен быть на все руки спец, а на что-нибудь одно большой мастер. Государственную границу фашисты танками прикатали, пограничникам надо было новую специальность приобретать. С собой Чехманов приземист, крепкий, смелый и в действиях решительный. Пограничная служба по духу близка к разведывательной: хорошая наблюдательность, умение применяться к местности, «брат» врага врасплох и живьем. И стал Алексей войсковым разведчиком.

...Белая Церковь запомнилась Чехманову первым размахом боев, в которых с обеих сторон участвовало много войск всех родов оружия. Советская Армия наращивала силы, крупные операции требовали много разведанных, и Чехманов ходил в разведку и в числе нескольких человек, и целых подразделений. Неизменный успех сопутствовал ему во всех вылазках и принес еще награду — орден Красной Звезды.

Рассчитывали уже, что дальше не пустят фашистов, не дадут обойти столицу Украины Киев с юга. Более тысячи лет тому назад здесь зародилась и отсюда пошло Русь. Москва — мать России, Киев — отец, а Днепр — колыбель ее. Тут и следовало стоять русским насмерть, и стояли, но немецкие танковые клинья в обход прорвались к Киеву. Который раз смерть обходила Чехманова стороной, а тут примерялась и к нему — ранен он был под Белой Церковью в ногу.

...Военный ветер кинул Чехманова с оставшимися товарищами на оборону Одессы. Известность разведчика теперь с ним не расставалась, военным дипломом ему служила. Правда, внешнего блеска, каким обычно разведчики отличались: удали, лихости, форса у него не было, зато в деле с ним не каждый мог тягаться.

Война превратна и не прочь даже иногда зло поиграть с солдатом. Немецкий снаряд «накрыл» Чехманова. Товарищи уже было к шапкам потянулись, почтить Алексея вечной памятью. А он поднялся, отряхнулся и автомат перезаряжает. «В голове, говорит, только что-то звенит». Посмотрели, а шинель на нем вся в клочьях: двадцать пять осколочных пробоев насчитали, на теле же ни царапины.

В Одессе бывший пограничник распрошался с зеленой фуражкой. Надели на него бескозырку с ленточками, черный бушлат и зачислили в 78-ю морскую бригаду.

Против Одессы немцы бросили восемнадцать дивизий, а защищали город всего четыре пехотные дивизии и морская бригада. Но, несмотря на более чем тройной перевес сил противника, одесская оборона героически держалась два с лишним месяца. Особой стойкостью и непробиваемостью в обороне выделялась морская бригада. А смерчевые, неотразимые контра-таки моряков приводили в трепет и нагоняли панику на гитлеровцев. «Черной смертью» называли эти ответные удары бригады и немцы, и румыны.

Но морская бригада несла потери, пополняться же ей приходилось сухопутниками. К чести пехотинцев, танкистов, артиллеристов, приходив-

ших в бригаду, они старались ни в чем не отставать от «соленых душ». И Чехманов вместе со всеми, «грудь в тельняшке», с развевающимися «на девять штормовых баллов» ленточками бескозырки, с молодецким пошвистом и криком «полундра» ходил в контратаки. А ночами участвовал в еще более дерзких разведывательных поисках, охотился за языками.

Все же и на корабль Чехманову пришлось ступить, только не своими ногами, санитары на носилках занесли. А моря он и в этот раз не видел. Пароход, переполненный ранеными, детьми и женщинами, пробивался сквозь морскую блокаду к кавказским берегам. Немцы весь рейс преследовали санитарный транспорт. Советский морской конвой вел бои с фашистскими пиратами. Темная ночь, за бортом рвались снаряды, бушевала вода, на палубе плач, стоны, Алексей метался в бреду...

Лечился Чехманов в одном из сочинских госпиталей. Сочи и всё черноморское побережье Кавказа уже не являлось тылом: фронт был с моря, враг рвался к грозненской и бакинской нефти, к Волге, строя планы обхода Москвы.

Удивительно быстро в военные годы залечивались раны, проходили болезни или просто не приставали, где бы, казалось, человеку неизбежно заболеть. Врачи объясняли это «волевой мобилизацией», а больше — руками разводили.

Выписался Алексей из госпиталя. Получил направление: «полевая почта» с каким-то четырехзначным номером. Жалко было, что не в старую часть назначили. Какова же была его радость, когда часть оказалась той же морской бригадой, передислоцированной из Одессы. И память об Алексее в бригаде еще жила. «Эх, вот Алексей Чехманов — это парень был! — вспоминали товарищи. — Где-то он теперь?» А он легок на помине: явился. И не успели еще из него госпитальные запахи выветриться, отправился в разведку.

Советскому командованию требовался язык, а что-то не удавалось ни одного пленного добыть. Захватят — не доведут или под огонь противника попадут и пленный, как назло, под пулю своих же подвернется, или при стычке излишне «обработают» и он раньше времени на тот свет отправится.

Со старыми друзьями за языком пошел Чехманов. Румынские саперы ползали по полю, мины ставили. Пополз по полю и Чехманов. Ночь: противник не скоро разберется, где свой, где чужой. Вот один минер в сторону отбился. Чехманов к нему по-пластунски, делает вид, что тоже мины ставит. Нос с носом столкнулись. Румын что-то тихо спросил по-своему, Алексей ответил «по-своему»... ударом по голове. Навалился на него, а сам думает: «Как бы не лишнего стукнул, в госпитале без тренировки отвык силу измерять». Но все «в норме» оказалось, подоспевшие товарищи помогли дотащить рослого пленного до переднего края.

...Разбили немцев на Волге, гнали с Кавказа. Кончились отступления в Новороссийске и для Чехманова. В упорных боях ликвидировали немецкий укрепленный плацдарм на Таманском полуострове. Подошло вре-

мя форсировать Керченский пролив. Потребовалась десантная операция, кому же, как не морякам ее поручить. И вот Чехманов уже десантник.

Ночью, под сильным огнем, неся потери, искупавшись в холодной воде, — высаживались с катеров вброд, — десант перескочил пролив. Здесь и произошла история. Чтобы впотьмах не перебить друг друга, отдан был приказ одеть всем белые нарукавные повязки. И как случилось, неизвестно, но такая же мысль пришла и немцам. Сошлись врукопашную, а бить ни тем, ни другим некого, все «свои». Получилась неудобная заминка, но тут наступил рассвет, разобрались и без повязок. Захватили плацдарм, закрепились на нем, принялись его расширять.

Первое: требование к разведке — ее непрерывность. А на противоположном морском берегу под Керчью, пришлось почти заново разведку налаживать. Работы было много, каждую ночь передний край боем прощупывали, во вражеский тыл рейды совершали. За разведывательные бои и захват «трудного языка» и наградили Чехманова орденом Славы третьей степени.

...Чтобы полностью очистить Крым от немцев, осталось только Севастополь взять. Войск немецких сюда стянуто было много. Гитлер по морю снабдил севастопольский гарнизон всем необходимым для длительной обороны. В специальном приказе напомнил, как долго русские держали этот город в начале войны. Даже пригрозил, что сурово расправится с каждым, кто сложит оружие или побежит из Севастополя. А чтобы бежать войскам было некуда, почти все суда с севастопольского рейда увели. Ничего не помогло. Чтобы взять Севастополь, немцам потребовалось больше восьми месяцев, а Красной Армии хватило четырнадцать дней для боев на подступах к городу, и всего три дня на его штурм.

И в этой битве Чехманов отличился. Вспоминая историю военных лет, один пожелтевший документ перелистывает, другой — потертую записную книжку-дневник, а Алексей Сергеевич награды перекладывает. Сказал несколько слов о Севастополе и отложил орден Славы второй степени в сторону. А в руках у него уже свидетель еще одного подвига — орден Славы первой степени. Что еще человек пережил, какие испытания вынес, силы вложил!

...Долог путь наступления от Новороссийска до Берлина. Где только не шел Чехманов, чего не видел, но самым большим чудищем впереди рейхстаг представлялся. Столько разговоров было об этом всем ненавистном доме. Алексей даже боялся, что пока он дойдет до Берлина, без него разнесут зловещее здание по камню. Задерживала операция по уничтожению окруженных юго-восточнее Берлина тринадцати немецких дивизий, за участие в которой он получил благодарность Верховного командования. К захвату рейхстага Чехманов успел, но участвовал не в общем штурме, а выполнял особое задание. Небольшой разведгруппе поставлена была задача прорваться до одной из комнат и захватить какие-то секретные документы, а какие, знал только старший группы и на всякий случай его заместитель. О документах сообщила агентурная разведка, она же и

план дала, по которому можно было найти место хранения документов в громадном здании.

Обреченными смертниками дрались немецкие солдаты и офицеры в своем главном и последнем убежище. Это были фашисты не в общем собирательном смысле, а отборные, чистопсовые нацисты из охраны ставки Гитлера. В последний схватке сошлись с ними испытанные и до конца верные правому делу советские воины. Мастера рукопашного боя — разведчики решительно пробивались по лабиринту коридоров и комнат. Все походило на бой в траншее с запутанными переходами, отсеками, блиндажами. Здесь только простора было больше и под высокими лепными потолками гулким эхом перекачивались взрывы гранат и выстрелы. Это была маленькая, но знаменательная битва, не уступающая большой по напряженности и беспощадности.

Вот тяжело ранен недавно прибывший в роту разведчик — за двоих бьется Чехманов. Убит Джамбеков, близкий друг еще с Новороссийска — за троих бьет врага Алексей. Страшна его месть за товарищей, за разоренную, покрытую пеплом Русскую землю. Он неудержимо рвется вперед, сея автоматные очереди, пуская в ход приклад, кинжал, кулаки.

Чехманов первым врывается в комнату, указанную разведчикам в задании. Столы, шкафы, сейфы и между ними мечутся холеные, лощеные штабники, хватаясь за оружие. Чехманов опережает их длинной, рассеянной по всему кабинету очередью из автомата. Кого-то наотмашь бьет прикладом, кого-то стволом. Из соседнего помещения через дверь немцы стреляют из пистолетов. Чехманов с гранатой кидается к двери.

А в это время старший разведгруппы хватает выпавший из рук убитого гитлеровца портфель, высоко поднимает его и кричит:

— Есть, ребята! Вот он!

Товарищи по операции в рейхстаге признали, а старший разведгруппы доложил, что Алексей Чехманов из всех первый заслужил награду. В статуте ордена Славы есть пункт «...награждаются те, кто: ... находясь в разведке, добыл ценные сведения о противнике...» А на очереди у Алексея был уже орден Славы первой степени.

...Война закончилась, но не для всех сразу. Часть, в которой служил Чехманов, бросили в район немецкого города Хемниц. В ряде мест еще долго продолжалась «малая война», названная так и подготовленная нацистскими главарями, когда они поняли, что в «большой войне» проигрывают. Недобитые, разбежавшиеся, а частью и заранее ушедшие в подполье гитлеровские головорезы, скрываясь, совершали диверсионно-террористические акты. Маленькие банды объединялись в тайные организации. Одна из них, более известная, называлась «Вервольф», что означало «Волк-оборотень». «Вервольф», располагая большим запасом оружия в тайниках, совершала нападения на советских военнослужащих, на честных прогрессивных немцев, новые правительственные и общественные учреждения, разбойничала на дорогах, взрывала мосты и заводы. Пришлось разведчику Чехманову еще около года задержаться на чужбине и

вылавливать в городах и лесах Саксонии озверевших гитлеровцев, когда мир уже праздновал победу.

...Мы вышли с Чехмановым из его недостроенного дома. На улице распрощались, он пошел прямо в поле, до морозов остатки зяби поднимать. За жердями опять не поехал, хоть ему с вечера и наряжали лошадь — общественное у Алексея Сергеевича было прежде всего.

ЧЕХМАНОВ Алексей Сергеевич, род. 3.5.1920 в с. Наумкино ныне Шемьшайского р-на Пензенск. обл. в семье крестьянина. Мордвин. Окончил 3 класса. Работал в колхозе. В Кр. Армии с мая 1941.

В боях Вел. Отеч. войны с июня 1941. Автоматчик 694-го стр. полка (383-я стр. див., Отд. Примор. армия) рядовой Ч. 26.01.44 в бою за г. Керчь (Крым) под пулемет. огнем подобрался к первой траншее пр-ка, из автомата сразил 4 гитлеровцев и захватил их пулемет. 1.3.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 14.4.44 в боях по освобождению Крыма в составе развед. группы под г. Алушта уничтожил 5 и заставил сдаться в плен 3 солдат пр-ка. 27.4.44 вместе с др. бойцами (Примор. армия, 4-й Укр. фронт) зап. г. Балаклава внезапным броском захватил выгодный рубеж и удерживал его до подхода подкрепления. Во время схватки взял в плен 4 враж. солдат. 24.6.44 нагр. орд. Славы 2 ст. В том же боевом составе (33-я армия, 1-й Белорус. фронт) на территории Польши 14.01-1.02.45 в боях близ нас. пунктов Зволена, Анджелов, Зангицвек и Копея истребил из автомата ок. 20 гитлеровцев, захватил пулемет. 31.5.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1946 демобилизован. Возвратился на родину. Работал трактористом в колхозе. Нагр. орд. Красной Звезды, медалями. Умер 28.8.1982.

Лит.: И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 225-236.

«Я — Сокол! Я — Сокол!»

Во Дворце культуры имени Ф.Э. Дзержинского проходили очередные Октябрьские чтения, на этот раз посвященные Великой Отечественной войне. Переполненный зал встал, аплодируя, когда по ковровой дорожке на сцену стали подниматься герои минувших боев. Рядом шли: Герои Советского Союза Алексей Иванович Бородин, Тимофей Максимович Максимов, Александр Михайлович Симанов, полные кавалеры ордена Славы Дмитрий Федорович Барышников, Алексей Иванович Коротков. Плечом к плечу с ними шагал и бывший связист Василий

Самсонович Юркин. Три ордена Славы, ордена Боевого и Трудового Красного Знамени, многочисленные медали горели на его пиджаке.

Зал был полон. Рядом с ветеранами войны, старыми солдатами — молодые юношеские лица тех, кто еще никогда не знал воинского строя. Но все одинаково внимательно слушали выступления тех, кто пришел на чтения. А они сидели на сцене, воевавшие на разных фронтах, кто в небе на «Иле», кто на земле — связистом или минером, кто — в кавалерии. Говорили о себе, вспоминали о прошлых боях, обращались к молодым — верно служить Родине.

Василий Самсонович не выступал. Просто он не готовился. А говорить перед таким большим залом без подготовки боязно. Это не собрание в своей автоколонне.

Но вот назвали его фамилию. Да, его. Назвал военком.

— За храбрость и мужество, проявленные в минувшей войне, Юркин Василий Самсонович награждается орденом Красной Звезды...

Юркин встал. Он чувствовал себя смущенным, не ждал такого. Военком подошел к нему, прикрепил на правой стороне пиджака награду, обнял и трижды по-русски поцеловал. И зал снова встал, приветствуя героя, награду, которая искала его более двадцати лет.

...Бои начались для Василия Юркина поздно. В военкомате даже речи не вели о его призыве. Пожилой майор улыбался и говорил:

— На войне и без вас народу хватит. Не хватало еще малышей в бой посылать...

Всему виной был маленький рост Василия. Что греха таить, в первые дни службы был он и поводом для улыбок, соленого солдатского розыгрыша.

Ушел на фронт отец — Самсон Евдокимович, оставив семерых детей.

— За старшего будешь, — сказал он Василию, — мать береги.

Шла война, а Василий по-прежнему работал в совхозе «Заря» Пензенского района. Повестка пришла лишь 15 апреля 1943 года.

Василий Самсонович вспоминал, как их, молодых солдат, построили, и командиры подразделений ходили вдоль фронта, подбирая себе «кадры». Кому нужны были артиллеристы и разведчики, кому саперы и сапжники.

Юркин стоял крайним — на левом фланге. Шинель до пят, варежек из рукавов не видно, шапка на уши сползла, сапоги не по размеру, большеватые. Не солдат, а смех один. И командиры, производившие набор в свои части, проходили мимо.

Обидно было Василию. И радость охватила его, когда подошел высокий капитан-грузин. Сейчас решится его судьба. А тот выражал свои чувства чисто по-грузински, вслух:

— Ну что делать? Всех больших солдат разобрали, а мне одни малышки достались.

Он подошел к Юркину, потрогал черные усы, спрятал в них усмешку:

— Ну, что с тобой делать, кацо? Катюшка и телефон таскать надо, винтовка, а не игрушка играть.

Начальник связи 117-го стрелкового полка 23-й дивизии капитан Бабудадзе не раз потом ругал себя за язык, но вылетело слово — не поймаешь. Так и прилипло в полку к Юркину — «Что я с малышка делать буду?»

Но звали «малышкой» только на первых порах. Поняли скоро товарищи, что ничем не хуже их воюет худенький, невысокий паренек. И из винтовки метко стреляет, и связь наводит споро — не каждый угонится, и обрыв ликвидирует вовремя.

Полюбили телефониста в полку за скромность, отзывчивость желание и умение всегда и во всем помочь товарищам. Теперь капитан Бабудадзе шутил уже по-другому, говорил:

— Что я без тебя, Юркин, делать бы стал, забери тебя пораньше в саперы или повара?

Нет на войне легких специальностей. Любая тяжела, будь хоть пехотинец ты, или минер, летчик, или танкист. На то она и война. Но связистам бывало все же труднее других. Проходила пехота через леса и болота, поля и степи, а связист тянул связь через минные поля, проволочные заграждения. Да не раз туда-сюда по линии пройдет. Так что, считай, в несколько раз побольше пехоты проходили войска связи.

Освобождал Василий Юркин Полтаву и Сумы, прошел через Смоленщину и Украину. Первые свои награды получил там — медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». За бои на территории Гомельской области он был удостоен ордена Славы третьей степени.

Участвовал в освобождении Киева. Правда, их часть не проходила через центр города, дрались на окраинах. Но бои и здесь были жестокие.

Форсировали Днепр. Переправлялись ночью — на лодках, под яростным ожесточенным огнем противника. До противоположного берега добрались немногие. Приняла товарищей навечно холодная днепровская вода.

Погиб друг Николай Николаев из Казани. Тоже связист, из одного полка. Не доплыл до берега — на середине вражеский снаряд разбил лодку.

Лодку, в которой находился Юркин, также опрокинуло взрывом — пошла ко дну. Шинель сразу намокла. Сапоги гирями потянули вниз. Катушка с проводом, коробка с телефоном, автомат. Днепровская вода кипела от пуль и снарядных осколков. Тяжело плюхались мины. Повисали ракеты. Била артиллерия. Не доплыть...

Но доплыл солдат. Отмель пошла. Не бросил ни автомат, ни телефон, ни катушки с проводом. Нельзя было их бросать.

Их дивизия не ушла с плацдарма, месяц удерживала его, пока готовилось наступление. И весь этот месяц рядовой Юркин находился на передовой. Не было случая, чтобы по его вине молчал телефон. Он прокладывал новые линии связи, полз под вражескими пулями и снарядами, когда случался обрыв. Иногда приходилось выходить на линию не один десяток раз. И все это ползком, короткими перебежками, под огнем.

За Днепр отважный связист получил орден Красного Знамени. А за бои на территории Латвии удостоен ордена Славы второй степени.

Участвовал гвардии младший сержант в прорыве вражеской обороны под Варшавой: связь тянул, и в атаки ходил. Форсировал реки — кроме Днепра, были Припять, Висла, Одра, другие известные и неизвестные речки. Перебрасывал через них — большие и малые — кабель, где на лодках, где вброд, а где просто вплавь — на бревне. Крутил ручку телефона, продавал трубку — и несло по проводам: «Я — Сокол! Я — Сокол!»

Были и другие позывные — на первых порах «Мушка» — предложение капитана Бабудадзе, потом «Заря» — название родного совхоза, где работала вся их семья; «Рамзай» — железнодорожная станция, что была неподалеку от них. Позднее узнает, что такой же позывной был у разведчика Рихарда Зорге. Но чаще звучало: «Я — Сокол! Я — Сокол!»

«Сокола» в полку знали. Дорожили своим лучшим связистом не только начальник связи, но сам командир — Герой Советского Союза Федор Иванович Винокуров.

Отлично воевал Юркин. Не раз, когда приходилось трудно, менял телефонный аппарат на автомат, шел в рядах атакующих. Уходил с разведчиками в ночной поиск и приводил оттуда позарез нужного «языка». На танках с десантом шел в атаку.

В Белоруссии, в сорок четвертом, ковырнула его все-таки вражеская пуля. Попала в руку. Хотели отправить в госпиталь — наотрез отказался. Поддержал и командир полка. Как только узнал о ранении связиста, пришел на дивизионный медпункт:

— Вы этого парня не отправляйте, в тыл, здесь лечите. Ему цены нет, хоть и ростом не выдался...

Ушел Юркин с медпункта с первым ранением. Второе было потяжелее — осколки попали в голову, бедро и правую лопатку. С месяц пробыл в госпитале. И опять пришел Ф.И. Винокуров.

— Выздоровливай! Да только, смотри, в свою часть возвращайся! Будем ждать!

Как же мог солдат пойти против таких слов своего командира? Едва затянулись раны, был Юркин уже в дороге: держал путь в свой полк.

Тяжелые бои выдались в Прибалтике. Здесь грязного и пропыленного Юркина опять встретил командир полка. Сказал радостно:

— Жив, Юркин!

— Так точно, товарищ подполковник!

— Сказали мне, что убили тебя. Не поверил. Не мог связист Юркин погибнуть! Мы еще до Берлина с тобой должны идти.

С боями прошел гвардии младший сержант 117-го стрелкового полка по территории Польши и Германии. Чужие места, знакомые разве только по учебнику географии. Вроде, и леса, и озера, и поля... А все чего-то не хватает. Даже цветы по-другому пахнут. И землю возьмешь в руки — не своя...

Тянул кабель по нерусским просторам связист Юркин, налаживал связь. Слышались слова: «Я — Сокол! Я — Сокол!»

Наступление велось стремительно. Не успеешь навести связь, как слышится команда — «Вперед!». Значит, опять сматывай катушки с проводом, и вперед — догонять передовые взводы...

Сбылись слова командира полка: дошел Василий Юркин до Берлина, остановился на Эльбе. Орден Славы первой степени вручили ему здесь. И стал он в полку первым кавалером высшего солдатского ордена. Номер был небольшим — 511.

Потом Василий Самсонович шутил, что, дескать, за столицы получил все три ордена Славы. Но ведь так оно и есть — за Киев, Варшаву и Берлин удостоен он высоких отличий.

Стояли на Эльбе, в городе Кирице. Здесь в небольшой деревушке, километрах в двух от реки, встречались с союзными войсками. Кому и идти на встречу, как не Юркину, решили в дивизии. Окреп парень, возмужал, и ростом, вроде, повыше стал за два года боев. И наград достаточно.

Разговаривали через переводчика, расспрашивали, кто где воевал. С уважением и почтительностью смотрели американцы на русского солдата, крепкого, загорелого, прошедшего через всю Европу, протянувшего кабель от Днепра до Эльбы.

На встрече познакомился Юркин с американским связистом. Тот тоже тянул связь через Эльбу. А больше ничем не мог похвастаться. Поздновато пришли на помощь союзнички...

После победы Василий Самсонович сразу же вернулся домой, — сказалась контузия после второго ранения. В полку провожали с почестями. Было общее построение, расчехлено боевое знамя. Обнял своего солдата полковник Федоров.

Возвратился на работу в свою «Зарю». Отец был дома, тоже дважды ранен, ходил на костылях — ампутировали левую ногу. По-прежнему плотничал, но здоровье было уже не то.

Семь лет после войны проработал Василий трактористом, потом закончил курсы шоферов, поступил в головную колонну треста «Пензастройтранс».

Позади десятки тысяч километров. Бывал Василий Самсонович в Москве и Ленинграде, Куйбышеве и Саратове, Воронеже и Липецке, Ярославле и Владимире. Десять лет без аварий проработал на одной машине. В колонне знали: если в рейсе Юркин, все будет в порядке.

А сколько строительных материалов перевозил он по Пензе! Из них строители возводили «Химмаш» и ВЭМ, цехи компрессорного и дизельного заводов, жилые дома.

...Мы разговаривали с Василием Самсоновичем в редакции. Он только что возвратился из очередного рейса. Крепкое сложение. Крупные рабочие руки, загорелое до черноты лицо.

— С кем из друзей переписываюсь? — переспрашивал он и отвечал: — С Пупченко Евгением Васильевичем. Он радистом был, сейчас в Донбассе живет. В бою выручал не раз, подменял на линии, когда особенно жарко приходилось. Изредка Коля Чуриков пишет. Он — воронежский. Тоже радист, но рота одна. Мы вместе с ним и с американцами встречались...

— А орден Трудового Красного Знамени когда получили?

— Да совсем недавно — в августе шестьдесят шестого. У нас в колонне не я один награжден. И Гришин, начальник эксплуатации, получил награду, и Мокшанцев, и медик Гаврилов...

Не сказал тогда, при встрече, Василий Самсонович, что он — ударник коммунистического труда, за безупречную работу его имя занесено в Книгу почета предприятия, что не раз получал он Почетные грамоты, благодарности и премии, больше говорил о своих товарищах:

— У нас в колонне немало фронтовиков. Василий Птицын мне ровесник. Петр Михайлович Буднев и на фронте шофером был. Константин Анисимов тоже машину водил в те годы...

На славу трудился и бывший связист. Несколько лет водил «Самсоньч» (так дружески, ласково звали его товарищи-шоферы) без ремонта могучий «Урал-855». Больше ста тысяч прошел, а машина, как новая, ремонта не требовала.

И еще одна встреча была у меня с кавалером ордена Славы — в кинотеатре «Родина». Перед началом сеанса показывали киножурнал «Советский воин», выпущенный Центральной студией документальных фильмов.

С экрана в зал глянуло простое открытое лицо шофера Василия Юркина. Собравшиеся видели, как военком вручает ему орден Красной Звезды, как стоя аплодирует зал Дворца культуры мужественному связисту. Как ведет Василий Юркин на стройку свой «Урал», разговаривает с друзьями.

И зал тоже аплодировал своему земляку.

* * *

В.С. Юркин редко выступал в печати с рассказом о минувших боях. Но 8 мая 1985 года «Пензенская правда» поместила его поздравление землякам с 40-летием Великой Победы, и в нем Василий Самсонович поведал об одном фронтовом эпизоде:

«Когда окончилась война, мне шел 21-й год, — делился с читателем бывший сержант, — но я чувствовал себя гораздо старше. Недаром быва-

лых, обстрелянных бойцов, независимо от их возраста, называли в войсках ветеранами, «стариками». В пекле боев быстро мужали солдаты.

Помню, как в октябре сорок третьего на Днестре севернее Канева отбивали мы яростные атаки противника. Я тянул связь с командного пункта полка в батальон. По-пластунски полз навстречу разрывам снарядов. Немецкие танки били по нашим траншеям. Что может сделать человек против стальной громады! Оказывается, многое. Гранатами, бутылками с горючей смесью поджигали мы фашистские танки. Спасибо и артиллерии. Заградительный огонь ее внес смятение в ряды противника. Плацдарм мы удержали.

За этот бой представили меня к ордену Красного Знамени. Как отличившегося, решили сфотографировать. Посмотрел фотограф на мой вид и развел руками: от моей гимнастерки один ворот остался. Пока я ползал с катушкой кабеля по каменистому днепровскому берегу, вконец оборвался. Старшина смеется: «Счастливым ты, Юркин! В таком пекле уцелел. А гимнастерку мы тебе мигом заменим...»

28 июля 2000 года газета «Наша Пенза» опубликовала письмо, которое прислали в редакцию дочери В.С. Юркина (он скончался 18 июля и был похоронен на Аллее Славы Ново-Западного кладбища). Большое участие в проводах его в последний путь, — писали вдова и дочери, — принял мэр Пензы А. С. Калашников. Он очень помог нашей семье, помог в трудную минуту, взяв на себя организацию похорон».

ЮРКИН Василий Самсонович, род. 17.12.1924 в с. Дубровка-на-Узе Шемьшейского р-на Пензенской обл. в семье крестьянина. Мордвин. Член КПСС с 1966. Окончил 7 классов. Работал трактористом в совхозе. В Кр. Армии с апр. 1943.

В боях Вел. Отеч. войны с авг. 1943. Телефонист 117-го стр. полка (23-я стр. див., 61-я армия, 2-й Белорус. фронт) ефрейтор Ю. 12.4.44 в бою на р. Ствига, 12-14 км юго-вост. г Туров Гомельской обл. (Белоруссия), под огнем устранил ок. 30 порывов на линиях связи, из личн. оружия поразил неск. солдат пр-ка. 25.4.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 24.10.44 в бою в р-не хут. Лачи (3 км сев.-зап. нас. пункта Вайнёде, Латвия) мл. сержант Ю. (тот же боев. состав, 1-й Прибалт. фронт) под огнем исправил 27 повреждений на линиях связи. Был ранен, но поля боя не покинул и продолжал выполнять боев. задачу. 29.11.44 нагр. орд. Славы 2 ст. 14.01.45 в бою за нас. пункт Дембно-Воля (41 км юж. г. Варшава, Польша) нач-к направления связи тех же полка, див., армии (1-й Белорус. фронт) Ю. под огнем устранил 19 нарушений связи. Был ранен, но остался в строю и способствовал оперативному управлению боев. действиями подразделений. 24.3.45 нагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Жил в г. Пенза. Работал шофером. Нагр. орд. Красного Знамени, Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Участник Парада Победы 1995.

Лит.: Плесцов К.М. Военные связисты. М., 1958. С. 129; И родом они пензенские. Саратов-Пенза, 1968. С. 241-246.

Награда через четверть века

Большая радость пришла в дом семьи Янаевых. Глава семьи Хамзя Исмаилович стал полным кавалером ордена Славы.

В годы Великой Отечественной войны Х.И. Янаев вместе со своими сверстниками из села Кочалейки ушел на фронт. Храбро сражался воин с врагами Родины.

Ратные подвиги младшего сержанта по достоинству оценены. Но случилось так, что Янаеву выдали два ордена Славы третьей степени и один — второй степени. С этими и другими наградами вернулся воин в родное село, в 1947 году.

В Каменском райвоенкомате посчитали, что при награждении фронтовика, вероятно, допущена ошибка. Ведь каждой степенью ордена Славы награждается воин только один раз, а у Х. И. Янаева два ордена Славы третьей степени. В вышестоящие организации был направлен запрос. Ответ не заставил себя долго ждать — действительно, это была ошибка. И вот военный комиссар района вручил Хамзе Исмаиловичу высшую солдатскую награду — орден Славы первой степени. Так Янаев стал еще одним в области полным кавалером ордена Славы.

«Пензенская правда». — 1970. — 15 февраля.

Дом, где жил Хамзя Исмаилович Янаев, не пришлось долго разыскивать.

— Вот он, — указал шустрый мальчуган, как только въехал я в центр Кочалейки.

Буквально все сельчане знают ветерана Великой Отечественной войны, полного кавалера ордена Славы. Он вырос здесь, работал трактористом, продавцом, заготовителем в Головинщинском рабочем кооперативе.

Хозяин встретил нас гостеприимно, пригласил в квартиру. Он недавно встал с постели: старые раны и сейчас еще давали себя знать.

Я представлял вначале Хамзю Исмаиловича настоящим богатырем. А он такой, как и многие. Среднего роста, широкоплечий, спокойный, уверенный, даже немного веселый.

— Вас интересуют мои боевые подвиги? — Черные, словно спелые смородины, глаза засветились искоркой, и Хамзя попросил хозяйку достать документы.

Их много. Ведь Янаев прошел с боями от Воронежа до Праги. Участвовал в разгроме хваленной японцами Квантунской армии. Как дорогую реликвию перебирал прославленный воин награжденные удостоверения и неторопливо вел рассказ.

...Август 1942 года. Кочалейскому трактористу Хамзе не было и восемнадцати лет, когда он стал курсантом отдельного автополка. Здесь готовили танкистов. Через полтора месяца младший сержант Янаев попал на Воронежский фронт в разведывательный батальон 6-й танковой армии. Здесь, на Курском выступе, и принял первое боевое «крещение» Хамзя. Не раз в составе головного дозора участвовал в разведке с боем.

А потом форсирование Днепра. Наши части готовились к освобождению Киева. Требовалось еще раз уточнить огневые точки противника. Выполнение этой ответственной задачи поручили группе разведчиков, в составе которой был и младший сержант Янаев. Под покровом ночи группа проникла во вражескую оборону, захватила «языка». Полученные от немецкого офицера сведения оказались ценными для штаба.

Киев освобожден. Среди других отличившихся оказался и Хамзя. Командир полка прикрепил к его гимнастерке орден Славы III степени. Это была первая награда.

Ходил в разведку Янаев под Белой Церковью, участвовал в окружении и разгроме Корсунь-Шевченковской группировки, откуда немецкое командование вынашивало планы вновь овладеть правобережной Украиной.

...Наши войска начали освобождение Румынии. Упорные бои шли на подступах к Будапешту, севернее озера Балагон. Здесь за образцовое выполнение заданий командования младший сержант Янаев получил орден Славы II степени. На счету у храброго разведчика были уже три добытых «языка», десятки уничтоженных вражеских солдат и офицеров, огневых точек противника.

Хамзя Исмаилович находился в числе тех отважных русских воинов, которых так радушно встречали жители Будапешта, Вены и других освобожденных от фашистского ига городов Западной Европы.

Надолго осталась в памяти у Янаева и Пражская операция. Разгром гитлеровской Германии был близок. Но около шестидесяти вражеских дивизий, уклонившихся от капитуляции, засели в мощных бетонированных укреплениях и продолжали удерживать Прагу. В упорных боях вновь отличился Хамзя Исмаилович. Его представили к награждению орденом Славы I степени.

Но случилось так, что Янаев после завершения Пражской операции не смог получить эту награду. Она нашла героя совсем недавно.

Отлично воевал Хамзя Исмаилович и на Восточном фронте, когда наши войска громили японских самураев. Свидетельство тому — еще одна заслуженная награда — орден Красной Звезды.

Всего один эпизод

— Однажды, было это в Австрии, — вспоминает Хамзя Исмаилович, — заметили мы включенную без светомаскировки электролампочку в одном доме на окраине селения. Вошли в помещение. В нем было пусто. И вдруг выстрел, электролампочка разлетелась вдребезги. Услышали немецкую брань.

Это оказался патруль фашистского гарнизона: он принял разведчиков за своих и явился пресечь нарушение порядка на передовой. Сержант Янаев выскочил навстречу фрицу, да так ударил его открытой ладонью в лоб, что немец упал навзничь, перевернулся через голову и затих. Убедившись, что фашист мертв, вернулись в свое расположение и доложили о случившемся. Командование приняло меры по ликвидации небольшого вражеского гарнизона.

Иногда выходили на задание во главе с командиром разведвзвода лейтенантом Потемкиным. Как-то получили задание на захват «языка». Осторожно пробирались вдоль дороги по лесу. Вдруг услышали шум телеги. Командир взвода приказал сержанту Янаеву выяснить, кто едет. Подобрался к повозке Хамзя Исмаилович, увидел в ней немца с винтовкой. «Сейчас оглушу, и «язык» есть», — подумал Янаев, но не рассчитал, да так грохнул прикладом по голове фрица, что тот не мог прийти в сознание трое суток. Оказалось, это был подвозчик патронов для станковых пулеметов.

— Кто брал «языка»? — строго спросил командир разведбатальона.

— Сержант Янаев, — отвечает Хамзя Исмаилович.

— Эх, ты, здоровенный битюг, что же ты наделал?

Долго ворчал командир батальона: ведь дорога была ложка к обеду, а этот «язык» пришел в себя, когда уже были доставлены другие.

ЯНАЕВ Хамзя Исмаилович, род. 2.6.1924 в с. Кочалейка Каменского р-на Пензенской обл. в семье рабочего. Татарин. Образование начальное. Работал трактористом. В Кр. Армии с августа 1942. На фронте с июня 1943.

Автоматчик 80-го отд. мотоциклет. батальона (5-й гв. танк. корп., 38-я армия, 1-й Укр. фронт) ефрейтор Я. в ноябре 1943, действуя в составе группы разведчиков на киевском плацдарме, ворвался во враг. блиндаж, увлекая за собой остальных разведчиков, уничтожил 3 гитлеровцев и захватил «языка». 19.01.44 Я. в составе развед. группы, находясь в тылу врага в р-не Кобыляки, Ризино (Украина), собрал ценные разведданные и своевременно доставил их командованию. 1.3.44 нагр. орд. Славы 3 ст. 20.3.45 в боях за г. Веспрем (Венгрия) группа разведчиков, в к-рой действовал пулеметчик 15-го отд. мотоциклет. б-на того же танк. корпуса (6-я танк. армия, 2-й Укр. фронт) гв. ефрейтор Я., перейдя передний край обороны пр-ка, была вынуждена вступить в бой. В завязавшейся схватке Я. истребил 8 солдат и 3 захватил в плен. 12.4.45 в боях за г. Вена Я. первым ворвался в дом, где засели гитлеровцы, и огнем из автомата и гранатами поразил неск. пехотинцев. 31.5.45 нагр. орд. Славы 2 ст. 19.4.45 близ нас. пункта Хагенберг (Австрия) ком-р мотоциклет. отделения того же боевого состава Я., участвуя в отражении контратаки пр-ка, гранатами подбил враж. танк. 24.4.45 в р-не г. Брно (Чехословакия) Я., действуя с отделением в составе развед. группы, лично истребил 8 гитлеровцев и 2 пленил. 31.5.45 нагр. орд. Славы 3 ст., 23.9.62 перенагр. орд. Славы 1 ст.

В 1945 демобилизован. Жил в г. Каменка Пензенской обл. Работал заготовителем. Нагр. орд. Отечественной войны 1 ст., Красной Звезды, медалями. Умер 4.11.1997. Похоронен в с. Кочалейка.

География подвига: центры и периферия

Известный публицист Сергей Кара-Мурза привел в Интернете (<http://vif2ne.ru/forum/archive/50>) очень интересные сведения о национальном составе лиц, удостоенных звания Героя Советского Союза. По итогам подсчета, на которые он опирается, среди них 7998 русских, 2021 украинец, 299 белорусов, 161 татарин, 107 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 89 армян, 67 узбеков, 63 мордвина, 45 чувашей, 43 азербайджанца, 38 башкир, 31 осетин, 18 марийцев, 16 туркмен, по 15 литовцев и таджиков, по 12 латышей и киргизов, по 10 коми и удмуртов, 9 эстонцев, по 8 калмыков и карелов, по 6 кабардинцев и адыгов, 5 чеченцев и ингушей, 4 абхазца, по 2 якута и молдаванина, 1 тувинец.

Из этого можно видеть, что вклад разных народов в Победу далеко не одинаков. Но если идти вглубь проблемы, то неизбежно возникнет вопрос: а одинаков ли вклад в Победу представителей одного этноса - русского в его различных территориальных образованиях. Понятие этноса, нации, как известно, включает в себя целый ряд компонентов, связанных с географией, экономикой, языком, духовным складом, генетикой и т.д. Но пространства и историческая судьба России таковы, что трудно говорить о полной идентичности качеств различных социумов русского народа, разбросанного на огромной территории. Сибиряки, москвичи, петербуржцы, волжане, поморцы, кубанцы - их многое объединяет, но многое и отличает. Не отсюда ли рассуждения иностранцев о загадочности русской души? Да и многие наши соотечественники никак не придут к единому мнению о том, что есть русский человек. Раб или разбойник, анархист или государственник, душа нараспашку или лукавец, западник или азиат. Итоги многих выборов, когда россияне были поставлены перед жесткой дилеммой, какой путь избрать для себя и своих потомков, также показали, что русские как нация ведут себя далеко неодинаково.

Можно ли, например, определить глубину различий отношения людей к государству на уровне регионов? Такую задачу не раз ставили перед собой социологи, решая ее путем опроса респондентов. Но данный метод не совсем хорош, поскольку, во-первых, люди не всегда искренни перед лицом собеседника с анкетой в руках. Во-вторых, в таких исследованиях данные, как правило, суммировались и подводились к «единому знаменателю», общероссийскому показателю. Тем самым затушевывались региональные особенности.

Наш метод выявления оценочных показателей исключает возможность поведенческой самокоррекции респондентов, поскольку берет за единицу измерения не слово, сказанное «на публику», а дело, реальное поведение людей в экстремальных ситуациях. В 1987-1988 годах вышел двухтомник «Герои Советского Союза» с краткими биографиями людей, удостоенных высшей степени отличия за такие действия, которые очень часто требовали от человека полного отречения от собственного «я», ради чего-то высшего. Среднестатистический Герой — это человек, доказавший на деле готовность к самопожертвованию во имя Отечества, заявивший сво-

им поступком, что интересы государства для него выше, чем собственная жизнь. По существу Герой и есть «стопроцентный» государственник. В 2000 году Воениздат выпустил еще один интереснейший биографический справочник, на этот раз кавалеров ордена Славы всех трех степеней. А, как известно, правовой статус полных кавалеров этого ордена приравнен к статусу лиц, удостоенных звания Героя Советского Союза. Их подвиг — также свидетельство величайшего героизма, к тому же совершенного неоднократно.

Эти два издания стали тем источником, на основе анализа которых, с помощью количественного метода исследования, получены результаты, позволяющие судить достаточно объективно об обобщенном облике россиян различных регионов в их отношении к государству. Поскольку численность населения в республиках, краях и областях далеко не одинакова, произведен пересчет Героев и полных кавалеров ордена Славы на 100 тысяч жителей.

Численность населения регионов взята по официальным данным Всесоюзной переписи 1959 года. Конечно, надежнее было бы руководствоваться данными 1939 года, полученными как раз накануне Великой Отечественной войны, давшей более 90 процентов людей, удостоенных высших ратных наград. Но, к сожалению, практически это сделать невозможно из-за больших изменений в административно-территориальном устройстве РСФСР в военные и послевоенные годы. Достаточно вспомнить, что в 1943-1946 и середине 1950-х годов в составе РСФСР образовалось 19 новых областей и республик, главным образом, за счет разукрупнения соседних. А вот административная карта России 1959 года в максимальной степени соответствует нынешней, поэтому является достаточно надежным критерием исследования. Лишь по Москве и Ленинграду численность населения взята по переписи 1939 года, поскольку административные границы этих городов подвергались до начала шестидесятых меньшим изменениям.

Некоторые цифры по областям немного не совпадают с данными, опубликованными в книгах, вышедших в местных издательствах. Например, в книге «Твой Герой, земля Владимирская» (Владимир, 2000) показано 146 биографий Героев Советского Союза, из них уроженцев Владимирской области оказалось 131. По нашим же подсчетам по вышеназванному двухтомнику, Героев, уроженцев владимирской земли больше — 153. Наша цифра, по-видимому, более точная, поскольку двухтомник «Герои Советского Союза» создавался на строго документальной основе — наградных листах, хранящихся в Военном архиве Министерства обороны. Региональные справочники, как правило, менее точны. Такие же несовпадения встречались по полным кавалерам ордена Славы, и в случае различий также приходилось руководствоваться сведениями из биографического справочника Министерства обороны.

По нашим подсчетам, на 1988 год Российская Федерация — родина 8754 Героев Советского Союза и 1875 полных кавалеров ордена Славы.

Расположим регионы в том порядке, какой они занимают по количеству героев — уроженцев данных мест — на 100 тыс. жителей. Субъекты Федерации, имевшие менее 2,5 Героев и 0,25 полных кавалеров ордена Славы на 100 тыс. жителей, в расчет не принимались.

**ТАБЛИЦА численности Героев Советского Союза
и полных кавалеров ордена Славы**

Регионы	Числ. нас-я (1959), (тыс.)	Герои СССР		Полн. кав. Славы		Итог (пп. 4+6)
		Всего	На 100 тыс. жит. и занимаемое место	Всего	На 100 тыс. жит. и занимаемое место	
1. Смоленская обл.	1.140	253	22,19	47	4,12	26,31
2. Орловская обл.	926,0	184	19,87	45	4,86	24,73
3. Калужская обл.	895,0	153	17,09	27	3,02	20,11
4. Рязанская обл.	1.444	241	16,69	49	3,39	20,08
5. Курская обл.	1.481	229	15,46	62	4,19	19,65
6. Тверская обл.	1.808	295	16,32	59	3,26	19,58
7. Псковская обл.	954,0	151	15,83	35	3,67	19,50
8. Липецкая обл.	1.141	164	14,37	31	2,72	17,09
9-10. Костромская обл.	919,0	130	14,15	24	2,61	16,76
9-10. Пензенская обл.	1.510	205	13,58	48	3,18	16,76
11. Белгородская обл.	1.190	164	13,58	34	2,86	16,44
12. Тамбовская обл.	1.547	193	12,48	51	3,30	15,78
13. Воронежская обл.	2.287	269	11,76	69	3,02	14,78
14. Ульяновская обл.	1.118	130	11,63	29	2,59	14,22
15. Брянская обл.	1.551	177	11,41	41	2,64	14,05
16. Ярославская обл.	1.396	160	11,46	32	2,29	13,75
17. Саратовская обл.	2.167	260	12,00	37	1,71	13,71
18. Вологодская обл.	1.297	132	10,18	36	2,78	12,96
19. Владимирская обл.	1.363	153	11,23	23	1,69	12,92
20. Тульская обл.	1.912	207	10,83	31	1,62	12,45
21. Мордовская АССР	999,0	98	9,81	26	2,60	12,41
22. Кировская обл.	1.919	184	9,59	41	2,14	11,73
23. Волгоградская обл.	1.849	179	9,68	35	1,89	11,57

24. Алтайский край	2.579	236	9,15	59	2,29	11,44
25. Новгородская обл.	740,0	77	10,40	7	0,95	11,35
26. Ивановская обл.	1.351	134	9,92	17	1,26	11,18
27. Курганская обл.	1.002	86	8,58	26	2,59	11,17
28. Оренбургская обл.	1.831	159	8,68	39	2,13	10,80
29. Астраханская обл.	680,0	60	8,82	13	1,91	10,73
30. Северная Осетия	448,6	39	8,71	6	1,34(40)	10,05
31. Ставропольск. край	1.886	139	7,37	43	2,28 (22)	9,65
32. Краснодарский край	3.766	280	7,43	58	1,54(37)	8,97
33. Нижегородская обл.	3.466	253	7,30	52	1,50(38)	8,80
34. Коми АССР	230,0	12	5,22	8	3,48 (5)	8,70
35. Ростовская обл.	3.314	226	6.82	60	1,81 (28)	8,63
36. Башкирская АССР	3.223	228	7,07	44	1,37(39)	8,44
37. Новосибирская обл.	2.299	147	6,39	40	1,74(30)	8,13
38-39. Самарская обл.	2.257	155	6,87	23	1,02(48)	7,89
38-39. Татарская АССР	2.850	179	6,28	46	1,61 (36)	7,89
40. Архангельская обл.	1.205	72	5,97	10	1,67(33)	7,64
41. Ленинградская обл.	1.261	81	6,42	15	1,19(45)	7,61
42. Тюменская обл.	1.094	68	6,22	11	1,01	7,23
43. Марийская АССР	647,0	33	5,10	12	1,85	6,95
44. Удмуртская АССР	1.333	74	5,55	17	1,28	6,83
45. Чувашская АССР	1.098	63	5,73	11	1,00	6,73
46. Томская обл.	750,0	37	4,93	13	1,73	6,66
47. Омская обл.	1.646	82	4,98	27	1,64	6,62
48. Московская обл.	5.906	311	5,27	56	0,95	6,22
49. Читинская обл.	1.036	49	4,73	15	1,45	6,18
50. Красноярский край	2.614	121	4,63	35	1,34	5,94
51. Пермская обл.	2.998	144	4,80	29	0,97	5,77
52. Калмыцкая АССР	179,5	9	5,03	1	0,56	5,59
53. Амурская обл.	737,0	36	4,88	5	0,68	5,56
54. Иркутская обл.	1.757	70	3,98	19	1,08	5,06
55. Кабард.-Балк. АССР	420,0	16	3,81	5	1,19	5,00
56. Ленинград	3.003	140	4,66	8	0,27	4,93
57. Москва	4.132	176	4,26	20	0,48	4,74
58. Свердловская обл.	4.048	145	3,58	33	0,82	4,40

59. Карельская АССР	615,0	19	3,09	6	0,98	4,07
60. Приморский край	1.379	42	3,05	13	0,94	3,99
61. Бурятская АССР	655,0	17	2,60	9	1,37	3,97
62. Дагестанская АССР	958,0	33	3,44	5	0,52	3,96
63. Челябинская обл.	2.977	84	2,82	21	0,71	3,53
64. Чеч.-Ингуш. АССР	710,0	20	2,81	4	0,56	3,37
65. Кемеровская обл.	2.626	70	2,66	16	0,61	3,27
66. Хабаровский край	1.143	30	2,62	3	0,26	2,88
Всего	103.249	8763	8,49	1872	1,81	10,30

По числу лиц, удостоенных в основном в годы Великой Отечественной войны высших знаков воинской доблести, первые тридцать мест на уровне среднероссийского показателя (10,30) и выше занимают 28 чисто русских территорий (центр России, Северо-Запад, Вятка и Южное Приуралье) и две титульно-национальные республики — Мордовия и Северная Осетия. Причем в обеих верующее население исповедует православие.

Таковы объективные факты. Правда, можно назвать некоторые причины, благодаря которым восточные регионы (Урал и Сибирь) имеют невысокий уровень проявлений героизма на полях сражений. Одна из них, по-видимому, в том, что из-за отдаленности от мест боевых действий сибиряки и дальневосточники реже, чем их одногодки в центре России, мобилизовывались в армию, действовавшую против гитлеровской Германии. Дальний Восток все четыре года держал отобилизованные дивизии против японцев. Здесь много семей раскулаченных и репрессированных, отбывавших ссылку, у чьих сыновей было меньше шансов стать Героями по анкетным данным. Население Урала, Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы и на момент переписи 1959 года, по сравнению с местностями «старой России», росло более высокими темпами, что искусственно уменьшило численность Героев на 100 тысяч жителей.

Однако влияние послевоенной демографии все же не стоит переоценивать. По данным переписи, численность городов от Урала до Дальнего Востока с 1939 по 1959 годы выросла в среднем в 2 раза, а в городах, занимающих в нашей таблице первые десять мест, от Смоленска до Белгорода включительно, — в полтора. Разница, как видите, не сопоставима с цифрами Героев на 100 тысяч жителей: первая (европейская) группа дала их 238, а четвертая (в основном восточная) — лишь 59, то есть в четыре раза меньше.

Но и первая группа находится не в лучших условиях. Многие ее территории находились под оккупацией, призыв на службу в Действующую армию не производился от полугода до двух лет, что сужало возможность совершения подвига призывниками. Достаточно сказать, что самая геройская Смоленская область находилась под пятой захватчиков с сентября 1941 по октябрь 1943 года, то есть половину войны. Не избежали оккупации и соседи смолян по первой группе: Орловская, Калужская, Тверская,

Псковская, Курская, Белгородская, Воронежская области — всего 8 областей (половина списка). Во второй группе 7 областей попало под оккупацию. А вот регионы третьей и четвертой групп находились в этом смысле в более благоприятных условиях: здесь оккупированных полностью или частично областей насчитывается от одного до трех (Ростовская, Ленинградская, Московская в одной группе и Карелия в другой). Так что время нахождения под оккупацией областей первых двух групп вполне компенсирует демографические преимущества, о которых говорилось выше, и ставит представителей западных и восточных регионов почти в одинаковые условия в плане возможности совершения подвигів.

Еще один признак «самых героических» местностей — их сельский характер. Центральные районы страны, Поволжье, Кубань, Южный Урал составляют географический ареал русского земледелия и животноводства, где исторически формировался русский этнос допромышленной эры. Диаспоры иных ареалов выражают собой в разной степени отклонения от оригинала, связанные с проживанием в иных природно-климатических зонах, экономических, национальных и религиозных средах.

Выборочный анализ биографий Героев показал, что как минимум на четыре пятых они — уроженцы села. Например, в Пензенской области из 205 Героев только 15 — уроженцы городов. Основная масса отличившихся на полях сражений пензенцев по социальному статусу — крестьяне. Из них 51 родились в населенных пунктах, основанных служилыми людьми (казаками, стрельцами и пр.), однодворцами, включенными при Петре Великом в сословие государственных крестьян, а 106 — потомки крепостных. И ведут род из сельских населенных пунктов, образованных после 1861 года, поэтому отнести их к той или иной группе невозможно.

Никакой разницы в плане проявления героизма между потомками «государевых людей» и крепостных крестьян в Пензенской области не выявлено. Двойное превосходство последних в абсолютном показателе (106 Героев против 51) объясняется только тем, что численность бывших помещичьих крестьян в Пензенской области была как раз вдвое выше, чем государственных.

Ментальность населения разных регионов отнюдь не является константой. Воздействие обстоятельств меняет людей. Возможно, прав Л.Н. Гумилев, не раз отмечавший в своих трудах, что чрезмерные испытания, выпадающие на этнос, надламывают его боевой дух, снижают число пассионариев и увеличивает — конформистов. Весьма вероятно, что данный вывод верен и для регионов Русского Центра, чьи представители на полях сражений преодолевали немыслимые тяготы во имя независимости Отечества. Негативное воздействие средств массовой информации, социальная несправедливость, утрата жизненных ориентиров, распространение пьянства — все это неизбежно разрушает государственнический инстинкт населения. Вспомним первые послевоенные годы. Сколько признанных и непризнанных Героев спилось и погибло тогда! Какие были богатыри! Сейчас в таком же положении десятки миллионов востребованных специалистов. Но это уже иное время, иная тема...

Указатель авторов

Алимов Борис Васильевич, журналист (р.п. Каменка). Его материал о Х.И. Янаеве опубликован в каменской районной газете «Красное знамя» 21 февраля 1970 года.

Андреев Григорий Иванович, гвардии полковник в отставке, Вакуров Иван Дмитриевич, журналист (Москва). Очерк «Ефрейтор», посвященный И.М. Бешнову, вошел в их сборник «Солдатская слава». — М., 1976. — Кн. 4. — С. 31-34; материал «Разведчик» увидел свет 28 января 1969 года в газете «Пензенская правда».

Батуркин Петр Александрович, Зарубин Виктор Федорович. Их очерк о М.Т. Питенине опубликован в сборнике «Кавалеры славы ратной», изданном в Рязани в 1967 году (С 103-106).

Белан Павел Степанович, Потапов Андрей Викторович, Честнов Сергей Игнатьевич. Доблесть солдатская. — Алма-Ата. — 1974. — С. 143-145 (очерк об И.А. Карабанове).

Бердников Виталий Петрович, краевед, журналист. С 1953 года жил в селе Старый Чирчим Камешкирского района, где организовал музей. Публиковался в областной и районной печати, сборниках «Герои и подвиги». Статья «Что ни подвиг — награда», посвященная Н.Г. Макарову, опубликована 12 января 1981 года в районной газете, а 16 июля — в газете «Молодой ленинец».

Галутин Зиновий Вениаминович, руководитель клуба «Поиск» Московского торгово-экономического техникума, подполковник запаса. Его статья о Г.Я. Лаухине «Награда нашла героя» напечатана 24 марта 1982 года в «Пензенской правде».

Давыдов Серафим Алексеевич, педагог, поэт, автор нескольких сборников стихов. Участник Великой Отечественной войны. Стихотворение «Путь славы» было опубликовано в феврале 1950 года в газете «Сталинское знамя» (ныне «Пензенская правда»).

Доризо Николай Константинович, поэт, автор многих популярных песен и сборников стихов. «Баллада о солдатской гимнастерке» была опубликована в журнале «Огонек» (№3 за 1971 год. — С. 17).

Егоров Владимир Васильевич, журналист, работал в «Пензенской правде», не раз выступал в местной печати с материалами о земляках-участниках Великой Отечественной войны. Информация о Ф.Н. Видове помещена в областной газете 5 марта 1970 года.

Жаров Владимир Ефимович, радиожурналист (Пенза). Его материал о Г.Я. Лаухине «И как прежде в строю...» увидел свет в газете «Молодой ленинец» 1 мая 1988 года.

Кадышев Тихон Прокопьевич, журналист, подполковник в отставке, участник Великой Отечественной войны. Автор очерков в первом издании книги «И родом они пензенские». Статья «Славы полный кавалер», посвященная П.Д. Денисову, напечатана 19 ноября 1975 года в «Пензенской правде».

Кондратенко П.М. // *Созвездия Славы*. — Свердловск, 1975. — С.172-176. Очерк о Б.Г. Комарове «Тринадцатый, не последний» под названием «По дороге на Берлин» был напечатан 15 февраля 1984 года в газете «Пензенская правда». Его прислал из города Ковылкино (Республика Мордовия) Дмитрий Иосифович Лазаренко, целиком переписав его текст из сборника «Созвездия Славы».

Кочетов Александр Васильевич. Очерк об И.В. Левкине опубликован в сборнике «Солдатская слава». — Барнаул, 1985. — С. 95-98.

Кругляков А. Очерк о В.А. Соустине «Не прошли...» вошел в сборник «Фронтовики, наденьте ордена!», изданный в 1970 году в Кемерове (С.164-166).

Кургузов Иван Петрович. Его очерк «Ни шагу назад!» напечатан в сборнике «Солдатская доблесть» (Ташкент, 1970. — С.149-154).

Николаев Антип Николаевич. Очерк о П.В. Денисове помещен в его книгу «Солдатская слава» (издана в Архангельске в 1968 году. — С.53-58).

Попков Борис, журналист, работал в районной газете «Маяк» (Нижний Ломов). Его очерк об И.И. Кадомцеве «Солдатские ордена» 19 апреля 1975 года опубликован в районном центре, а 8 мая следующего года его перепечатала «Пензенская правда».

Роцин Иван Илларионович, полковник запаса, журналист. Автор ряда книг, публикаций в центральной и областной печати. Очерк «Сержант» об А.В. Егоркине увидел свет в сборнике «Солдатская слава», выпущенном в 1988 году Воениздатом.

Рубцов Виталий Николаевич, инженер-подполковник, краевед, журналист. Автор очерков в первом издании книги «И родом они пензенские».

Савин Олег Михайлович, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова. Автор более 40 книг по литературному и историческому краеведению, очерков, вошедших в первое издание книги «И родом они пензенские». Составитель настоящего издания, в которое включены 5 его материалов.

Юнгеровая Марина Петровна, журналист, искусствовед. Работала на областной студии телевидения, выступала в местной печати. Очерк «Ферапонт — русский солдат», рассказывающий о Ф.Н. Видове, был опубликован в «Пензенской правде» 19 ноября 1985 года.

Содержание

Об учреждении ордена Славы I, II и III степени	
Статут ордена Славы	
С. Давыдов. Путь славы	
Н. Доризо. Баллада о солдатской гимнастерке	
О. Савин. Хранители солдатской доблести	
Орден Славы за №1. О. Савин	
Талант солдата. О. Савин	
За бои в Белоруссии, Литве, Польше	
Хозяин сорокапятки. О. Савин	
Ефрейтор. Г. Андреев, И. Вакуров	
Ничто не забыто и никто не забыт. В. Егоров	
Ферапонт — русский солдат. М. Юнгера	
Дружил солдат с оружием. В. Рубцов	
За гаубичным прицелом. В. Рубцов	
«Каждый бой был трудным...». Т. Кадышев	
От Ленинграда до Берлина. А. Николаев	
«Разминировано. Долматов». Т. Кадышев, О. Савин	
Ни шагу назад! И. Кургузов	
Сержант. И. Рощин	
Наступление продолжается. В. Рубцов	
Три эпизода. В. Рубцов	
Солдатские ордена. Б. Попков	
Ты жив, солдат! О. Савин	
Два Ивана. П. Белан, А. Потапов, С. Честнов	
Растут у дома березы... О. Савин	
От Невы до Эльбы. В. Рубцов	
Тринадцатый, не последний. П. Кондратенко	
Всегда на страже. В. Рубцов	
Командир взвода пешей разведки	
Командир 45-миллиметровой пушки	
Такие не умирают. Т. Кадышев	
Награда нашла героя... З. Галутин	
И как прежде, в строю... Вл. Жаров	
За день до Победы. А. Кочетов	
Отличился во многих боях... ..	
Разведчик. Г. Андреев, И. Вакуров	

Солдат всегда солдат. В. Рубцов	
Что ни подвиг — награда. В. Бердников	
Герой Днепра. О. Савин	
Сапер в тылу врага. В. Рубцов	
Верность клятве. Т. Кадьшев	
Роспись на рейхстаге. О. Савин	
Покорялись реки бойцу... О. Савин	
«Достоин награждения орденом...» О. Савин	
Один из первых. П. Батуркин, В. Зарубин	
Любовь к земле. О. Савин	
Старшина батареи минометов	
«Действовал смело и мужественно...» О. Савин	
Труженик войны. В. Рубцов	
Не прошли... А. Круляков	
В составе 36-й танковой бригады	
Дорога через минные поля. О. Савин	
Под знаменем Полтавской дивизии. О. Савин	
Через три войны. О. Савин	
Из глубины памяти. В. Рубцов	
«Я — Сокол! Я — Сокол!» О. Савин	
Ходил в разведку сержант	
Награда через четверть века; Всего один эпизод. Б. Алимов	
М. Полубояров. География подвига: центры и периферия	
Указатель авторов	

Савин Олег Михайлович

**И РОДОМ ОНИ
ПЕНЗЕНСКИЕ...**

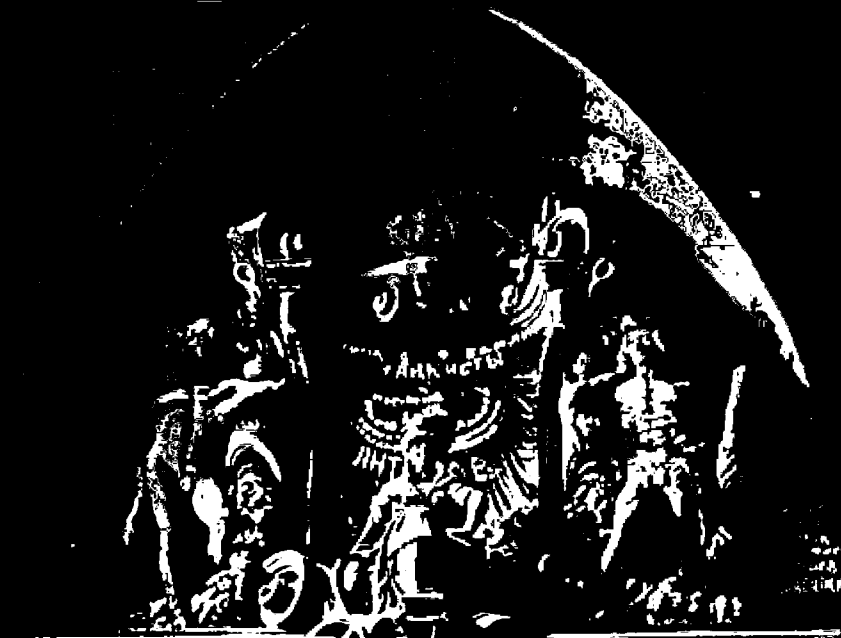
*Очерки о полных кавалерах
ордена Славы трех степеней*

Составитель -

Редактор -

Верстка -

Отпечатано в

36
C...
C...
C...
C...
C...

1955
M...
M...

General
of FDP
CO...
20 SEP
Py

19/5/55
K...
B.A.

00
1700
20
25
GEN
Su
A

PA...
C...
C...
C...

PA...
C...
C...
C...

PA...
C...
C...
C...